

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ
- ЗАГАДОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ
- ПОХОРОНЫ СОЦИАЛИЗМА ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЧЕТ
- ВЕСНА, КОТОРАЯ КОНЧИЛАСЬ В АВГУСТЕ
- ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ
- НАУКА ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ
- НЕ ПРИВЕДИ БОГ РОДИТЬСЯ В ВЕЛИКОЕ ВРЕМЯ
- КТО БЫЛ НИЧЕМ, ТОТ СТАЛ КАПИТАЛИСТОМ
- КОНЕЦ КУБИНСКО-АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ
- ЯДЕРНЫЙ КАРФАГЕН
- КТО ПЕРЕД КЕМ ВИНОВАТ
- МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК ФАШИЗМА
- МАРКС, НИЦШЕ И ДОСТОЕВСКИЙ
- ЛИТЕРАТУРНЫЕ СНОВИДЕНИЯ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Эткинд (Париж), Б.Вайль (Копенгаген), К.Сакума (Япония). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтатов. Четыре года</i>	19
Вести из СССР	36
<i>Зона безгласности. Беседа с Михаилом Кукобакой</i>	54
<i>У нас не хватает лидеров. Беседа с Роем Медведевым</i>	57
<i>Е.Габович. Нелюбимый мирный атом</i>	66
<i>Д.Марплес. От Чернобыля до Чернобыля</i>	77
<i>В.Сойфер. Колхозные академики</i>	83
<i>Д.Коут. Пражская весна</i>	91
<i>Я.Киш. Вторая оттепель в Будапеште</i>	106
Говорит и показывает Москва	110
<i>В.Морозов. Был рабочим, стал капиталистом</i>	111
<i>А.Орлов. Взлеты и падения профсоюзов</i>	114
<i>И.Мирович. Антисемитизм и христианство</i>	119
<i>Б.Кушнер. Не произноси ложного свидетельства</i>	122
<i>Б.Х. Обыкновенный фашизм</i>	127
<i>В.Войнович. Мы—вы—они</i>	133
<i>М.Харитонов. Конец эпохи</i>	136
<i>В.Страда. Между Марксом, Ницше и Достоевским</i>	141
<i>Б.Хазанов. Мост над эпохой провала</i>	147

В номере 160 страниц

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

Шестой год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ПОЛЬСКИЙ АПРЕЛЬ

С 5 апреля в Польше установилось весьма нечастое в общественной жизни состояние, именуемое национальным согласием. В этот день подписанием общественного договора завершились двухмесячные переговоры "за круглым столом", которые вели представители польского правительства и той части общественной оппозиции, которая группируется вокруг профобъединения "Солидарность". Подписанные документы представляют собой разработанный вчерне вариант реформы политической системы в Польше.

Уже 4 июня этого года — так порешили участники "круглого стола" — в стране будет проведен первый тур всеобщих парламентских выборов по новой системе, которые обеспечат переход к новому, более открытому обществу. Высший законодательный орган Польши (назовем его условно Национальным Собранием) впредь будет состоять из двух палат: нижняя по обыкновению будет именоваться сеймом, высшая — сенатом. По формуле, на которой сошлись правительство и "Солидарность", в польском сейме нового созыва из 460 депутатских кресел 65 процентов забронировано за правящей коалицией, в которой верховодит ПОРП, а вторыми

ролями довольствуются союзные коммунистам Демократическая и Крестьянская партии. Оппозиция может претендовать в лучшем случае на 161 мандат, причем 23 мандата заранее выделены для парламентариев от католической церкви. В сенате, который создается на территориальной основе, 100 мест, и все они открыты для избирательной борьбы. Каждое из 50 воеводств Польши изберет в сенат двух представителей. Сенат будет вправе налагать вето на любые законопроекты, касающиеся прав и обязанностей граждан Польши, и возвращать их на пересмотр в сейм. Сенатское вето может быть преодолено только в том случае, если при повторном рассмотрении законопроекта в сейме он соберет квалифицированное (не менее чем в две трети) большинство голосов. Иначе говоря, ни один закон не будет проведен без поддержки хотя бы части голосов оппозиционной фракции. В июньских выборах свою кандидатуру в депутаты сможет выставить каждый гражданин страны, собравший в свою поддержку не менее 3 тысяч подписей.

Кроме того, в штатное расписание польского государства решено ввести должность президента республики, который возьмет на себя функции, выполняемые сейчас председателем Государственного Совета, что делает весь этот орган ненужным. У оппозиции не было оснований отстаивать институт Государственного Совета, сложившийся в худшие времена послевоенного развития Польши и совершенно чуждый польской политической традиции. Президент, предположительно, бу-

дет избираться путем всенародных выборов, подобно тому, как это имеет место в странах с президентским правлением — например, в Соединенных Штатах или во Франции. Президент, видимо, получит также право распускать парламент при условиях, которые будут строго оговорены в новой конституции. В Варшаве поговаривают, что президентское кресло как нельзя лучше подходит для вывода генерала Войцеха Ярузельского из центра политической власти. Впрочем, многое в этом вопросе будет зависеть от уточнения президентских полномочий, которые пока не ясны в деталях. Правительство и "Солидарность" согласились с тем, что положения нового Основного закона Польши надлежит разработать парламенту нового созыва, но с оговоркой, что для принятия конституции также понадобится квалифицированное большинство, — то есть это наверняка не произойдет вопреки воле оппозиции.

Для достижения национального согласия стороны этого политического мезальянса пошли на взаимные уступки. Польское правительство в частности удовлетворило главное требование оппозиции о введении в стране профсоюзного плюрализма (речь в первую очередь велась о профсоюзной триаде: "Солидарность", "Сельская солидарность" и Независимый союз польских студентов). Команда Леха Валенсы от имени рабочей оппозиции обещала не допустить в стране забастовочной борьбы в течение ближайших двух лет — по меньшей мере до мая 1991-го и согласилась с поэтапным повышением цен, выторговав у властей обещание инфляционной увязки зарплат.

Национальное согласие в Польше — брак по расчету. Каков же расчет вступающих в брак сторон? Интерес польского правительства очевиден: включить часть оппозиции в систему власти, по возможности скорумпировав ее и повязав совместной ответственностью за вероятные socio-экономические провалы. Параллельно глава правительства ПНР Мечислав Раковский выгадывает как минимум двухлетний период социального мира, спасая себя от судьбы предшественников. За это время, по замыслу того же Раковского, начнет действовать особый психологический механизм, сдерживающий вовлеченную оппозицию от противостояния правительству. Именно с этой целью лидерам "Солидарности",

пользующимся международным авторитетом, хитро передоверена как бы почетная, а на деле ко многому обязывающая роль — роль интернациональных толкачей, добытчиков иностранной помощи. Уже в апреле Лех Валенса взялся за порученное дело с видимым удовольствием и не без успеха — американский президент заочно, а итальянский в ходе личного общения в Риме обещали пособить Польше новыми кредитами.

У "Солидарности", разумеется, иные виды — светлые головы оппозиции просматривают замысел Раковского, но надеются переиграть правительство на его же поле. Вот как видит позицию "Солидарности" личный консультант Леха Валенсы и главный советник профобъединения профессор Бронислав Геремек, который, между прочим, был сопредседателем переговоров за круглым столом.

"Заключенный политический контракт — это не более, чем односторонний договор. Это значит, что все договоренности касательно состава будущего Сейма относятся исключительно к выборам 1989 г., в то время как следующие выборы должны быть уже полностью демократическими. Предложенная система выборов приемлема для нас постольку, поскольку независимым депутатам обеих палат парламента будут обеспечены равные с правительственными законодателями права и поскольку будет соблюдено всеобщее право на свободное выдвижение кандидатов... Так мы представляем себе пакет политических реформ в сфере национальных институтов. Это часть общего процесса демократизации, куда входит и вопрос о демократизации судопроизводства, в частности обеспечение подлинной независимости судов, и вопрос о территориальном самоуправлении, о создании открытого общества, о равном доступе к средствам массовой информации и, не в последнюю очередь, о свободе ассоциаций. Одним словом, преобразуется весь политический контекст Польши. И "Солидарность" возвращается на польскую политическую сцену в кардинально изменившихся общественных условиях".

Уже возвратилась: 17 апреля судья Данута Видавска огласила решение Варшавского военного суда о восстановлении легального статуса профсоюза, базирующегося в Гданьске, но имеющего право на создание заводских организаций на всей территории Поль-

ши. Все обоснование ходатайства о регистрации состоялось из одной фразы: "С учетом договоренностей, достигнутых на переговорах "за круглым столом", и утвержденных сеймом поправок к закону о профсоюзах ныне наличествуют условия, необходимые для восстановления профсоюзного плюрализма". Представленный суду устав "Солидарности" был точной копией устава, зарегистрированного в 1980 г. — за исключением предостережительно опущенного пассажира о забастовках как инструменте борьбы за права членов профсоюза. Понимая судебную процедуру как пустую формальность, ни один из сколько-нибудь видных деятелей "Солидарности" не присутствовал при оглашении решения. Спустя три дня, 20 апреля, тот же суд зарегистрировал "Сельскую Солидарность", объединявшую до запрета около 300 тысяч польских крестьян-единоличников (к слову, частникам принадлежит до 75% обрабатываемых угодий, а их доля в производимой сельхозпродукции составляет 80%).

Судьба Независимого союза студентов пока складывается менее завидно: 26 апреля суд вкратично отверг его заявку на регистрацию, предложив ему вновь пересмотреть свой устав, приведя его в соответствие с принципом национального согласия.

У большой "Солидарности" в эти дни дел невпроворот: надо создавать низовые ячейки и воеводские организации, созывать разбежавшуюся членскую массу, копить казну и собирать инвентарь — и параллельно участвовать в непривычной работе: заниматься предвыборной агитацией, то есть делать прямо противоположное тому, в чем она поднаторела в последние годы, когда призывала выборы бойкотировать.

В воскресенье, 23 апреля, представительный Гражданский комитет, действующий при "Солидарности" на правах коллективного консультанта, обнародовал кандидатский список и предвыборную платформу профобъединения. В кандидатском списке, где немало имен видных оппозиционеров, мы, однако же, не найдем имени самого Леха Валенсы, хотя, как поведал на пресс-конференции вечный глашатай "Солидарности" Януш Оньшкевич, многие видные члены Гражданского комитета (в частности, Анджей Вайда и Адам Михник) и заседали на Валенсу, доказывая, что его участие в выборах сделало

бы весь оппозиционный список более престижным. Валенса тем не менее решил не связывать своего имени с этими выборами, сознавая, по словам Оньшкевича, что они все еще далеки от демократического идеала и что в польском народе по-прежнему сильно желание бойкотировать выборы. Сам председатель "Солидарности" так аргументировал отказ принять участие в выборах: "Мои руки должны оставаться свободными для ведения политической игры, поэтому мне лучше наблюдать за событиями со своего места. Вас же я обязываю принять участие в выборах в качестве кандидатов в депутаты и тем самым заложить основы для будущего Польши".

Однако ряд других лидеров профсоюза не внял призыву председателя и предпочел для себя ту же удобную позицию стороннего наблюдателя. В частности решительно отказался баллотироваться на июньских выборах легендарный подпольщик Збигнев Буяк, в свое время четыре года ходивший под всепольским розыском. На воскресном заседании Буяк отвел настояния Валенсы, заявив, что намерен сохранять дистанцию между собой и официальным мероприятием. Дали самоотвод также сподвижник Буяка по профсоюзному подполью Владислав Фрасынюк и католический интеллектуал Тадеуш Мазовецкий. Некоторые — как, например, варшавский издатель Марцин Кроль, — отказались связывать свое имя с кандидатским списком, полагая недемократичным сам порядок назначения оппозиционных кандидатов верхушкой "Солидарности" вместо их выдвижения снизу.

Впрочем, несмотря на эти пробелы, список кандидатов от "Солидарности" остается внушительным: в нем десятки имен активистов, снискавших славу лидеров в первую пору легального существования профобъединения в 80—81 гг. и интернированных после введения в Польше военного положения в декабре 81-го. Вот некоторые из наугад выбранных кандидатов от оппозиции: уже упомянутый кинорежиссер Анджей Вайда будет баллотироваться в сенат по округу Сувалки, что у советских границ, Яцек Куронь и Адам Михник выставляют свои кандидатуры в сейм соответственно в Варшаве и Катовице, в Гданьске за места в сенате будут бороться земляки Валенсы Богдан Лис и Лешек Качиньский, лидер вновь узаконенной "Сельской Солидарности" Юзеф Сличь выставляется в южнопольском Жешуве и т.д.

В порядке предвыборной агитации "Солидарность" получила разрешение на издание собственного печатного органа, тираж которого составит немногим более полумиллиона экземпляров — что все еще вдвое меньше тиража центрального рупора партии "Трибуна люду". Ведутся переговоры и о допуске "Солидарности" к радио- и телеканалам, причем, как рассказал на пресс-конференции в Варшаве Яцек Куронь, власти уже сейчас предлагают оппозиции 23% от общего объема эфирного и экранного времени, выделенного для ведения избирательной кампании.

Уже в преамбуле предвыборной программы оппозиции, обнародованной, как уже было сказано, 23 апреля, после заседания Гражданского комитета, расставляются точки над "i": "Участвуя в выборах, мы тем не менее не закрываем глаза на недемократический характер правления в стране и не намерены своим авторитетом придавать режиму respectability. Мы будем и впредь добиваться изменения строя, но только путем последовательных эволюционных преобразований. Нашей целью остается достижение национального суверенитета и независимости Польши, полное соблюдение прав человека и гражданских свобод, а также перестройка народного хозяйства для создания достойных условий жизни в стране".

Выделим некоторые из 26 пунктов предвыборной программы "Солидарности":

- внесение изменений в конституцию страны, в частности изъятие из нее каких-либо упоминаний о "руководящей роли партии" и создание конституционных предпосылок для того, чтобы следующие выборы — через четыре года — были полностью свободными и демократическими;

- узаконение права на создание ассоциаций и всевозможных объединений по интересам;

- ликвидация цензуры и партийного контроля над прессой, радио и телевидением;

- сокращение военных расходов и затрат на содержание полицейского аппарата, использование сэкономленных средств на увеличение пенсий по старости;

- повышение заработной платы таким образом, чтобы при 42-часовой рабочей неделе можно было содержать семью;

- расширение академических свобод, отмена пропаганды атеизма и отказ от идеологи-

ческой индоктринации в учебных заведениях, свобода молодежных объединений и допущение частных и приходских школ.

Казалось бы, программа эта достаточно радикальна для того, чтобы удовлетворить все спектры оппозиционной Польши. Отнюдь. По признанию отношения к национальному соглашению в целом и к предстоящим выборам в частности польская оппозиция разделена и разведена в стороны, как никогда в прошлом. Польская социалистическая партия разрешила своим членам баллотироваться только по общему списку, составленному Гражданским комитетом. Другая польская социалистическая партия, имеющая в названии довесок "демократическая революция", отвергла результаты переговоров "за круглым столом" как излишне компромиссные и объявила о своем намерении бойкотировать июньские выборы. Так же поступила воинственная "Сражающаяся Солидарность". Своим путем пошла Конфедерация независимой Польши, вступающая в предвыборную борьбу под собственным именем и с собственным кандидатским списком.

Остается только удивляться, что при таком разном выраженных интересах и речи не заходит об их политическом представительстве, — иначе говоря, вопрос о законодательном переоформлении принципа многопартийности в Польше, в отличие, скажем, от Венгрии, никем не поднимается. ●

АЗИЯ

ТИБЕТ: ГОД НЕЗАВИСИМОСТИ И 39 ЛЕТ "АВТОНОМИИ"

В начале марта столица Тибета Лхаса неожиданно превратилась в место сражения между тибетцами и китайской милицией, к которой присоединились регулярные воинские подразделения. Три дня с 5 по 7 марта в Лхасе горели жилые дома и магазины, взрывались снаряды, трещали автоматные очереди. То там, то здесь горожане, вооруженные ружьями, палками, а то и просто камнями, вступали в схватки с солдатами и милиционерами. После трех дней сражений прави-

тельство в Пекине объявило о введении в Тибете военного положения. Лхаса оказалась отрезанной от мира. Если о событиях первых трех дней можно было судить по рассказам туристов и по телефонным разговорам иностранных корреспондентов с местными жителями, то после 7 марта узнать о положении в Тибете можно было только из сводок правительственного агентства новостей Синьхуа.

По свидетельству очевидцев, американских и шведских туристов, события, завершившиеся введением военного положения, начались с мирной демонстрации группы монахов из десяти или двадцати человек. Никто точно не знает, когда и при каких обстоятельствах к монахам присоединились вооруженные демонстранты. Не ясно, кто и почему поджег первую китайскую лавку. Агентство Синьхуа сообщает, что "демонстрации были организованы антисоциалистическими элементами и с самого начала носили экстремистский характер". Так или иначе, но принадлежащие китайцам дома и магазины действительно горели, а в здание центрального отделения милиции действительно летели камни.

Что касается жертв уличных боев в Лхасе, то сведения об этом противоречивы. Синьхуа сообщило о 16 убитых. Но один иностранный турист рассказал корреспонденту журнала "Newsweek", что своими глазами видел, как китайские солдаты погрузили в военный грузовик не менее 60 тел убитых тибетцев. О количестве раненых агентство Синьхуа не сообщает, как ничего не говорит оно и об арестованных в ходе беспорядков. Тот же "Newsweek" пишет, что в Тибете в те дни была задержана по меньшей мере тысяча человек. Но если сведения о количестве убитых, раненых и арестованных противоречивы, то в одном все сходятся — в Тибете произошли самые сильные, самые кровопролитные волнения за последние тридцать лет. Все также понимают, что волнения эти были связаны с тридцатилетней годовщиной народного восстания тибетцев в 1959 г. (Об истории Тибета и о событиях в этой стране наш журнал писал в № 8, 1986 г. и № 5, 1987 г.)

Одно время казалось, что разгром восстания 1959 г., массовое переселение в Тибет китайцев и жестокий полицейский контроль сделали свое дело — Пекину удалось пода-

вить национальные устремления тибетцев. Однако мартовские события показали, что это далеко не так. Правда, настроение тибетцев, похоже, изменилось. Большинство скорее склоняется к идее национальной автономии, нежели к полной политической независимости. Даже Далай-лама смирился, кажется, с зависимостью от Китая. Выступая в июне прошлого года в Страсбурге перед Европейским парламентом, он говорил, что Тибет готов признать китайский контроль в вопросах обороны, внешней политики, транспорта, финансов. Далай-лама требует лишь религиозной и культурной автономии для своего народа. Впрочем, и Китай в последние годы тоже как будто склонился к политике примирения. Пекинские власти уже зондировали почву, пытаясь начать неофициальные переговоры с живущим в изгнании тибетским лидером. Пекин прекратил преследования монахов, открыл в Лхасе несколько туристских центров, начал поощрять здесь частное предпринимательство. Центральная власть даже не возражала против визитов в Тибет живущих в Индии изгнанников.

Неясно, как отразятся на политике Пекина кровавые мартовские события. Во всяком случае противники экономических и политических реформ, начатых в Китае десять лет назад Дэн Сяопином, уже обвинили реформаторов в том, что те "распустили" Тибет. Даже если эта точка зрения не возобладает в руководстве страны, сторонникам китайской перестройки будет нелегко отстаивать свою позицию, когда речь пойдет о Тибете. Аккредитованные в Пекине западные дипломаты не исключают возможности репрессий в Тибете. Этого же боятся и тибетцы, живущие за рубежом. 22 марта газета "The New York Times" напечатала интервью с Далай-ламой. "Я всегда настаивал на ненасильственных действиях в отношениях с китайскими властями, — говорил он. — Я никогда не соглашался с теми, кто предлагал взять в руки оружие. Но если правительство Китая начнет войну с тибетцами, я ничего не смогу противопоставить тем, кто настаивает на вооруженной борьбе".

В восьмидесятые годы Тибет только-только начал приходить в себя после кровавых событий 1959-60 гг. и после ужасов Культурной революции, когда буддистская религия была запрещена, тысячи монахов были

отправлены в концлагери, местная культура и общественная жизнь подавлялись. Сегодня тибетцы с ужасом думают, что подобное может повториться. "Второго такого потрясения наш народ может не выдержать", — заявил Далай-лама той же "The New York Times".

Еще более определенно высказался в интервью журналу "Newsweek" Стив Маршалл, американец, который едва ли не ежегодно путешествует по Тибету (он был в Лхасе, когда там начались беспорядки). "Если китайская милиция и впредь будет вершить то, чему я был свидетелем, — сказал Маршалл, — то через десять или двадцать лет сведения о культуре Тибета мы будем получать, лишь читая книги в библиотеке".

Правительство же КНР дало понять, что не потерпит указаний Запада, как ему вести себя в Тибете. Выступая 21 марта на открытии сессии Всекитайского собрания народных представителей, премьер Госсовета КНР Ли Пен заявил: "Любая иностранная поддержка деятельности сепаратистов, поддержка под любым предлогом, будем рассматриваться как грубейшее вмешательство во внутренние дела Китая". Уже через три дня после выступления Ли Пена Министерство иностранных дел лишило аккредитации корреспондента информационного агентства Франс-Пресс канадца Роберта Макферсона. Он оказался "виновным" в том, что попытался пробраться в находящуюся на военном положении Лхасу. Китай намерен держать Тибет на замке. Что будет представлять собой этот регион, когда замок снимут, сказать трудно. ●

А.Лазарев

ПАЛЕСТИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО: СЛОВА И ДЕЛА, МЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Политическая жизнь на Ближнем Востоке явно перенасыщена событиями, порой, кажется, способными изменить историю региона. Но проходит некоторое время, и большинство из них отодвигается на второй план, а то и вовсе забывается. Но то, что произошло в Алжире 15 ноября прошлого года, возможно, избежит такой участи, а сама эта дата войдет в историю как рождение нового независимого государства.

Ранним утром этого ноябрьского дня Палестинский национальный совет (ПНС), который

часто называют палестинским парламентом в изгнании, 265 голосами против 46 принял "Декларацию независимости Палестинского государства". Сразу же после голосования председатель Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат выступил с драматическим заявлением. "Именем Бога, именем народа, арабского палестинского народа, провозглашаю образование государства Палестина, нашей палестинской нации, со столицей в святом Иерусалиме", — заявил лидер ООП. Говоря о фундаментальных принципах, на которых будет строиться провозглашенное государство, Арафат подчеркнул, что Палестина будет "демократической, парламентарной страной, в основе которой лежит свобода самовыражения и многопартийная система".

Арафат оставил открытым вопрос о границах нового государства, отметив только, что принятая в 1947 г. резолюция ООН № 181, согласно которой территория подмандатной Палестины была разделена на два государства — арабское и еврейское, может лечь в основу соглашения о международно признанных границах нового государства. Пока что, как полагают наблюдатели, речь идет об оккупированных Израилем Западном берегу и полосе Газы. Остался открытым и вопрос о правительстве. Видимо, он не был поднят сознательно — сессия ПНС ограничилась лишь заявлением, что функции правительства палестинского государства временно будет исполнять Исполком ООП.

Однако ни само провозглашение независимого палестинского государства, ни, тем более, заявление о его демократическом характере (много ли стоят обещания, относящиеся к неопределенному будущему!) не произвели бы в мире столь сильного впечатления, если бы алжирская сессия ПНС не приняла новой политической программы. Прежняя политическая программа, так называемая Палестинская национальная хартия, была принята в 1968 г. в Хартуме и с тех пор стала политической платформой всех входящих в ООП групп и организаций, основным законом организованного палестинского движения.

Палестинская хартия категорически отвергла право государства Израиль на существование. Центральный пункт Хартии (статья 19) гласил: "Раздел Палестины в 1947 г. и образование государства Израиль является и будет являться абсолютно незаконным, сколько бы времени ни прошло с тех пор". В столь же решительных тонах Хартия отвергала любое компромиссное и простое мирное решение палестинской проблемы. В одном из пунктов Хартии без обиняков было

сказано: "...только вооруженная революция является методом борьбы за (национальное) самовыражение палестинцев, а все решения, которые подменяют полное освобождение Палестины, ликвидация или интернационализация палестинской проблемы отвергаются". Именно эта крайне радикальная политическая платформа палестинского движения была главным препятствием к решению проблемы палестинцев и урегулированию ближневосточного конфликта в целом.

Прежде всего Хартия сковывала умеренные силы внутри палестинского движения. Она связывала по рукам и ногам тех в арабском мире, кто хотел бы остановить кровопролитие и положить конец воинственной риторике, кто хотел и мог предпринять конструктивные шаги с целью облегчить участь беженцев, живущих на оккупированных территориях, в Ливане, Сирии и других странах. Умеренные палестинские лидеры погибали от рук убийц, а деятельность организаций, провозглашающих конструктивные цели, подрывалась изнутри угрозами и шантажом. Принципы, точнее, лозунги. Хартии не позволяли умеренному течению среди палестинцев сформироваться и вырасти в политическую силу. Наоборот, они дали возможность экстремистам и радикалам всех мастей и оттенков в течение двадцати лет возглавлять и направлять палестинское движение, выдавать себя за единственных представителей палестинского народа.

А это в свою очередь стимулировало радикальные настроения в Израиле. И дело не только в том, что палестинский экстремизм, узаконенный Хартией, вызвал здесь к жизни небольшие, крайне антиарабские партии и организации. Дело в том, что в глазах подавляющего большинства израильтян палестинские лидеры, точнее, те, кто держит в руках организованное палестинское движение, — не более чем организаторы беспощадных убийств и массового террора. И это действительно так, ибо до декабря 1987 г. "палестинская вооруженная революция" означала массовые и индивидуальные убийства, воздушное и морское пиратство, захват заложников и т.д. Жертвами этой "революции", за малыми исключениями, были дети, женщины, старики в самом Израиле и граждане стран, не имеющих никакого отношения ни к Палестине, ни к Ближнему Востоку. Отвращение, которое испытывают в Израиле к "признанным" палестинским лидерам, и естественное неприятие здесь целей самого этого движения служили, в свою очередь, в течение 20 лет оправданием бездеятельности, нежелания и неумения израильских политических лидеров найти подход к решению проблемы палестинцев — фундаментальной проблемы страны.

Захват руководства организованного палестинского движения экстремистскими лидерами, да и сами цели и методы этого движения не позволяли в течение тех же 20 лет странам Запада, ответственным государственным деятелям во всем мире поддержать политические устремления палестинцев, помочь им в решении социальных и экономических проблем. Граждане нейтральных и западных стран сами оказались жертвами террора и угроз со стороны палестинских организаций. Немало европейцев и американцев, колумбийцев и австралийцев, японцев и мексиканцев было убито, искалечено. Захвачено по приказу Я.Арафата, Абу Джихада, Дж.Хабаша, М.Джалили и других палестинских лидеров. Но, пожалуй, самое страшное для демократического мира заключалось в том, что "палестинская революция" в значительной мере ответственна за развязывание современного международного терроризма и в течение долгих лет являлась его основной "технической" базой. Именно с угона израильского пассажирского самолета в Алжир в 1968 г. началась эпидемия воздушного пиратства, быстро распространившаяся по всему миру и грозящая парализовать международное воздушное сообщение. Именно на базах палестинских боевых организаций в Ливии, Алжире, Ливане, Ираке и некоторых других странах проходили боевую подготовку террористы из Ирландии и Германии, Италии и Японии, и кто знает, откуда еще. Так что палестинские организации и их лидеры вызывали неприязнь и отвращение не только в Израиле, но и в странах Запада и вынуждали правительства этих стран тратить силы и средства не на поддержку палестинского дела, а на борьбу с палестинским террором.

Если не считать политических деятелей вроде М.Каддафи, И.Амина, Х.Бумедьена и некоторых других, палестинский экстремизм был на руку только кремлевским руководителям. Коль скоро целью генеральной линии брежневского руководства во внешней политике была конфронтация с Западом, Андрей Громыко, ответственный за проведение ее в жизнь, был занят поиском таких исходных позиций, с которых можно было наносить удары по интересам Запада, не опасаясь прямого возмездия. В лице палестинских лидеров он нашел подходящих клиентов и сумел с их помощью превратить Ближний Восток в арену противоборства с США. Сегодня, оглядываясь назад, начинаешь понимать, какой огромный урон всем странам Ближнего Востока нанесла конфронтация великих держав в этом регионе. Именно она подняла на "недосягаемую высоту" гонку вооружений и на десятилетия отвлекла ресурсы стран региона и всего арабского мира от

проблем экономики, социальных и других нужд населения. Сегодня армии Сирии, Египта, Алжира, Ирака и Израиля сравнимы по мощи с армиями Англии, Франции или Италии. Сколько десятков миллиардов долларов из карманов налогоплательщиков в СССР и США, сколько нефтедолларов превратилось в ближневосточную пыль вместо того, чтобы работать на благо мировой экономики!

Однако круг замкнулся. Бескомпромиссность тех, кто выдает себя за лидеров палестинцев, превратила Ближний Восток в арену противоборства великих держав, а это в свою очередь поставило заинтересованные стороны в положение статистов "большой игры" и существенно уменьшило их возможности влиять на ход событий в собственном регионе.

Изменение внешнеполитического курса Кремля, переход новых советских лидеров от конфронтации к сотрудничеству привел к созданию нового политического климата в мире. И это уже помогло погасить несколько очагов опасной напряженности в разных точках планеты. Не было сомнений в том, что перемены должны произойти и на Ближнем Востоке. Вопрос заключался в том, кто проявит инициативу.

Первый шаг сделали палестинцы, отказавшись от Хартии и провозгласив новую политическую программу. Каковы же принципы этой программы? Прежде всего это признание необходимости мирного решения конфликта с Израилем и обязательство соблюдать резолюцию ООН № 242. Это обязательство вступить в переговоры с Израилем "в контексте международной мирной конференции и на базе признания Израилем политических прав палестинцев" (а не только прав беженцев). При этом программа оставляет за ООП "право вести борьбу против израильской оккупации на оккупированных территориях", одновременно отвергая "все формы терроризма, в соответствии с резолюциями ООН".

Самым важным, точнее, сенсационным, сдвигом в позиции ООП было признание резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 1967 г. Эта резолюция – результат компромисса между Востоком и Западом – обязывает стороны "прекратить военные действия и подстрекательство к ним, уважать суверенитет, территориальную целостность и независимость всех государств в районе", "уважать права палестинских беженцев и, в том числе, их право возвращаться в родные места". В прошлом ООП категорически отвергала эту резолюцию на том основании, что в ней признавались только права беженцев, а не права нации. Так как Израиль принял эту резолюцию и обязался следовать ее рекоменда-

циям, мировая общественность справедливо считала отказ палестинской стороны пойти на такой же шаг отказом от мирного решения проблемы в целом. Поэтому понятен энтузиазм, с которым в мире была принята декларация о провозглашении независимого палестинского государства – ведь эта декларация сопровождалась признанием резолюции № 242!

Десятки стран поспешили признать новое государство. Почти все арабские страны и многие страны мусульманского и Третьего мира переименовали представительства ООП в своих столицах в посольства. В числе их оказался и Китай – единственная великая держава, где 21 января в торжественной обстановке было открыто посольство несуществующей страны. Хотя многие страны восточного блока признали новое государство, Советский Союз уклонился от прямого дипломатического признания, ограничившись лишь приветствием и одобрительным заявлением. При этом в Москве не скрывали, что приветствуют не столько сам факт провозглашения независимости, сколько изменение общего подхода ООП к ближневосточной проблеме.

Смешанную реакцию алжирская декларация вызвала в странах ЕЭС. Вне непосредственной зоны конфронтации западноевропейцы больше кого бы то ни было страдают от ближневосточного конфликта. Здесь, в Европе, как бы проходит "второй фронт" израильско-арабской войны. Здесь свили себе гнезда террористы, принадлежащие к различным палестинским организациям, здесь сталкиваются террор и контртеррор. Все это создает серьезные проблемы для европейцев. Так что у них есть основания содействовать быстрейшему решению арабо-израильского конфликта. Учитывая, что для этого открылись новые возможности, страны – члены ЕЭС собрались в попытке выработать общую позицию. Но добиться этого им не удалось. Турция, член НАТО и ЕЭС, страна, поддерживающая дипломатические отношения с Израилем, поспешила признать палестинское государство. Очень близка к этому была и Греция. Правда, Афины в конце концов воздержались от дипломатического признания новой страны, но только потому, что премьер-министр Папандреу в этом году является дежурным председателем Совета ЕЭС и ему не хотелось входить в конфликт с другими странами – членами Совета. Большинство же этих стран, хоть и одобрили решение алжирской сессии ПНС, все же воздержались от дипломатического признания несуществующего государства.

Что касается Израиля, то глава вновь сформированного израильского правительства Ицхак

Шамир категорически отказался признать, что в позиции ООП произошли изменения. Решения алжирской сессии он назвал "очередным шагом арабских террористических организаций в войне против государства Израиль". Он заявил, что "Израиль будет вести дипломатическую войну с тем, чтобы убедить все народы мира, что признание (палестинского государства) на руку тем, кто пытается уничтожить государство Израиль".

Но изменят ли свою позицию США? От этого больше чем от чего-либо зависел успех инициативы палестинцев. Реакцию Вашингтона все, и в первую очередь сами палестинцы, ждали с нетерпением. Надо признать, что в этом плане время для алжирской сессии ПНС было выбрано неудачно: в американской администрации как раз происходила "смена караула" – момент, отнюдь не подходящий для серьезных перемен во внешней политике. Как бы там ни было, президенту Рейгану и госсекретарю Шульцу предстояло принять важные решения в последние дни пребывания у власти.

Первая реакция уходящей администрации была негативной – президент и госсекретарь сочли, что ООП не выполнила условий, на которых американское правительство согласно было начать с ней диалог. Дело в том, что согласно американско-израильскому меморандуму 1975 г., США обязались не признавать ООП, не вступать с ней в контакты и накладывать вето на участие ООП в любых международных форумах до тех пор, пока та не выполнит трех условий. А именно: признать право Израиля на безопасное существование, принять резолюции ООН №№ 242 и 338 как основу для мирных переговоров и решения конфликта, отказаться от терроризма во всех его формах. Комментируя решения алжирской сессии ПНС, Дж.Шульц подчеркнул, что ООП и ее лидер недостаточно ясно и однозначно заявили о признании первого пункта американских требований – права Израиля на существование. Шульц распорядился отказать во въездной визе в США Ясиру Арафату, который собирался прибыть на специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, посвященную палестинской проблеме. Это решение вызвало раздражение почти во всем мире. Во-первых, Арафат уже был в Нью-Йорке в 1974 г., когда и он сам, и его организация занимали куда более воинственную позицию. Во-вторых, сессию Генеральной Ассамблеи пришлось перенести в Женеву, а это обошлось ООН в 500 миллионов долларов. Но главное – западноевропейские и арабские союзники США обвинили американцев в том, что те ведут на Ближнем Востоке двойную игру.

Однако неуклюжий на первый взгляд шаг госсекретаря имел неожиданные последствия. 7 декабря Арафат встретился в Стокгольме с пятью еврейскими лидерами из США и уже без обиняков заявил: "Палестинский национальный совет признает два государства – Палестинское государство и государство Израиль". Еще определеннее он высказался 13 декабря в Женеве. Его речь на Генеральной Ассамблее стала кульминационным моментом в демонстрации умеренности и гибкости палестинского лидера. "ООП будет искать компромисс со всеми сторонами арабо-израильского конфликта, включая Палестину, Израиль и другие соседние государства, каждое из которых имеет право на существование в мире и безопасности", – заявил Арафат.

Этого оказалось достаточно – реакция Вашингтона не заставила себя ждать. 15 декабря президент Рейган выступил в печати с заявлением о начале переговоров с ООП. Президент признал, что ООП выполнила условия американско-израильского меморандума 1975 г., и это дает США возможность начать диалог с этой организацией, который, по мнению Рейгана, явится "важным шагом на пути к миру". А уже 16 января во второй половине дня американский посол в Тунисе Роберт Пеллетро сел за стол переговоров с руководителями ООП.

Итак, Арафат произнес необходимые слова, Вашингтон дал зеленый свет политическому и дипломатическому наступлению ООП.

И все же было бы неверным думать, что успех палестинцев на международной арене объясняется только изменением формулировок, выбором "нужных" и "правильных" слов. Перемены во взглядах мировой общественности и правительств тех стран, которые раньше с недоверием относились к ООП, вызваны не словами, а *делами*, которые происходят на земле, объявленной нынче Палестинским государством. Действительно, все, что до 1987 г. называлось "палестинской революцией", никакого отношения ни к революции, ни к Палестине не имело. Угоны самолетов, кровавые бои в аэропортах, убийство спортсменов на мюнхенской олимпиаде, захват автобусов с детьми и многие, многие подобные "подвиги" совершались не по воле палестинских масс и не отражали их настроения. Эти акции проводились профессиональными, специально обученными террористами, частью просто наемными убийцами. Настоящая же палестинская революция началась в декабре 1987 г. с кампании гражданского неповиновения на оккупированных Израилем территориях, со всеобщих забастовок, массовых митингов и демонстраций

протеста, с бросания камней и бутылок с зажигательной жидкостью в солдат, полицейских, в автомашины с израильскими номерами. Народное восстание, продолжающееся по сей день и унесшее уже сотни человеческих жизней, вызвало волну симпатии и сочувствия в мире и вынудило общественное мнение изменить отношение к ООП. Сегодня многие верят (или склонны верить), что ООП – единственная сила, которая в состоянии остановить кровопролитие и стать ответственным партнером на переговорах об урегулировании палестинской проблемы.

Однако это не совсем очевидно. Восстание на территории началось не по инициативе ООП и было для нее такой же неожиданностью, как и для израильских властей. Насколько сегодня ООП контролирует ситуацию, будет ли она в состоянии прекратить насилие, если сядет за стол переговоров? Этого не знает никто.

Восстание на территориях было вызвано продолжающейся вот уже двадцать лет израильской оккупацией. Новое поколение палестинцев, не помнящих, ни как им жилось под властью иорданского монарха на Западном берегу, ни под египетским управлением в Газе, не согласны довольствоваться экономическими и социальными преимуществами, которые им дает израильский контроль над этими территориями. Молодые люди, швыряющие камни в израильских солдат, воспринимают эти преимущества как должное и хотят большего. Они хотят знать свое будущее. Отдадут ли их Иордании или сделают израильцами? Или так навсегда и оставят "жителями оккупированных территорий"? Молодые палестинцы не хотят ни того, ни другого, ни третьего. Их воодушевляет мечта о собственном государстве, но фактически они объединены ненавистью к оккупации.

В этом их сила, но в этом и их слабость. Плодами их борьбы, несомненно, воспользуются (да уже и воспользовались) ловкие политики из ООП, для которых неконтролируемые мальчишки с их идеалистическими порывами будут большими врагами, чем израильские генералы и политики. Впрочем, в этом нет ничего нового – революции всегда пожирали своих детей... Специфика ситуации в другом. Не только палестинские мальчишки, подлинными героями палестинской революции, но и крупные политические воротилы в ООП с их миллионами долларов и советниками в профессорских мантиях не знают или не хотят знать ответа на вопрос – во что практически может вылиться их мечта (или идеологическая цель)? Если учесть, что государство должно представлять собой более или менее единый политический и хозяйственный механизм, способ-

ный функционировать, опираясь на собственные ресурсы и возможности, то трудно представить себе существование самостоятельного палестинского государства. То, что политики и журналисты называют "Западным берегом" и "полосой Газы", представляет собой два малюсеньких клочка земли, общей площадью не более 6 тысяч кв.км, которые к тому же разделены территорией Израиля. Что же касается населения этих территорий, то в полосе Газы проживают 600–700 тысяч человек (здесь чуть ли не самая высокая плотность населения в мире), а на Западном берегу – приблизительно 1 млн. 200 тысяч человек. Никаких полезных ископаемых здесь нет, сельское хозяйство находится чуть ли не на уровне библейских времен. Источниками дохода жителей территорий являются заработки в Израиле и, главным образом, помощь из различных источников за рубежом.

Более полумиллиона палестинцев живет в Израиле. Считается, что в душе они поддерживают ООП. Даже если это так, крайне сомнительно, что израильские арабы поспешат броситься в объятия Арафата после того, как палестинское государство будет создано. Еще два миллиона палестинцев живут за пределами Палестины. Более половины из них родились и выросли в других странах, у них уже мало общего с собратьями на территориях и с израильскими арабами. И еще: среди палестинцев есть христиане и мусульмане, атеисты и исламские фундаменталисты. И еще: Палестина никогда не была самостоятельной страной и никогда не имела собственных политических, социальных и культурных институтов. И еще, и еще... Но даже если предположить, что весь этот разношерстный человеческий конгломерат сумеет ужиться и образовать единый народ, одно остается несомненным – палестинское государство сможет существовать, только опираясь на очень значительную помощь со стороны.

Вот это-то больше всего тревожит страны Ближнего Востока и всех, кто заинтересован в мире и стабильности в регионе.

В Израиле всегда опасались, что самостоятельное палестинское государство, созданное на Западном берегу и в полосе Газы, немедленно станет марionеткой Сирии, Ирака или каких-то еще крайне враждебных Израилу сил в арабском мире. А это означает, что на расстоянии пушечного выстрела от Тель-Авива возникнет сначала база для подрывной деятельности, а затем плацдарм для армий враждебных государств.

Еще больше опасается этого король Хусейн. И он прав, ибо захват Иордании представляется

той же Сирии, Ираку, да и самим палестинцам целью более заманчивой и во всяком случае более достижимой, чем уничтожение Израиля.

Сирия боится, что беспомощное палестинское государство станет марионеткой Израиля или сумеет найти общий язык с Иорданией.

Все арабские страны вместе и Израиль опасаются появления в регионе "нового Ливана" — резни между самими палестинцами.

С точки зрения реальности лучшим решением для палестинцев было бы создание их автономного района в рамках Иорданского королевства (чего, кстати, долгие годы добивался бывший государственный секретарь США Дж.Шульц). Эта идея не нова, такое решение напрашивалось сразу же после Шестидневной войны 1967 г. Но оно не было реализовано. В то время в арабском мире возобладали эмоции, а не разум. "Униженные и оскорбленные" арабские владыки собрались в 1968 г. и решили ни под каким видом не признавать существование государства Израиль, в категорической форме запретили любые контакты и переговоры с этой страной и обещали палестинцам вернуть им родину силой оружия. Король Хусейн, лучше других знавший реальность, конечно же, понимал, что единственным способом вернуть палестинцам их территории была бы договоренность с Израилем, а единственным путем сохранения единства его королевства — предоставление палестинцам (во всяком случае, на Западном берегу) региональной автономии. Увы, король боялся пойти наперекор всему арабскому миру, испугался, что с ним покончат так же, как с его мудрым делом Абдаллахом. Когда же внешние условия для этого наконец созрели и королю уже можно было не опасаться яростной отрицательной реакции в арабском мире, было уже поздно. Король понял, что новое поколение палестинцев будет решительно сопротивляться тому, чтобы снова стать его подданными. Понял это — и отказался от притязаний на Западный берег (см. "Страна и мир" № 4, 1988 г.).

Такова реальность политической жизни на Ближнем Востоке. Когда жизнь требует серьезных и ответственных политических шагов, они оказываются невозможными из-за бушующих здесь страстей. А когда здравый смысл все-таки берет верх, реальность к тому времени становится иной, и все начинается сначала. Слова и дела, мечты и реальность на Ближнем Востоке — не последовательная цепочка, ведущая к цели, а замкнутый круг, разорвать который пока никому еще не удавалось. ●

Э.Финкельштейн

В ИНОЙ ПЛОСКОСТИ

Палестинская проблема проста.

Если отбросить детали и частности, то картина выглядит так. Палестинский народ на оккупированных Израилем территориях (Западный берег реки Иордан и полоса Газы) во главе с ООП, своим единственным законным представителем, ведет борьбу за национальную независимость, за создание собственного государства. Эту борьбу поддерживают арабские страны и миролюбивые силы во всем мире. Ситуация еще более упростилась в последнее время — после того, как ООП и ее лидер Ясир Арафат отказались от террора и признали право Израиля на существование.

Тут возникает первый вопрос. А что, разве до того палестинцы такого права за Израилем не признавали? Увы, не признавали. Более того, они никогда не произносили само слово "Израиль". За этим стояла вполне определенная философия: никакое сосуществование с Израилем невозможно, любые переговоры и соглашения — измена общеарабскому делу. Единственная допустимая форма отношений с Израилем — война.

Напомним, кстати, что палестинская проблема в ее нынешнем виде как раз и возникла в результате войны. До 1967 г. Западный берег принадлежал Иордании, Газа — Египту. Отсюда два следующих вопроса. Из-за чего же вспыхнула война с Израилем, если палестинские земли были в руках арабов? И почему палестинское государство в тот период не только не было создано, но даже сама эта идея не выдвигалась? Наконец, последний вопрос. Чем объяснить тот странный факт, что, скажем, Сирия и Ливия, горячо поддерживающие палестинское дело, решительно выступают против создания палестинского государства на оккупированных Израилем территориях?

Все это, конечно, мелочи. Но из-за них общая картина теряет ясность. А ведь кроме вопросов есть еще обстоятельства. Например, такое. Известно, против чего направлены нынешние волнения: против оккупации этих территорий Израилем. А какова их цель? Очевидно, создание самостоятельного государства во главе с ООП. Дело, однако, в том, что самим палестинцам это совсем не так очевидно. На территориях есть на этот

счет по меньшей мере четыре мнения. Сторонники ООП — само собой. Но есть еще и сторонники "иорданского варианта" (присоединения к Иордании), мусульманские фундаменталисты, выступающие за создание религиозного государства по типу Ирана, группы, которые предпочли бы автономию в составе израильского государства.

Что объединяет эти разнородные элементы сейчас? Недовольство нынешним порядком вещей. И главный источник этого недовольства — даже не оккупация, а неопределенность. Больше 20 лет территории находятся в подвешенном состоянии. Войдут ли они в состав Израиля, станут ли частью Иордании, превратятся ли в самостоятельное государство, и если да, то какое?

Итак, в оценке нынешнего подвешенного состояния население территорий едино. Но это вовсе не значит, что, бросая камни и бутылки с зажигательной смесью в израильских солдат, оно голосует за государство во главе с ООП.

Вообще отношения ООП с его арабскими друзьями никак не укладываются в известные схемы. Между тем это вполне закономерно. Ни одна арабская страна в решении палестинского вопроса не заинтересована, зато очень многие прямо заинтересованы в том, чтобы он не решался.

Самый очевидный случай — Сирия. С сирийской точки зрения, вся Палестина (Израиль, Иордания, "территории") — всего лишь южная провинция Великой Сирии. Поэтому она уже не раз пыталась захватить Иорданию, и захватила бы, если бы не жесткое сопротивление Израиля. Но президент Сирии Асад умеет ждать. Он верит, что рано или поздно его час придет. Очередная война приведет к уничтожению Израиля, заодно удастся прихватить и Иорданию. Нужно ли ему в этом районе еще одно арабское государство?

Египет не претендует на Палестину. Зато он претендует на роль лидера арабского мира. Соглашение с Израилем ослабило его позиции, и теперь он прилагает огромные усилия, чтобы их восстановить. Борьба за "права палестинцев" служит свидетельством верности "делу арабов". И президент Египта Мубарак очень старается, хотя перспектива создания еще одного арабского государства и у него восторга не вызывает.

И уж тем более она не привлекает традиционно мусульманские страны: Саудовскую Аравию, Кувейт, эмираты Персидского залива. Беззаветная поддержка палестинского дела служит им щитом, обеспечивает легитимацию.

Что касается Иордании, то все тут предельно ясно. Образование в ее пограничных районах палестинского государства создаст смертельную угрозу правящей династии и всем тем, кто занимает ведущие должности в армии и государстве. Конечно, палестинцы ненавидят Израиль, но "короля-изменника" они ненавидят куда больше — на его счету Черный сентябрь. К тому же поток всегда прорывает плотину в слабом месте. А это место отнюдь не Израиль...

Так что сами палестинцы отнюдь не рвутся в "братские объятия". Они хотели бы создать светское демократическое государство: с выборами, оппозиционными партиями, правительством, ответственным перед парламентом...

Я чуть было не написал: первое такое государство на Ближнем Востоке. Но нет, не первое — второе. Первым был Ливан. И перестал быть, превратившись в кипящий котел, где идет война всех против всех. На контролируемых Израилем территориях до этого еще не дошло. Пока не дошло, ибо у всех есть общий враг. Но глухие толчки внутренних распрей ощутимы уже сейчас: фундаменталисты даже не очень скрывают ненависть к "безбожникам" Арафата. Но и внутри ООП не утихает борьба "голубей" и "ястребов". Голуби — это те, кто согласен на первом этапе удовольствоваться созданием государства в ограниченных пределах, а там посмотрим... Ястребов даже эта многозначительная формула не устраивает. Им нужен весь Израиль, и они не понимают, почему эту благородную цель надо скрывать.

Арафат хитрее, тоньше, просто разумнее своих оппонентов. Собственно, всем, чего добилась ООП (а добилась она немало), палестинцы обязаны ему. Его умению использовать противоречия в позициях арабских правителей, с цирковым изяществом менять покровителей, балансировать на тонкой ниточке между соперничающими группами в самой организации. Но и понимая, как важно убедить мир в умеренности нынешней программы ООП, Арафат вынужден подмигивать

экстремистам: "Пока подождите, а там посмотрим..." Курс на прямое уничтожение Израиля все еще куда популярнее в ООП, чем подозрительная двухэтапная операция.

Но и положение Израиля не легче. Сейчас широко обсуждается вопрос о том, как должны вестись переговоры конфликтующих сторон: через посредника, под эгидой ООН, Совета Безопасности, сверхдержав? Конечно, процедура — штука серьезная. Гораздо важнее, однако, решить, с кем разговаривать и о чем. Оба эти вопроса взаимосвязаны. Скажем, Иордании Израиль мог бы вернуть Западный берег, сохранив за собой восточную часть Иерусалима и участки, необходимые для защиты его границ. С ООН этот вариант не годится. Во-первых, потому, что в результате этой операции и без того небольшое государство превратилось бы в карлика. А во-вторых, при нынешних отношениях сторон палестинское государство на любом клочке земли будет представлять для Израиля очень большую опасность.

В то же время присоединить эти территории Израиль не может. Главная тому причина — демография. Прирост населения на Западном берегу и в полосе Газы таков, что через несколько десятилетий Израиль автоматически превратится в двухнациональное государство. А это приведет к такому накалу страстей, который неизбежно кончится взрывом.

Однако и существующая неопределенность не может длиться до бесконечности. Терпеть эту дикую ситуацию дальше палестинцы не намерены. Но Израиль и Иордания тоже заинтересованы в том, чтобы развязать этот узел. Весь вопрос: как развязать, где найти выход?

Впрочем, а есть ли он вообще, этот выход? Здесь все зависит от подхода, от понимания, что тут нет правых и виноватых, ибо историческая реальность такова, что два народа живут на одной земле. Это, разумеется, не значит, что евреи и арабы обречены вести войну до скончания веков. Вспомним, что еще совсем не так давно франко-германский конфликт казался неразрешимым. Потом решение нашлось: Общий рынок. Но у кого хватило бы смелости выдвинуть эту безумную идею, скажем, в 1911 г., в разгар Агадирского кризиса?

Между тем нечто вроде Общего рынка очень

нужно народам этого региона. Не только палестинцам, но также и Израилю, и Иордании, испытывающим в последнее время серьезные экономические трудности. Сочетание научного и промышленного потенциала Израиля с природными ресурсами арабских стран принесло бы огромные выгоды всем участникам объединенного рынка.

К сожалению, до этого пока далеко. Пройдет, наверное, не один год, прежде чем взаимное недоверие, национальные страсти и личные амбиции отойдут на второе место, уступив первое — трезвому экономическому расчету, пониманию того, что подлинное решение проблемы надо искать в иной, не военной плоскости. Главное сейчас — остановить маховик ненависти, раскручивающийся десятилетиями, попытаться создать атмосферу доверия. Предлагаемый сейчас план широкой автономии палестинцев представляется той печкой, от которой можно было бы начать танцевать. ●

Р.Шаниро

А Ф Р И К А

БЫТЬ ЛИ МИРУ НА ЮГЕ АФРИКИ?

В канун Рождества в одном из отелей столицы Конго Браззавиля проходил необычный дипломатический прием. Высокие гости поднимали бокалы с шампанским, произносили прочувствованные речи, делали друг другу комплименты и, любезно улыбаясь, позировали репортерам. А министр иностранных дел Южной Африки Рольф (Пик) Бота до того расчувствовался, что под аплодисменты присутствующих торжественно водрузил на стол сосуд из редкой породы африканского дерева, наполненный ликером столетней давности. Но не изобилием дипломатических улыбок и не уникальностью вин отличался банкет в Браззавиле. Необычным, почти немыслимым был состав его участников. Помимо П.Бота на банкете присутствовали начальник Генерального штаба вооруженных сил Анголы генерал Антониу Душ Сантуш, помощник госсекретаря США Честер Крокер, заместитель министра иностранных дел Кубы Рикардо де Квисадо.

Нет, господа во фраках праздновали не Рождество и не наступление нового 1989 г. Они отмечали более важное событие — наступление новой эры в отношениях между странами Юго-Западной Африки.

Мир достаточно хорошо осведомлен о конфликте в этом регионе. Сообщения о кубинских войсках в Анголе, сражающихся вместе с правительственной армией против повстанцев УНИТА, о нападениях партизан СВАПО на военные и гражданские объекты в Намибии, об ответных ударах южноафриканских войск и об их частых рейдах в соседнюю Анголу, где укрываются намибийские партизаны, в течение многих лет не сходят со страниц мировой прессы. И все же многим конфликт на Юго-Западе Африки представляется периферийным, не затрагивающим главные "нервные центры" мировой системы безопасности. Однако это далеко не так. Юго-Западная Африка — один из важнейших узлов мировых противоречий, и потенциальную угрозу, исходящую из этого далекого региона, трудно переоценить. Действительно, именно здесь проходит передний край главного конфликта на континенте — конфликта между Черной Африкой и Южно-Африканской Республикой, управляемой белым меньшинством. Здесь находится последний очаг колониализма и идет последняя антиколониальная война в Африке. Здесь поддерживаемые извне марксистские режимы ведут непримиримую войну с повстанцами-националистами. Здесь великие державы демонстрируют друг другу "мускулы" и способность влиять на ход событий в удаленных частях света. Так что политическую картину региона образует целый ряд конфликтов, причем все они тесно переплетены, стянуты в тугой узел.

Начнем с Анголы. Эта страна — одна из самых старых колоний Португалии, получившая независимость значительно позже большинства африканских стран. В 50-х и 60-х годах, когда Великобритания и Франция предоставили независимость своим колониям, португальский диктатор Салазар и слышать не желал о деколонизации. Но в 1975 г. его режим рухнул, и в тот же миг рухнула португальская империя. Именно в тот же миг, ибо правительство социалистов, пришедшее к власти в Португалии, больше всего боялось реставрации диктаторского режима. А в продолжении колониальной войны оно видело

опасность укрепления реакционных сил и реставрации диктатуры. Именно поэтому новое правительство Португалии провело скоропалительную деколонизацию, по существу бросив свои "заморские владения" на произвол судьбы. А это означало, что в Анголе неизбежно должна была начаться острая схватка за власть. Так оно и случилось. Пока различные группировки, участвовавшие в борьбе за независимость, пытались найти общую платформу, чтобы сформировать представительное правительство, небольшая, но хорошо организованная марксистская партия МПЛА, опираясь на свои вооруженные отряды, захватила власть в Луанде. Через какое-то время и оппозиционные группы сумели собраться с силами и создали свои собственные военные формирования. Таким образом, после 14 лет антиколониальной войны в стране началась еще более кровопролитная и разрушительная гражданская война. Об ее масштабах можно судить по следующим цифрам: за 13 лет погибло в общей сложности 100 тысяч человек, десятки тысяч искалечены, сельское хозяйство и алмазодобывающая промышленность пришли в упадок. Общий ущерб экономике весьма приблизительно оценивается в 23 миллиарда долларов — огромную сумму для развивающейся страны!

Почему же конфликт в Анголе принял столь кровавый и затяжной характер?

Захватив власть в Луанде в 1975 г., марксистские лидеры отдавали себе отчет в том, что силы оппозиции обладают большим влиянием и, объединившись, неизбежно выбросят самозванных правителей из страны. Хотя до объединения оппозиционных группировок было еще далеко, лидеры МПЛА забились тревогой и обратились к Москве с просьбой об увеличении военной помощи. Кремлевские руководители того периода, в свою очередь, усмотрели в развале португальской империи большие возможности, тем более, что в Анголе и Мозамбике существовали небольшие ориентированные на Москву марксистские группировки. Москва и раньше оказывала помощь своим "клиентам" на Юге Африки и была готова увеличить поставки вооружений после того, как те пришли к власти. Но советских руководителей смущало одно обстоятельство. Они еще не забыли, как на Ближнем Востоке в 1967 г. огромные запасы советского оружия в одночасье превратились в груды металла или попали в руки врага.

Кто мог поручиться, что на Юге Африки не произойдет то же самое? В Москве понимали: мало отправить современное оружие марксистам из МПЛА — нужно послать туда тех, кто сумел бы этим оружием воспользоваться. Вот здесь-то и возникла трудность — в распоряжении СССР не было необходимого количества военных специалистов, способных действовать в африканских условиях, да и само участие советских военнослужащих в военных действиях в регионе, где у СССР нет непосредственных интересов, выглядело бы слишком откровенным вызовом Соединенным Штатам. Неизвестно, кому первому пришла в голову мысль использовать в Африке кубинских солдат, но предложение это пришлось по душе Брежневу и его советникам.

Фиделя Кастро не пришлось долго уговаривать, и вскоре тысячи, а потом и десятки тысяч кубинских солдат начали прибывать на юго-западное побережье Африки. Они говорили на языке, близком тому, на котором говорит местное население, их не смущал тяжелый для европейцев климат. Они были оснащены самым современным оружием, вплоть до самолетов МИГ-23, танков Т-62, вертолетов, ракет и т.д. И кубинские войска эффективно использовали это оружие — МПЛА сумела удержаться у власти в Луанде, а затем и подчинить своему контролю большую часть территории страны. МПЛА сформировала самую большую армию в Черной Африке (около 310 тысяч солдат), создала государственный аппарат, установила связи с многими странами мира и пыталась даже наладить экономику страны (главным образом добычу и продажу нефти).

Соединенные Штаты, точнее администрация Картера, остались безучастными к судьбе бывших португальских колоний в самый ответственный период их истории. Был ли причиной тому "вьетнамский синдром" или президент Картер руководствовался какими-то другими соображениями, неясно. Но, как бы там ни было, он заявил, что "советских войск нет ни в Анголе, ни в Мозамбике", а конфликты между местными политическими группировками — внутреннее дело этих стран. Правда, администрация Рейгана пересмотрела отношение к событиям на Юго-Западе Африки и решила оказать помощь повстанцам из организации УНИТА. Но помощь эта носила весьма ограниченный характер и,

главное, пришла слишком поздно, чтобы изменить соотношение сил в Анголе. 60 тысяч бойцов УНИТА удерживают под своим контролем несколько северных и центральных провинций страны, но особенно сильны позиции УНИТА — на юге, где она получает военную поддержку от армии ЮАР. Специалисты полагают, что правительству в Луанде не удастся полностью разгромить повстанцев УНИТА даже с помощью 50-тысячного экспедиционного корпуса кубинской армии. Но и у УНИТА нет шансов разбить правительственную армию, сломать созданную за тринадцать лет государственную инфраструктуру.

Это то, что касается Анголы. Ну а что же происходит в соседних Намибии и ЮАР?

Намибия — огромная пустынная страна, когда-то тоже принадлежавшая португальцам. Но в конце прошлого века португальцев вытеснили оттуда войска германского канцлера Бисмарка, и в продолжении четверти века страна была немецкой колонией. В 1919 г. туда вошли войска соседнего Южно-Африканского Союза — британского доминиона, сражавшегося на стороне метрополии в Первой мировой войне. В 1920 г. Лига Наций предоставила Южно-Африканскому Союзу мандат на управление Намибией (в то время называвшейся Юго-Западной Африкой). Наверное, Претория вечно владела бы этой территорией, если бы ветры перемен в Африке не занесли сюда идеи независимости. Впрочем, вооруженные отряды СВАПО, начавшие свои операции в Намибии в 1966 г., были созданы не столько благодаря идеям, сколько — помощи все той же МПЛА. Фактически СВАПО — намибийский двойник этой ангольской партии марксистского толка. У нее та же идеологическая платформа и аналогичные цели — захватить контроль над Намибией и создать там централизованный, однопартийный режим.

Но ситуация в Намибии отличается от ангольской. На 1 млн. 200 тысяч африканцев там приходится 80 тысяч белых, причем белая колония в Намибии очень старая (частично она состоит из потомков немецких колонистов), у нее давние и прочные связи с Южно-Африканской Республикой. Да и экономика страны, находящаяся опять-таки в руках белых намибийцев, является интегральной частью экономики ЮАР. И все же и белое меньшинство, и его покровители в Претории не чувствуют себя уверенно в Намибии. Дело

даже не в отдельных и весьма незначительных военных успехах повстанцев из СВАПО. Африканские государства и страны Третьего мира, а в последние годы и европейские страны и США оказывают сильное давление на ЮАР, с тем чтобы она предоставила независимость Намибии. В 1978 г. Совет Безопасности принял резолюцию № 435, требовавшую предоставить независимость этой стране. ЮАР отказалась принять резолюцию № 435 и отвергла постановление Международного Суда в Гааге, признавшего оккупацию Намибии незаконной.

Чем руководствовались в Претории, выработывая политику в отношении Намибии?

Отвергая в прошлом саму идею предоставления этой стране независимости, в ЮАР прежде всего не хотели терять "лакомый кусочек" в виде залежей алмазов, неразработанных полей нефти и газа и стратегического порта на берегу Атлантического океана. Но в последние годы в Претории более всего озабочены тем, что произойдет в Намибии после ухода оттуда ЮАР.

Еще десять лет назад, как только в Анголе и Мозамбике утвердились коммунистические режимы, в Южной Африке забила тревогу. Эта тревога особенно усилилась, когда в Анголе появились кубинские войска, а собственные армии Анголы и Мозамбика выросли до угрожающих размеров. Коммунистическая угроза, которую в ЮАР использовали, чтобы хоть как-то парировать обвинения в апартеиде, неожиданно приобрела реальные черты. Конечно, дело не только в ненависти, которую правители ЮАР питают к коммунизму, и даже не в том, что там боятся установления коммунистического режима в соседней стране, — более всего Преторию тревожит то обстоятельство, что прокоммунистическая Намибия станет базой для подрывных элементов в самой ЮАР. А под подрывными элементами в ЮАР подразумевают не только черных экстремистов, но и всех противников апартеида.

Сознавая опасность, исходящую с Севера, и понимая, что их стране не приходится рассчитывать на помощь Запада, правящие круги ЮАР взяли курс на форсированное строительство военной индустрии и создания на ее базе мощной современной армии. К середине 80-х годов цель эта была достигнута. Опираясь на собственные ресурсы и фи-

нансовое могущество, но, конечно же, и на неафишируемые связи с промышленно развитыми странами, ЮАР сумела превратиться в военную державу, сокрушить которую даже объединенными силами ее врагов представляется невозможным.

Итак, на Юге Африки сложилось "равновесие сил и ненависти". На одной стороне — ЮАР, не помышляющая отказаться от политики апартеида, но непобедимая в военном отношении. На другой — решимость африканских стран и народов, непосредственно противостоящих ЮАР, решимость, подкрепленная военной и экономической помощью Восточного блока, дипломатической поддержкой стран Третьего мира, симпатиями общественного мнения стран Запада. Так что еще несколько лет назад политические наблюдатели были единодушны в том, что к концу века конфликт на Юго-Западе Африки станет главным очагом международной напряженности.

Признаки поворота событий в иное русло появились в прошлом году. Появились с неофициальных сообщений о будто бы имевших место консультациях экспертов из Анголы, Кубы, ЮАР, СВАПО и США. Затем о таких встречах, об участии в них представителей правительств стали сообщать официально. Организатором встреч был помощник госсекретаря США Честер Крокер. Он же был одним из архитекторов широкого плана мирного урегулирования в регионе. В общих чертах план Крокера сводится к следующему. Куба начинает вывод войск из Анголы, а ЮАР — из Намибии. Ангола прекращает поддержку организации СВАПО, а ЮАР — УНИТА. ЮАР предоставляет независимость Намибии — кубинские войска полностью выводятся из Анголы. Значительная роль в плане Крокера отводится войскам и гражданскому персоналу ООН, которые должны поддерживать порядок и помочь в проведении свободных выборов в Намибии в переходный период. В Претории согласились с планом Крокера, понимая, видимо, бесперспективность противостояния всему миру. Что же касается Кубы, Анголы и их подопечной СВАПО, то Москве, надо думать, пришлось немало потрудиться, чтобы умерить "революционный пыл" Ф.Кастро, президента Анголы Жосе Душ Сантуша, президента СВАПО Сэма Нуйомы. Во всяком случае в публичных выступлениях на Кубе в начале апреля М.Горбачев многократно и настойчиво повто-

ржал, что СССР против экспорта революции, а некоторые политические наблюдатели даже утверждают, что целью визита Горбачева на Кубу и было стремление СССР обуздать кубинскую экспансию, в частности, в Африке.

Необходимо подчеркнуть, что разработка столь грандиозного плана, согласование его основных положений и технических деталей широким составом участников потребовали огромных усилий. Менее чем за год были проведены десятки встреч, совещаний, консультаций. И на каждой из них, будь то в Лондоне или Каире, Нью-Йорке или Луанде, Претории или Лусаке, незримо присутствовало советско-американское сотрудничество, очень часто помогавшее найти выход из очередного тупика. Как бы там ни было, шампанское на дипломатическом приеме в Бразавиле в канун Рождества пили не зря: стороны отмечали успешное завершение переговоров и подписание соглашений о предоставлении независимости Намибии и выводе кубинских войск из Анголы. В окончательном варианте эти соглашения выглядят так. День 1 апреля назначается днем начала выполнения резолюции № 435. К этому дню отряды СВАПО должны быть полностью выведены в Анголу и размещены в лагерях за 160 км от границы с Намибией. В Намибии объявляется всеобщее прекращение огня, и в страну начинают прибывать контингенты ЮНТАГ (специальной группы ООН по оказанию помощи Намибии в переходный период), причем до 1 июля должно прибыть более 7000 военнослужащих и более тысячи гражданских служащих ООН. Именно на них и на местную полицию должен опираться генеральный администратор ЮАР, в руки которого переходит власть в стране вплоть до проведения свободных выборов, которые состоятся 1 июля. К этому дню количество военнослужащих ЮАР в Намибии сокращается с 50000 до 1500, Куба же начнет выводить свои войска из Анголы. После проведения выборов генеральный администратор завершит свою миссию, передав власть законному правительству. Последний солдат ЮАР покинет страну, Намибия станет суверенным государством. Вывод кубинских войск из Анголы продолжится, причем к 1 ноября должно быть выведено 25000 солдат, а остальные 25000 покинут Анголу к 1 июля 1991 г.

Трудно было поверить, что реализация

этого обширного плана пройдет без помех, но в одном никто не сомневался — политическая проблема решена, узел противоречий на Юго-Западе Африки счастливым образом удалось развязать.

И вот день 1 апреля наступил. В административном центре Намибии Виндхук праздничное оживление — красочное шествие сторонников различных партий и... марш членов партии СВАПО. Марш не разрешен, но полиция не вмешивается: в стране праздник! Телевизионные компании мира ведут репортажи из Виндхука — яркая толпа на улицах, симпатичные молодые солдаты в голубых беретах разгружают транспортные самолеты, наконец, прибытие премьер-министра Великобритании Маргарэт Тэтчер, решившей, видимо, подчеркнуть торжественность момента. Впрочем, возможен и дипломатический скандал. Тэтчер заявила, что не будет встречаться с южноафриканцами, но встречать ее, согласно протоколу, должен юаровский генеральный администратор Л.Пинаар. Репортеров ждет разочарование — встреча проходит корректно. И все же скандал состоялся. Увы, не по поводу дипломатической процедуры.

Поздно вечером поступают сообщения о боях на севере Намибии. Поначалу все недоумевают. Бои? Кого с кем? По какому поводу? На следующий день ситуация проясняется. В ночь на 1 апреля более полутора тысяч бойцов СВАПО проникают на территорию Намибии и вступают в бой с местной полицией. Застигнутый врасплох Л.Пинаар посылает на помощь полиции силы территориальной обороны (а не войска ЮАР, как много раз сообщалось в советской прессе). Разгораются настоящие сражения, причем в первые же дни армия СВАПО терпит сокрушительное поражение. 276 убитых, неизвестное количество раненых. Остальные рассеиваются по африканской саванне. Оправдывая незаконное вторжение, Сэм Нуйома заявляет, что, дескать, бойцы СВАПО "не вторгались в Намибию, а находились там до 1 апреля". Но нарушение обязательств со стороны СВАПО столь очевидно, что президент Анголы делает Нуйома публичный выговор, а газета "Известия" от 15 апреля называет "маскированное проникновение бойцов СВАПО на территорию Намибии" ошибкой(!). Заместитель министра иностранных дел СССР А.Адамшин считает нужным заявить, что СССР не

был поставлен в известность о планах СВАПО. Впрочем, А.Адамишин, партнер Ч.Крокера по реализации плана умиротворения в регионе, чувствует, что одним оправданием не отделаешься, и срочно вылетает в Лусаку, Мапуту и даже в Йоханнесбург.

Незадачливый С.Нуйома под давлением "старших товарищей" отдает приказ своим бойцам вернуться в Анголу. Но легко разжечь пожар и трудно его погасить. Выпроваживание из Намибии полутора тысяч разбежавшихся и потерявших всякую связь друг с другом и центром воинов СВАПО становится проблемой. Приказ Нуйомы то ли не услышан, то ли его не хотят исполнять. В Претории начинают раздаваться угрожающие голоса, "прифронтовые" страны Черной Африки обвиняют ЮАР в зверской расправе с африканцами, у ООН не хватает сил и средств, чтобы доставить своих служащих в Виндхук и далее на север страны. В политическом мире нарастает паника. В Нью-Йорке срочно созывается Совет Безопасности, а в Виндхуке собирается тройственная комиссия по наблюдению за выполнением соглашений о мирном урегулировании на Юго-Западе Африки. В состав комиссии входят представители Анголы, Кубы и ЮАР. США и СССР представлены наблюдателями. 9 апреля комиссия принимает "декларацию Маунт-Этжо". Прекратить огонь, начать вывод бойцов СВАПО в Анголу. Создать девять сборных пунктов под контролем ЮНТАГ, куда должны явиться партизаны, а оттуда они под конвоем голубых касок будут переправлены в Анголу. План кажется очень удачным, но... сваповцы на сборные пункты не являются. Установленный срок вывода перепуганных вояк — 15 апреля срывается. Комиссия собирается снова, срок вывода продлевают до 21 апреля.

Но пока политиков и дипломатов лихорадит, солдаты Нуйомы постепенно приходят в себя и начинают самостоятельно перебираться в Анголу. 20 апреля генеральный администратор подтверждает — Намибию покинуло 600 бойцов СВАПО. Появляется надежда, что эпопея выпроваживания "проникших" сюда солдат Нуйомы завершится благополучно, а мирный процесс возобновится.

Было бы ошибкой считать, что ответственность за чуть было не случившийся срыв соглашений несет Сэм Нуйома или неконтролируемое им военное крыло партии СВАПО.

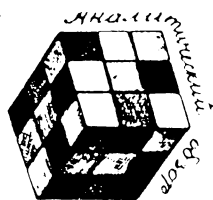
Драматические события начала апреля выявили ахиллесову пяту, казалось бы, столь тщательно разработанного и всесторонне сбалансированного плана умиротворения региона. Да, соглашения Крокера—Адамишина учитывают интересы Луанды, Претории, столиц "прифронтовых" стран Черной Африки, Организации африканского единства. Учитывают они, разумеется, и интересы сверхдержав. Соглашения гарантируют международное признание режима в Анголе, подтверждают законность интересов ЮАР, обещают Африке, что в Виндхуке будет развеиваться национальный флаг.

Но проблема в том, что режим в Луанде не устраивает значительную, возможно, большую часть населения страны. Если кто-то надеется, что международное признание сможет заменить присутствие 50-тысячного кубинского экспедиционного корпуса, тот глубоко ошибается. Мало что изменит и отказ ЮАР от поддержки УНИТА. Кровавое пролитие, подобное тому, что произошло на севере Намибии, может в любой момент вспыхнуть в Анголе. И остановить его будет труднее, чем выпроводить из Намибии неумелых вояк СВАПО.

Что касается ЮАР, то соглашения по умиротворению на Юго-Западе Африки ни словом не упоминают об интересах большинства населения этой страны, никоим образом не связывают международные гарантии по отношению к этой стране с обязательствами Претории так или иначе отказаться от режима апартеида.

В сущности план умиротворения не очень-то считается и с волей народа Намибии. Конечно, предоставление независимости — большая победа, но кто будет править в Виндхуке? Не случится ли, что скоропалительные выборы приведут к власти либо маррионеток ЮАР, либо того же оголтелого Сэма Нуйому? В конце концов, три месяца — смехотворно малый срок для подготовки к первым выборам в стране, где лишь недавно началась регистрация населения.

Любой мир лучше войны, и в этом плане соглашения по умиротворению на Юго-Западе Африки следует считать положительными. Но подлинного мира в регионе не удастся добиться до тех пор, пока там будут существовать режимы типа ангольского или южноафриканского.

ЧЕТЫРЕ ГОДА

Четыре года – дата не юбилейная; юбилей, объяснили мне люди сведущие, начинаются с десяти лет. Бывают, однако, обстоятельства (одни знают об этом по фронту, другие – по лагерю), когда день засчитывается за два и даже за пять. Я думаю, что перестройка создала именно такую ситуацию. Перемены, начатые сверху, затронули гораздо более глубокие пласты, чем, видимо, предполагали их инициаторы. Возникла сложнейшая амальгама намерений, не подкрепленных действиями, результатов, выходящих за рамки намерений, скрытых сил и тенденций, которым еще только предстоит выйти на поверхность.

1

ВВЕДЕНИЕ.

В ПОИСКАХ ОБЪЕКТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ

Разногласия лучше единогласия – это очевидно. Но то ли сложность обстановки, то ли отсутствие опыта привели к тому, что в оценке происшедшего и происходящего преобладают субъективные моменты: от безнадежного "ничего не изменилось" до восторженного "изменилось все". Люди, чье место пребывания или социальный статус избавляют их от необходимости часами выстаивать в очереди за колбасой, уверяют нас, что не в колбасе счастье, что публикация романа В.Гроссмана куда ярче характеризует перестройку, чем пустые прилавки магазинов. В неофициальном журнале "Референдум" (№ 28) читаем: "Единственный разумный способ избавиться от накопления избытков денег – дать ценам взлететь до потолка, чтобы быстро поглотить избыток денег и выравнять рынки". Способ, несомненно, эффективный, но почему же единственный? Не лучше ли просто придумать значительную часть пенсионеров, миллионы многодетных, людей с низкими доходами – всех, кто при нынешних (непотопочных) ценах еле сводит концы с концами? Объем товаров на душу оставшегося населения при этом резко возрастет, что несомненно поможет "выравнять рынки"...

Чтобы избежать слишком уж личных оценок и особенно лихих рекомендаций, нужны, очевидно, объективные критерии. Не претендуя на научность, я рискнул бы все-таки предложить такую методологию оценки. Исходное (до перестройки) положение в данной области. Побудительные мотивы перестройки и цели, которые она преследовала. Наиболее важные средства, использованные для достижения этих целей. Эффект – ожидаемый и неожиданный. Нынешнее состояние и перспективы.

Конечно, подобный анализ связан с определенными трудностями. В частности нам возражат, что четыре года – не срок, что существуют процессы, об эффективности которых смогут судить лишь будущие поколения. Ссылки на исторические масштабы, апелляция к поколениям – прием не новый и вроде бы безотказный. Опыт, однако, свидетельствует, что меры (если это *меры*, а не полумеры и не топтание на месте) даже в такой инертной сфере, как экономика, начинают приносить результаты достаточно быстро. Примеры известны: переход от страшного голода 20-х годов к изобилию зла, превращение голодной послевоенной Германии в Германию процветающую, а колониальной Южной Кореи – в одного из "азиатских тигров". Напротив, если новый (или объявленный новым) механизм не приносит ощутимых результатов в течение одного-двух лет, можно уверенно предсказать, что он не даст результатов и через сто лет. И искать причины его неэффективности надо не в косности среды, а в свойствах *самого механизма*.

Экономика, фундамент которой был заложен в годы Великого перелома, не имеет аналогов в истории. Любые сравнения – с феодализмом, рабовладением, деспотиями Древнего Востока – сугубо условны. Человечество не знало машины, столь *примитивной* по идее и, одновременно, столь *изошренной* по своему конструктивному воплощению. Бесчисленные колеса этой машины – партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные, контрольные, репрессивные – крутились только для того, чтобы увеличить *разность* между производством и потреблением. Или проще: чтобы получить от человека так *много*, как только это возможно, и дать ему так *мало*, как это допустимо физиологически.

Разумеется, в данных условиях ожидать от работника высокой отдачи было бы нелепо. Ее и не ожидали. Система исходила из того, что нужный государству *остаток* можно получить и при сколь угодно низкой производительности труда – сокращением доли общественного продукта, расходуемой на потребление. Классической моделью этого способа производства был лагерь. Дело не в том, насколько велик был вклад заключенных в экономику страны (на сей счет мнения расходятся), а в том, что в лагерной модели основная идея системы выступает в наиболее *чистом*, законченном виде.

Мне приходилось слышать мнение, что именно с роспуска массовых лагерей и начался закат системы. Свои резоны тут, безусловно, есть. После судорожных (и не слишком удачных) попыток обеспечить высокую отдачу за счет энтузиазма система молчаливо признала, что это невозможно. Но некоторая, пусть небольшая, отдача была необходима; обеспечить ее мог только *страх*. Расстрел, при всей его массовости, был все-таки средством экстремальным. Напротив, заключение в лагерь было мерой *естественной* – что-то вроде предусмотренного КЗОТ-ом перевода на нижеоплачиваемую работу. Лагерь был прямым продолжением *воли*, ее нижним этажом, связанным с ней непрерывно действующей системой сообщающихся сосудов. Неудивительно, что разрушение этого этажа тяжело отразилось на устойчивости всего *здания*.

Среди многих характеристических признаков системы следует особо выделить три: низкая производительность труда, расточительность, косность. Не надо быть великим экономом, чтобы предсказать последствия такого хозяйствования – низкий уровень жизни (с тенденцией к падению), истощение природных ресурсов, отставание в науке и технике.

Повторяю, предвидеть подобное развитие событий было нетрудно, все это лежит на поверхности. И если самые разные вожди – от Ленина, Троцкого и Сталина до Хрущева и Черненко – приняли эту модель, то виной тому вовсе не хозяйственная безграмотность. Просто в их расчетах соображения собственно *экономические* существенной роли не играли. Экономика должна была всего лишь подпираться идеологию и политику (или политику и идеологию), обеспечивая осуществление тех целей, которые в каждый данный момент признавались главными: удержание власти, ее укрепление, расширение, распространение на другие страны.

Своя логика тут есть, нам просто не хватает смелости довести логику вождей до конца. Все, что они делали, было подготовкой к "последнему и решительному" бою. На фоне этой великой, действительно исторической цели меркло все: низкая производительность, растрата природных богатств, вялый научно-технический прогресс. Среди коммунистических вождей были люди, не делавшие из своих планов секрета: Мао, Фидель Кастро, Пол Пот. К счастью, выиграть этот бой в одиночку у них не было шансов. Тем же, у кого такие шансы были, в нужный момент не хватило смелости. А потом началась атомная эра. Поезд ушел...

Итак, поезд ушел, а созданная ими экономика осталась. *Тыл без фронта*, странное чудовище, производящее больше орудий и танков, чем все остальные государства вместе взятые, но не способное накормить страну, обеспечить ее одеждой, обувью, спичками, мылом. И главное тут даже не *ориентация* (в конце концов, ориентацию можно изменить), главное — сам хозяйственный механизм, запрограммированный на решение совсем иных задач, чем те, что естественным образом ставит перед собой нормальная экономика. Вот какое наследство получил Горбачев.

Кажется, что сказанного достаточно для понимания мотивов перестройки. Но это заблуждение. Командная экономика была неэффективна с самого начала. И если в 30-е годы головокружительные темпы роста кого-то еще могли ввести в заблуждение, то к началу 50-х все было абсолютно ясно. Тем не менее о перестройке не было речи. Значит, руководство страны такая экономика *устраивала*.

Чтобы понять изначальные мотивы Горбачева, стоит обратиться к его программным выступлениям в апреле и июне 1985 г. Разумеется, там есть все: и продовольственная проблема, и жилищное строительство, и производство товаров широкого потребления. Но сквозь пеструю ткань призывов, лозунгов и благих пожеланий четко проступает реальная *шкала приоритетов*. Во-первых, ускорение темпов роста. Во-вторых, научно-технический прогресс.

Вроде бы все правильно: не хватает продуктов и товаров — их выпуск надо наращивать, техника отстает — надо догонять. Но ведь достаточно было копнуть чуть глубже, чтобы выявилась совсем иная картина. Беда не в том, что страна мало производит. Беда в том, что она производит *не то*, что нужно, *не того* качества, *не теми* средствами и способами. И о прогрессе, достижениях современного уровня думать не приходилось. Нам бы сначала построить склады и элеваторы, залатать автомашины, из которых сыплется зерно, заменить станки конца прошлого века оборудованием второй половины нынешнего.

Нет, не общее состояние экономики обеспокоило новых руководителей, с этим бы они примирились. По-настоящему взволновало их отставание Советского Союза в новейшем оружии, в средствах космического базирования. И выявила это отставание американская программа СОИ, Стратегической оборонной инициативы. Не то чтобы Горбачев и его коллеги верили в осуществимость этой программы и в агрессивные намерения Соединенных Штатов. Тут было важно уже то, что Америка намерена создать нечто такое, что *нам недоступно*; Соединенные Штаты могли сколько угодно обгонять нас в производстве зерна, автомобилей, персональных компьютеров, строительстве жилья и дорог. Однако тот факт, что они обгоняли нас в нашей коронной области, *военной*, неопровержимо доказывал, что советская экономика действительно отстала и нуждается в перестройке.

С тех пор прошло четыре года. За эти годы в СССР появилось немало нового: новых истребителей, танков, орудий, ракет. Однако вряд ли кто сумеет назвать хотя бы один новый *продукт потребления, товар* с новыми свойствами, оборудование, материал, вызвавший переворот в легкой или пищевой промышленности.

Невероятно, но факт. Объявив в 1985 г. о смене приоритетов, о коренном повороте к социальной сфере, советское руководство продолжало гнать экономику в привычном направлении. Больше, еще больше нефти, угля, чугуна, стали, цемента, тракторов... Лишь несколько месяцев назад как будто спохватились. Как? Почему? Зачем нам сталь и тракторы, по которым мы давно обогнали Америку? Оказывается, три года мы снова бежали не в том направлении, перестраивались не туда.

Но все-таки перестраивались? Несомненно. Сейчас, оглядываясь назад, понимаешь, в чем была идея Горбачева. Не меняя основ экономической системы, он стремился очистить ее от всего излишнего, чрезмерного (излишней жесткости, чрезмерной централизации) и снабдить механизмами (например, противозатратным), которых ей не хватало. Сейчас нет надобности перечислять все, что было

сделано: расширение самостоятельности предприятий, разрешение индивидуальной и кооперативной деятельности, подряд, аренда... Пользуясь модным нынче методом оценки "по конечному результату", подведем итоги. Положение не только не улучшилось, но стало заметно хуже. Начался, как пишут в советских газетах, *распад рынка*.

Объяснения известны. Тупик оказался глубже, чем ожидали; антиперестроечные силы — мощнее, чем можно было предполагать; цены на экспортируемую нефть упали, а на импортное оборудование возросли; чернобыльская катастрофа... землетрясение в Армении... падение доходов от продажи водки... Все это так. Но людям, считающим себя марксистами, не грех бы вспомнить труды основоположника.

Кажется, академик Т.И.Заславская первой назвала причину основных бед советской экономики: несоответствие производственных отношений уровню развития производительных сил. Не то чтобы производительные силы ушли так далеко вперед, что производственные отношения от них отстали. Просто система отношений, огнем и мечом внедренная Сталиным в тридцатые годы, принадлежит другому времени — эпохе египетских фараонов, строительства Вавилонской башни, Великой китайской стены. Теперь об этом несоответствии советские исследователи пишут открыто, забывая, однако, разъяснить, что, по Марксу, производственные отношения — это отношения собственности. И если противоречия между производительными силами и производственными отношениями достигли критической точки, то менять надо не структуру министерств и не подчиненность предприятий, а *отношения собственности*. Без этого любые реформы (даже полезные) не принесут существенных результатов.

Сейчас в советской печати усиленно дебатруется вопрос, совместим ли свободный рынок с социализмом и если да, то как его туда встроить. Допустим, что это возможно. Но как решить другую задачу: создать изобилие полноценных товаров, без которого само понятие свободного рынка теряет смысл?

Мировой опыт однозначен. В странах, где существуют разные формы собственности, рынок насыщен товарами; там же, где собственность на орудия и средства труда монополизирована государством, — преобладает состояние перманентного *товарного голода*. Это правило без исключений.

Разумеется, удельный вес разных форм собственности (государственной, акционерной, кооперативной, частной) колеблется в достаточно широких пределах. Однако негосударственные формы собственности — и прежде всего частная — играют в экономике роль *камертона*. Именно они задают тон, определяя и общественно необходимые затраты труда, и цены, и обстановку конкуренции — общую атмосферу свободного рынка. Это закономерно. Государство покрывает убытки *своего* предприятия из кармана *налогоплательщика*, частник или акционер платит из своего кармана. У него нет выбора: поражение в конкурентной борьбе кончается для него не выговором и даже не потерей руководящей должности, а банкротством, экономической смертью. И напротив, выигрыш дает ему не премию и не повышение по службе, а нечто неизмеримо большее — ощущение собственной значимости, самоутверждение.

Частник навязывает обществу свои правила игры. Правила жесткие, но благотворные. В этих условиях государственное предприятие уже не может играть кое-как, спустя рукава — иначе разрыв (в производительности труда, качестве продукции, рентабельности) будет слишком явным. Неужели советские руководители этого не понимают?

Некоторые, видимо, не понимают — или не хотят понимать, им это *невыгодно*. Но Горбачев, думаю, понимает. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры, которыми заполнены его выступления. Вот подрядная бригада или завод, арендованный рабочими... А вот колхоз, совхоз, государственное предприятие... Контраст разительный. Невероятно, чтобы человек, получивший два высших образования, был неспособен на простейшее умозаключение. Система работает тем лучше, чем заложенные в ней производственные отношения *ближе* к естественным, нормальным.

Однако говорит Горбачев нечто совсем другое. Частная собственность — основа эксплуатации человека человеком, и наша революция совершалась, чтобы ее ликвидировать, передать все в собственность народа.

Эту самую эксплуатацию (причем непременно *человека человеком*) советская пропаганда эксплуатирует уже добрых семьдесят лет. Ее ничто не смущает. Ни существование частных предприятий (например, ферм), где наемный труд не используется вовсе. Ни меры правительств, гарантирующие работнику на Западе минимум зарплаты. Ни профсоюзное движение (настоящее, а не игрушечное), которое бдительно следит за распределением "национального пирога". Ни социальное законодательство, обеспечивающее человеку, попавшему в трудные обстоятельства, помощь государства.

Короче, жизнь выработала множество способов борьбы с эксплуатацией человека человеком. Неизмеримо сложнее случай, когда в роли эксплуататора выступает *государство*, присвоившее себе все функции: единственного работодателя, профсоюзов, судьи. Конечно, государство у нас социалистическое, уже по одному этому оно не может никого эксплуатировать. Но как тогда объяснить тот поразительный факт, что там, где *нет* эксплуатации, оплата труда и общий уровень жизни *неизмеримо ниже*, чем там, где она *есть*?

Существует, впрочем, мнение, что когда тебя эксплуатирует государство, это даже приятно или хотя бы не так обидно. Ведь в данном случае прибавочный продукт достается всему государству — и никому в частности. Но так ли это? "То, что мы узнали в последнее время об устройстве своего общества, — пишет академик Т.Заславская, — дает основания говорить, по крайней мере, о косвенной эксплуатации номенклатурным слоем остальной массы населения".

Однако — и я хотел бы подчеркнуть это особо — в советских условиях еще более значительная часть прибавочного продукта просто теряется, уходит в никуда. И это не случайность, не досадное недоразумение. Это — *цена*, которую мы платим за отсутствие эксплуатации, за превращение частной собственности в *ничейную*.

Теперь о революции, которая совершалась... Я понимаю, как рискованно прямо и определенно заявить, что революция была ошибкой. Но я этого и не утверждаю: для подобного вывода нужна временная дистанция. Может быть, историки и философы будущего придут к выводу, что революция была необходима — хотя бы затем, чтобы человечество излечилось от детской болезни коммунизма, от святой веры в то, что разделив имущество и уничтожив столько-то плохих людей, мы получим рай на земле. А может быть, ученые печально разведут руками: "Ошибка. Историческая петля, которая никуда не ведет. Одна из тех пустых петель, которыми, увы, богата история человечества".

Оставим оценки теоретикам. Против возвращения к частной собственности выдвигаются доводы вполне практические, страшные своей будничностью. На международной встрече, организованной "Огоньком" в конце прошлого года, Н.Шмелев призвал коллег быть реалистами. Согласившись, что частная собственность стала бы "хорошим катализатором и стимулятором для нашей экономики", он печально добавил: "Первое же такое предприятие улица сожжет в ту же ночь, как только оно будет создано. Я сужу по реакции на кооперативы..."

Страшно? Но эстонцы, представьте себе, не испугались. И вся Прибалтика не боится. И в Закавказье или Средней Азии опасность совсем не так велика — к собственности здесь привыкли относиться с почтением. Наконец, с каких это пор политику в СССР диктует "улица"? Почему бы всем этим органам, которые превосходно умеют уничтожать чужое имущество и преследовать невинных, не научиться это имущество *защищать* и карать тех, кто на него посягает? Нереально? Конечно, нереально. По крайней мере до тех пор, пока глава государства будет лично заниматься подстрекательством, пережевывая старые лозунги об эксплуатации...

Чем же все-таки Горбачев хочет заменить этот "катализатор и стимулятор"? Как обычно, паллиативами: кооперация, подряд, аренда. Дело даже не в том, что чувства арендатора несравнимы с чувствами хозяина. Гораздо важнее, что любая *внегосударственная* деятельность обставляется таким количеством рогаток, ограничений и неопределенностей, что только очень смелый (или отчаявшийся) человек решится на авантюру.

Впрочем, в последнее — в самое последнее — время о неизбежности возврата к частной собственности заговорили открыто. "Монополия государственной собственности растворяет интерес, — писала 17 февраля "Правда". — Надо ли ставить эксперименты по этому поводу? Достаточно подвести итог полувековых опытов". "Там, где это эффективнее, — замечает Г.Лисичкин, — надо опираться на всю палитру других (негосударственных. — Р.Б.) форм собственности — коммерческую деятельность нужно осуществлять в основном на базе кооперативной, акционерной, личной и даже частной". По сути к тому же выводу приходит и Н.Шмелев в превосходной статье "Либо сила, либо рубль", напечатанной в первой книжке "Нового мира" за этот год. "Нет, далеко еще не все нам ясно! — предупреждает он. — Не ясен, например, даже такой вопрос: а что мы впредь намерены делать с такой мощной силой экономического прогресса, как индивидуализм, стремление предприимчивой, энергичной личности к личному успеху, в том числе и к успеху материальному?"

Следует ли отсюда, что в обозримом будущем мы можем ждать радикальных экономических перемен? Увы. Горбачев не упускает случая напомнить нам, что он не просто что-то меняет, что у него есть *стратегия перестройки*. Если так, то смысл этой стратегии в том, что за самым маленьким шагом вперед следует стремительный рывок назад. Может, такого рода *пируэты* хороши в танцах, но никак не в политике.

Советские руководители — кто искренне, кто лицемерно — вздыхают. Люди отвыкли работать: их не прельщают ни подряд, ни аренда, ни кооперативы, требующие серьезного труда и солидных вложений. Но что тут удивительного? Мы знаем, как был растоптан энп, введенный "всерьез и надолго", отменены (или забыты) законы, программы, обязательства. Какие у нас основания верить Горбачеву, если он, по-моему, сам себе не верит: сегодня дает, чтобы завтра взять обратно?

Чтобы перестройка стала необратимой (или хотя бы просто ошутимой), людям нужны *гарантии*. Тут, однако, мы выходим за рамки чистой экономики и попадаем в совсем иные сферы: гласности, права, политики, идеологии...

3

ЭТА НЕПОНЯТНАЯ ГЛАСНОСТЬ. НАЧАЛА И КОНЦЫ

О том, что у нас гласность, знает весь мир. Ловкий предприниматель пишет это русское слово на неходовых рубашках, галстуках, подтяжках. В таком виде они идут нарасхват: скромному западному обывателю лестно ощутить свою причастность к загадочным процессам в далекой России.

Процессы и в самом деле загадочные. Что было в этой области до Горбачева? Безгласность, говорят нам, или нулевая гласность. Как же нулевая, когда выходили тысячи газет, круглосуточно вещало радио, часами светился голубой экран? Боюсь, что значение этого таинства мы не поймем никогда. Параллельно тому миру, в котором мы жили, творился *иной* мир: печатный, звуковой, зрительный. В каких-то точках он соприкасался с тем, что мы знали, иногда был даже чем-то на него похож. И все-таки это был мир, живущий по *другим* законам. В нем, в этом мире, лихо гарцевали кубанские казаки, полки магазинов ломились от яств, под мостами спали лондонские безработные, афганские крестьяне со слезами на глазах обнимали советских воинов-освободителей, израильские агрессоры без всяких причин обрушивали огонь на мирные ливанские села...

Конечно, советский читатель, как никакой другой, умел читать между строк. И тем не менее наивно думать, что это умение и жизненный опыт ограждали человека от воздействия второго мира. Восьмидесятилетняя старушка, собиравшаяся с детьми и внуками в эмиграцию, вдруг объявила, что не поедет. "Но почему?" — "Меня там будут эксплуатировать".

Провозгласив свою программу, Горбачев не сразу понял, какую опасность для перестройки таит в себе это деформированное сознание. Зачем перестраивать мир, если мир этот и без того прекрасен. Зачем увеличивать выпуск продуктов и товаров, если их производство и так растет сказочными темпами. Зачем вообще менять реальность, когда несравненно проще изменить сводки ЦСУ, газетные статьи, радио- и телепередачи. А если все, что в них, — фикция, то где гарантия, что перестройка — не фикция? Как вообще отличить действительное от мнимого?

Идея Горбачева — называть вещи своими именами — поистине революционна. Потребуется, видимо, немало лет, прежде чем мы сумеем оценить ее по достоинству. Ибо, используя мы этот метод с самого начала, нам давно все было бы ясно. И что такое военный коммунизм, и для чего понадобилась ЧК, и почему решено было отказаться от нэпа, и по каким характеристикам колхозы и совхозы явно превосходят мелкое крестьянское хозяйство.

Нет, слова Горбачева не надо было понимать *буквально*. Речь никогда не шла о том, чтобы называть своими именами *все* вещи. Но некоторые, даже, пожалуй, многие. Мысль была очевидна: вернуть людям представление об элементарном здравом смысле, способность отличать действительное от призрачного. Горбачев, в отличие почти от всех своих предшественников, рано понял, что существуют огромные слои правдивой информации, которые ему, при его статусе Генерального секретаря, ничем не угрожают. Более того, они полезны, ибо, чтобы человек захотел жить *хорошо*, надо сначала объяснить ему, что живет он *плохо*.

С высоты своего положения Горбачев, несомненно, был прав. Но Генеральный секретарь в стране один, а начальников, просто секретарей, много. И очень скоро обнаружилось, что нет такой вещи, которая, если назвать ее собственным именем, хоть какого-то из этих начальников не заденет. Одного — потому что путь наверх он начал при Сталине; другого — поскольку он строил социализм при Брежнев; третьего — ибо свое предназначение он видит в том, чтобы руководить всем подведомственным ему хозяйством: колхозниками и писателями, руководителями предприятий и стоматологами, учителями и ветеринарами. Короче, нет *такого уровня гласности*, который кто-то не считал бы чрезмерным. Характерно, что даже в эпоху полной безгласности Леонид Ильич горько жаловался на журналистов, которых прямо-таки тянет на сенсацию, на "жареные" факты.

Что правда, то правда, — тянет. Печать тянет быть печатью. То есть рисовать мир таким, каков он есть, и пытаться понять, почему он такой. Благодаря этому ее свойству мы узнали за последние четыре года больше, чем за предыдущие полвека. Идет процесс, которому я затрудняюсь подобрать название. Процесс демистификации, совмещения иррационального, призрачного мира, созданного средствами массовой информации, с тем реальным миром, в котором мы живем. Это важно даже физиологически: постоянная сшибка сигналов, поступающих в мозг от первой и от второй сигнальных систем, способна деформировать даже здоровое сознание.

Однако процесс этот чрезвычайно сложен, ибо естественное его течение встречает противодействие на самых разных уровнях. В том числе — и на самом высшем. Вспомним, что человек, призвавший нас называть вещи своими именами, отрицал существование в СССР политических заключенных; уверял, что наша цензура ничем не отличается от западной; доказывал, что коллективизация была мерой, полезной для сельского хозяйства и необходимой в целях обороны.

Еще и сейчас наше сознание блуждает впотьмах, тщетно пытаюсь совместить несовместимое. Нам говорят, что вторжение в Афганистан было ошибкой, проявлением произвола, преступлением; и — одновременно, — что советские солдаты в

этой стране исполняли свой интернациональный долг. Читаем в "Известиях": "Наша каждодневная жизнь постыдна и унизительна. Словно мы не великая держава, а захолустье цивилизации, проспавшее весь XX век". А потом нам снова и снова объясняют преимущества социализма, твердят, что всеми своими победами мы обязаны партии.

Линия гласности напоминает полосу норвежских фьордов: она так же извилиста и хрупка. Никто, в сущности, не знает, какие вещи уже сегодня можно называть их собственными именами, с какими — лучше повременить до завтра, а какие, очевидно, так и останутся неназванными. Происходят странные вещи. Сам собой исчез с экрана снятый в Куйбышеве документальный фильм "Два митинга", загадочным образом не вышла в эфир передача: "Мелиорация: вчера, сегодня... а завтра?", никак не дойдут до библиотек многие книги из открытого спецхрана, угрюмо хранят свои секреты бесчисленные архивы...

Но пожалуй, самый яркий пример — история выступления члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А.Яковлева. Его речь, произнесенную 16 декабря в Перми, мы прочли дважды. Один раз — в декабре, в изложении ТАСС, другой — в январе, в пересказе Пол Куин-Джадж, московского корреспондента "Christian Science Monitor". Какой в этом смысл? А тот, что мы уже достигли той степени гласности, когда можно печатать иностранного журналиста, но еще не дошли до того, чтобы публиковать выступление секретаря ЦК, не прошедшее цензуру ТАСС...

Я понимаю: неустойчивое равновесие, период перехода. Но перехода — к чему? Есть множество признаков того, что нынешняя (чрезмерная) гласность обременительна уже самому Горбачеву. И уж вовсе она не нужна тем, кто не связан сообщениями "высокой политики", зато очень хорошо знает, что почем и почему. Девятнадцатая партконференция показала это наглядно. "Выпустили пар из котла, готового взорваться, — пишет в "Известиях" читатель из Челябинской области, — и тишина. Вот цена вашей гласности". "В ходе недавних отчетов и выборов, — это жалуется уже "Правда", — велись массированные атаки на гласность... Суть наскоков: надо приструнить, унять, указать журналистам на их шесток..."

А указать до смешного легко. "В СССР не существует и не действует ни одного нормативного акта, — уныло констатируют "Известия", — предоставляющего право средствам массовой информации, их работникам получать, истребовать какую-либо информацию, сведения от партийных, советских, хозяйственных органов и их организаций и предприятий, в том числе и от общественных организаций. Как тут добиваться гласности?.. Ныне пишется закон о печати. Но когда и как он заработает в жизни?.."

Когда — сказать трудно. А вот как — уже понятно. Недавно принятые правила, ограничивающие допуск журналистов на собрания и митинги, наглядно свидетельствуют, куда дует ветер. В статье "Не надоела ли гласность?" корреспондент "Известий" А.Друзенко очень точно охарактеризовал пройденный путь. "Встав на путь гласности, мы сказали "а", перед которым, как известно, ничего нет — пустота, пропасть. Выхода нет — надо продолжать. Учиться азбуке демократии. Говорить "б", "в"... И так до "я"."

Надо. Только дадут ли?

4

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО. ЗАЧЕМ?

В известных Тезисах и в докладе М.С.Горбачева на партконференции задача была сформулирована по-большевистски четко: завершить создание социалистического правового государства. В иные времена эта высокая цель встретила бы полное понимание. С упором, разумеется, на эпитет "социалистическое". Аналогии расширяются: социалистический реализм, социалистический гуманизм, социалистический плюрализм...

Однако Генеральный секретарь не ограничился постановкой задачи. Он разъяснил, что правовое (без эпитета) государство — то, где на деле обеспечено верховенство закона. У специалистов разъяснение вызвало шок. Помилуйте, взмолились самые смелые, да как же это можно *завершить создание того, чего нет?* Ну, то есть просто никогда не было и нет, ибо еще Ленин учил нас, что диктатура — это насилие, *законом не ограниченное...*

Но социалистическая практика далеко обогнала даже социалистическую теорию. Насилие вообще ничем не было ограничено: ни законом, ни временными правилами, ни здравым смыслом. В объяснительной записке председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А.Чепцова, опубликованной "Литературной газетой" в номере от 15 марта, читаем: "Начиная с 1935 года был установлен такой порядок, когда уголовные дела по наиболее важным политическим преступлениям руководители НКВД, а затем МГБ докладывали т. Сталину или на Политбюро ЦК, где решались вопросы вины и наказания арестованных. При этом судебных работников, которым предстояло такие дела рассматривать, предварительно, до решения директивных органов, с материалами дел не знакомили и на обсуждение этих вопросов в ЦК не приглашали".

Конечно, в постсталинские времена число "важных" дел резко упало. Н.Хрущев был слишком занят, а Л.Брежнев слишком ленив, чтобы по совместительству выполнять еще роль Генерального Судьи. Впрочем, время от времени каждый из них выполнял эти благородные функции. Мановением высочайшего пальца закон обретал обратную силу, или усаживал на скамью подсудимых писателей, или отбрасывал с дороги правосудия слишком дотошного прокурора. В остальных случаях Генеральный Судья делегировал свои полномочия судьям помельче: секретарям крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов. К примеру, судьей на известном процессе Бродского была, понятно, не какая-то Савельева, а лично т. Толстиков, решение же о пересмотре дела принял, естественно, не прокурор, а зав. отделом административных органов ЦК т. Миронов.

Но карательная политика — все-таки частность. Юристы лишь таращили глаза, наблюдая, как законы отменяются инструкциями, как по мановению волшебной палочки исчезает с поста главы государства Н.Подгорный, как ЦК союзных республик напрямую, без собственного Верховного Совета, снимают и назначают министров.

Однако эти (и многие другие) особенности режима — совершенно вопиющие с точки зрения любого права — не привлекли внимания нового Генерального секретаря. Прошло 3,5 года, прежде чем выпускник юридического факультета МГУ вдруг спохватился и заговорил о правовом государстве.

Странно? Нет. Чему мог научить студента Горбачева факультет ненужных вещей, когда окружающая жизнь постоянно учила его другому? Если тут и есть что-то странное, то как раз обращение к идее правового государства. Кому оно нужно и зачем?

Вообще-то, видимо, нужно — не случайно эта идея сформировалась уже в Древнем Риме. Можно даже точно обозначить обстоятельства, при которых возникает потребность в правовом государстве. Развитие производства, общества, товарно-денежных отношений. Или, иначе, использование системы трудовых отношений, основанных преимущественно на экономических, а не на силовых методах. Разные формы собственности, свободный рынок, конкуренция — все это просто не может существовать без опоры на правовое государство.

Но в Советском Союзе экономические методы управления всегда играли подчиненную роль. Все механизмы (включая хозяйственный) функционировали по системе команд сверху. В этих условиях правовое государство не только не было нужно, но даже представляло определенную *опасность* для существующего режима, ставя под сомнение и право вождей распоряжаться страной как своей вотчиной, и саму их власть.

Что же тогда побудило Горбачева выступить с идеей правового государства? У меня нет четкого ответа на этот вопрос. Может быть, Горбачев усмотрел в этой

идее известные гарантии сохранения собственной власти, своего рода противовес комбинаторике Политбюро. Но, может быть, это и просто дань времени, стремление показать остальному миру, что мы тоже не чужды цивилизации. Кстати, при этом он ничем особенно не рисковал, ибо эпитет "социалистический" открывает неограниченные возможности для толкования.

Во всяком случае за четыре года мы не обнаружили ни одного акта (будь то закон или практическое действие), который можно было бы рассматривать как ясный и недвусмысленный шаг в направлении правового государства. Освобождение политзаключенных? Но оно проводилось тайком, с помощью приемов, подобающих мелкому шулеру, а никак не великому государству. Законы? Но среди актов последних лет нет ни одного, который можно было бы назвать законом. Все они уклончивы, расплывчаты, неопределенны, прямо-таки распахнуты навстречу любым ведомственным толкованиям – явным и тайным. Вообще подзаконные акты (указания, инструкции, приказы) с их гибкостью и изменчивостью несравненно больше соответствуют природе существующей власти, чем законы.

И это понятно. Есть инструкции о прописке: общая и частные – для отдельных городов. Но как смотрелся бы в правовом государстве закон о прописке? И множество других: о выезде за границу, об "особых зонах", куда въезд гражданам запрещен, о функциях КГБ, о праве секретарей парткомов командовать предприятиями, кооперативами, газетами...

Неудивительно, что даже собственные законы о законах власти не выполняют. В августе 1986 г. Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР приняли постановление № 162 "О плане подготовки законодательных актов..." с указанием сроков, когда должен был быть принят каждый акт. Перечислять этот длиннейший список (около 40 наименований) долго и скучно. Но вот несколько примеров. Закон о печати и информации – четвертый квартал 1986 г. Закон об атомной энергетике – первое полугодие 1987 г. Закон о Государственном архивном фонде – четвертый квартал 1987 г. Законодательство о жилье – 1987 г. И так далее.

Может быть, за эти годы снизилось число государственных преступлений – преступлений, которые государство совершает против собственных граждан? Статистики, разумеется, нет. Но тенденция не изменилась. Карательная машина по-прежнему давит всех: и тех, кто негоден властям, и случайно оказавшихся на дороге. В таких случаях, как арест руководителей движения "Карабах" в Армении, власти даже не очень затрудняли себя ссылками на закон: достаточно того, что наверху "есть мнение". Но и мнение не обязательно. Число лиц, незаконно содержащихся под стражей, писали "Известия" в марте, растет; только в одном Казахстане 1500 уголовных дел оказались несостоятельными. В феврале газета рассказала историю злоключений некоего Евсюкова. История вполне заурядная: обвинение в казнокрадстве, доказательств никаких, 253 жалобы обвиняемого оставлены без последствий. Единственная примечательная деталь – должность обвиняемого. Генерал Евсюков командовал армией, а в момент ареста был начальником штаба Одесского военного округа.

Что-то такое все-таки было? Нет. Происки могущественных врагов? Нет. Значит, система юстиции так могущественна, что может себе позволить?.. Тоже, представьте себе, нет. Мы знаем сколько угодно случаев необоснованных арестов судей, прокуроров, следователей, работников милиции. Дело не в силе карательной машины, а в отсутствии тормозов. В конфликте человека с государством социалистическое государство право *всегда*, право *по условию*. И мы уже не удивляемся, читая в "Правде" письмо И.Дмитриева, который недавно реабилитирован. Бывший красноармеец, участник Отечественной войны, награжденный четырьмя боевыми орденами, трогательно благодарит Главную военную прокуратуру: "Я не знаю, как отблагодарить за вашу справедливую работу. Желаю вам ста лет жизни и нашего сибирского здоровья".

Может, нам рукой подать до социалистического правового государства. Но как же нам далеко до Древнего Рима...

В докладе на партконференции Генеральный секретарь ЦК подробно объяснил, зачем потребовалась реформа политической системы. Высоко оценив предшествующие достижения ("Мы начинаем эту работу не на пустом месте, не с нуля. У нас за плечами уникальный опыт первой в мире социалистической демократии"), Горбачев вынужден был признать, что "на известном этапе" эта превосходная система "подверглась серьезным деформациям".

Похоже, однако, что серьезность этих деформаций удалось оценить не сразу. Прошло добрых 35 лет, сменилось три поколения вождей, прежде чем зародилась мысль, что система, при которой стали возможны и "всевластие Сталина... и волна репрессий и беззаконий", видимо, нуждается в реформах.

Интересно, что сам Горбачев тоже пришел к этой мысли лишь на четвертом году своего пребывания в должности. Причины внезапного прозрения он обосновал вполне откровенно: "Вопрос о власти в любом обществе является главным. Но особое значение он приобретает в революционные периоды, когда происходит ломка старой и становление новой политической системы". Проще говоря, Горбачев пришел к выводу, что для "ломки" системы его прежней власти — власти генсека *милостью Политбюро* — уже недостаточно, что ему необходимо сосредоточить в своих руках всю полноту власти "высшего должностного лица" государства. Собственно, на достижение этой, главной, цели и был направлен Закон об изменениях и дополнениях Конституции СССР, принятый в декабре прошлого года.

Разумеется, прямо эта цель не прокламировалась. Речь шла о свободных выборах, о расширении прав Советов, о возврате к революционным традициям народо-властия. Надо сказать, что на сей раз высокие слова были встречены с изрядной долей скепсиса: чему-то мы все-таки научились. Но общая реакция не была однозначной. И в самой стране, и за рубежом раздавалось немало голосов с призывами к доверию. В самой многоступенчатости, громоздкости, сложности выборов оптимисты усмотрели доказательство того, что на сей раз это может быть всерьез.

Мы живем в вероятном мире, где теоретически возможно все — или почти все. Однако еще в XIV веке Оккам рекомендовал не искать сложных объяснений там, где достаточно простых. Трудно понять, зачем партия, стремящаяся передать власть народу, действует столь хитроумными и извилистыми методами. В конце концов, систему выборов изобрели не мы, она существует сотни лет и в общем себя оправдала.

Гораздо более вероятным представляется другое развитие событий. Вариант, когда люди, стоящие у власти, используют бесчисленные зацепки избирательного закона для того, чтобы сохранить власть, перекрыв путь в депутаты всем неудобным. Более того, риску предположить, что как раз *эту цель* и преследовал законодатель: дать властям *средства*, позволяющие на "законных основаниях" манипулировать волей избирателей.

Теперь, когда выборы позади, сомнений не осталось. Произошло то, что и должно было произойти. Власть имущие использовали возможности, любезно предоставленные им законом, вполне определенным образом. Как именно они действовали в каждом конкретном случае — не так уж интересно. В одном — сомнительному кандидату предоставляли зал на 499 мест (при минимуме в 500), в другом — собрание по месту жительства объявлялось неправомочным, в третьем — путь кандидату преграждало окружное собрание, отсекавшее всех, кто с таким трудом преодолел предыдущие заграждения. В марте "Московские новости" с прискорбием констатировали, что в 384 избирательных округах зарегистрировано всего по одному кандидату, причем в числе этих "единственных" — 37 процентов партий-

ных функционеров и 18 процентов чиновников органов управления. Статья эта названа: "Сюрпризы реформы", хотя вернее было бы говорить о ее закономерностях. Правда, были и сюрпризы. Во-первых, в Прибалтике, где сложилась особая расстановка сил. Во-вторых, в крупных городах.

Самой большой неожиданностью было избрание Б.Ельцина. В иных обстоятельствах кандидат без четкой политической линии имел бы мало шансов на победу. Думаю, что избиратели голосовали не столько за программу Ельцина (закрытие спецраспределителей даст не больше, чем ограничение на вывоз за границу), сколько против существующего порядка вещей, против перестройки без перестройки. Не случайно на выборах в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске провалились все вожди, которых Горбачев не вывел из-под удара. Провалились даже те, кто баллотировался в одиночестве: лишенные возможности голосовать за своего кандидата, избиратели голосовали против чужого.

Как всегда, образцы нового (творческого) подхода дала партия. На сто мест, отведенных этой "общественной организации", было отобрано сто кандидатов. Почему не сто один? Потому что при этом кто-то остался бы за бортом. Теперь, когда нам известно, что наибольшее число голосов "против" получил Е.Лигачев, легко догадаться, кто мог выпасть из лодки.

Еще дальше пошла Академия наук. Тут отбор был возложен на пленум. Странное это собрание (числом в двести человек) так расстаралось, что на 30 мест, первоначально выделенных академии, осталось 23 кандидата. Пришлось спешно избавляться от лишних мандатов. Я не собираюсь излагать дальнейшие перипетии этой "избирательной кампании". Загадочная идея выборов от "гильдий" теперь вполне ясна. По крайней мере треть мест на Съезде депутатов забронирована за теми, кому места положены. Что может быть демократичнее системы, когда человек сам себя выбирает?

Очевидно, что на следующих этапах формирования законодательных органов эти прогрессивные принципы станут определяющими. Кто назовет кандидатуры депутатов в Верховный Совет? Как станут формироваться комиссии Верховного Совета, которым будет предоставлено право что-то решать? Впрочем, будет ли? 17 марта газеты сообщили о заседании комиссии ЦК по правовым вопросам. Оказывается, "центральное место в работе комиссии займет изучение проблем и подготовка соответствующих предложений в ЦК КПСС по вопросам обновления действующего законодательства".

Все-таки теперь я не решился бы утверждать, что реформа политической системы — чистая фикция. Реформа напомнила нам столь прочно забытые (да нет, не забытые, а вытравленные из сознания) понятия, как свобода, демократия, выборы. Напомнила, что выборы — это такое странное состояние, когда *ты выбираешь*, а не *за тебя выбирают*. И еще — показала нам, что на арену политической борьбы уже вышли новые силы, которые заставят с собой считаться.

6

ПРАВСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГИЯ. МОСТЫ?

На протяжении десятков лет отношение партии к религии определялось коротким и точным словом *война*. Интенсивность и формы борьбы менялись. Для Ленина это была война на уничтожение — даже мысль о капитуляции противника приводила его в ярость. На людей, хоть как-то связанных с религией (церковного старосту, сельского звонаря), новая власть обрушила всю силу репрессий. Лишение прав (не только самих "служителей культа", но и детей), ссылка, тюрьмы и лагеря, массовые расстрелы. До революции в России было 360 тысяч священнослужителей, к концу *незабыаемого* 1919-го осталось около 40000.

Сталин, деятель гораздо более прагматичный, казнил и миловал по обстоятельствам. В военные и послевоенные годы, когда обнаружилось, что церковь может быть даже полезной, великий вождь использовал это важное обстоятельство. Никита Сергеевич с презрением отбросил низменные соображения: церковь он громил так же яростно, как угрожал американцам и насаждал кукурузу.

Порой кажется, что партийная ненависть к религии носит иррациональный характер. Эксплуататорские классы, которым будто бы служила церковь, были давно уничтожены; соперничество идеологий (рай на небе и рай на земле) утратило смысл. А вот ненависть — инстинктивная, почти животная — осталась.

Сторонники "теологии освобождения" (см., напр., "Страна и мир", № 1—2, 1986) утверждают, что конечные цели марксизма и христианства близки. Конечные — может быть. Но те конкретные цели, которые ставила себе партия — прежде всего воспитание нового человека, — прямо противоречили основным догматам любой религии. Партии нужен был *винтик*. Но не просто винтик, а винтик с *психологией винтика*, то есть полностью свободный от всего человеческого: нравственных принципов, традиций, чувств, привязанностей.

Нет надобности описывать, как она этого добивалась. Пролетарский гуманизм, "если враг не сдается...", коммунальные квартиры, очереди, Павлик Морозов, переполненные автобусы, лицемерное "сын за отца не отвечает", коллективизация, процессы тридцатых годов, воронки, испанские добровольцы — все это славные вехи на славном пути. И как результат — появление того нового человека, который в романе Войновича кричит: "Да здравствует товарищ Гитлер!", выполняет интернациональный долг, сжигая детей в Афганистане, а в своей стране сжигает кооперативную мастерскую — во имя социальной справедливости.

Проблема не в том, что проснувшись однажды, страна обнаружила у себя проституцию, наркоманию, коррупцию, организованную преступность и иные *отклонения от нормы*. Гораздо хуже, что деформированной оказалась сама норма, тот обычный, "средний" человек, которого формально даже ни в чем нельзя упрекнуть. Разве он виноват, что не верит ни в Бога, ни в черта, что само понятие "честный труд" вызывает у него кривую усмешку, что в его душе не осталось ни родственных чувств, ни дружеских привязанностей, что призывы к доброте и милосердию вызывают у него приступы ненависти? "В среднем человек в состоянии произвести продукт на свое содержание на 2 тысячи рублей в год, ну пусть в 1,5 раза больше. А тех, кто выше, — пресекать, это безобразие!" — пишет в редакцию читатель "Социалистической индустрии". "Любовь к Родине, к своей стране... Дефицит из дефицитов по нынешним временам", — угрюмо замечает "Комсомольская правда". Нужна ли этим людям перестройка?

Похоже, Горбачев был по-своему прав, утверждая, что начинать надо с переделки сознания. Но как раз тут у партии не было никаких шансов. Она все сделала, чтобы сформировать подобное сознание. Это она десятками лет воспитывала бездельников и демагогов, карала за милосердие и доброту, поощряла грабежи, убийства, присвоение чужой собственности, учила недоверию и подозрительности к близким, давала прилюдные уроки лицемерия и фарисейства. Могла ли она теперь выступить в роли проповедника морали? Вот если бы с этим призывом выступила церковь...

1000-летие крещения Руси было тем поводом, который дал власти возможность, не поступаясь "принципами", начать осторожное наведение мостов. Верующим возвратили кое-какие храмы. В каких-то изданиях слово Бог стали писать с большой буквы. В числе участников симпозиумов и конференций появились имена священнослужителей. Журнал "В мире книг" взялся печатать Евангелие. Появились сообщения, что разрабатывается закон о свободе совести...

И почти сразу же начался откат. Газеты напечатали гневные статьи о тех, кто "кокетничает с боженькой". "В мире книг" оборвал публикацию на полуслове. Верующие, возмечтавшие, что им вернут здания церквей, получили грубые отказы.

Что это, традиция? Отчасти и традиция, освященная именем Ленина. Но еще и смутное понимание того, что в борьбе за влияние на человека (в обстановке "свободной конкуренции") у партии нет надежд. Не только потому, что все ее лозунги скомпрометированы. Но и потому, что и для верующих, и для неверующих христианские заповеди всегда оставались огоньком правды в нравственно искаленном мире, а церковь — при всех ее слабостях и ошибках — от собственных заповедей никогда не отказывалась. И, наконец, главное. Вполне искренне возжелав, чтобы граждане вернулись к *общечеловеческим ценностям*, само государство возвращаться к ним не собирается. Во имя *высших целей* оно готово и убивать, и красть, и лжесвидетельствовать, и создавать кумиров. Пришло ли время наводить мосты?

7

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.
ГРАНИЦЫ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Советская внешняя политика загнала страну в тупик раньше, чем счастливая раскладка сил в Политбюро привела к власти Горбачева. Суть этой тупиковой ситуации видна невооруженным глазом. С грехом пополам уразумев, что новая мировая война бессмысленна, кремлевские вожди упрямо продолжали прежнюю риторику: империализм... угроза вторжения... справедливые войны... помощь революционному движению...

Риторике надо было подкреплять действиями. Ее и подкрепляли. Танками в Венгрии и Чехословакии, ограниченным контингентом в Афганистане, кубинскими частями в Анголе, поставками оружия и "советников" на Ближний Восток, разрыванием ракет среднего радиуса действия в Европе. Ответные меры Запада только усиливали иллюзию того, что "не нынче-завтра грянет бой". Экономика, и без того хромающая на обе ноги, напрягалась из последних сил, выплевывая все новые сгустки ракет, орудий, танков.

Новый Генеральный секретарь довольно быстро оценил абсурдность ситуации. Если победоносная война невозможна, то и все остальное бессмысленно: и гонка вооружений, и классовая риторика, и самогипноз, запугивание собственного народа угрозами извне. Новое мышление, в сущности, и отличалось от старого признанием *реальностей*. Вернее, *сегодняшних* реальностей.

Это уточнение чрезвычайно важно. Горбачев всегда подчеркивал, что новое мышление возникло как результат коренного *изменения* обстоятельств, прежде всего — появления атомного оружия. Но отсюда следовало, что в прежних (доатомных) обстоятельствах все было верно: и приоритет классовых ценностей, и хрущевское "мы вас похороним", и доктрина Брежнева, и железная альтернатива — красный или мертвый. А это означало, что правильной была и советская внешняя политика. Захват Прибалтики, война с Финляндией, договор Молотов—Риббентроп, аннексия японских островов, вторжение советских войск в Венгрию и Чехословакию, "братская помощь" Афганистану...

Речь тут не о прошлом — хотя знание собственной истории немаловажно для нравственного здоровья народа. Главное тут — *исходная позиция*. Если установки марксизма верны и реализация их в данный момент невозможна лишь по *техническим причинам* (атомное оружие), то все сводится к переменах в тактике. Иначе говоря, потенциальная *угроза* миру остается: она лишь откладывается до более подходящих времен.

В этом свете и упорное нежелание советских вождей отказаться от прежней трактовки исторических событий не кажется простой данью традиции. Преемственность тут очевидна. Доктрина Брежнева узаконивает вмешательство в дела стран Восточной Европы; финская война — право "защиты" своей территории путем захвата чужой; афганская — оккупацию любой страны в порядке братской помощи "силам революции" и выполнения интернационального долга.

Не стоит думать, будто нынешнее руководство не понимает, что без пересмотра исходной концепции все разговоры о новом мышлении и миролюбии, все жесты по сокращению вооружений будут восприниматься на Западе с достаточной долей скепсиса. Поэтому в последнее время в советской печати появилось несколько материалов, которые при желании можно рассматривать как ревизию прежней линии.

Особенно интересна в этом смысле статья Станислава Кондрашова "Цели и средства", напечатанная в номере "Известий" от 15 декабря 1988 г. Формально статья посвящена анализу итогов Карибского кризиса, но общий ее смысл значительно шире. Характеризуя позицию Хрущева, автор пишет: "Можно сказать, что его подход (наш подход!) к межгосударственным отношениям был предельно идеологизирован. Пропагандируя принципы мирного сосуществования, он не уставал повторять в тех или иных выражениях дразнившую и ожесточавшую американцев мысль: "Мы вас закопаем". Он признавал за каждым народом право выбора того или иного строя, но одновременно заявлял: "Ликвидация капиталистической системы — это коренной вопрос развития общества"."

С.Кондрашов объясняет эту двойственность "чертами сталинского догматизма", демонической силой невежества, недооценкой потенциалов капитализма и т.д. Все это, вероятно, правильно. Есть, однако, еще одно обстоятельство — по моему, главное. Все советские вожди, начиная с Ленина (кто разумом, а кто кожей), ощущали ущербность созданного ими строя. И потому в глубине души понимали, что обеспечить его устойчивость можно единственным способом — уничтожением всех других, альтернативных моделей общественного устройства. Готов согласиться, что М.С.Горбачев допускает и другой вариант: такую перестройку существующей системы, которая сделает социализм жизнеспособным, или, если угодно, конкурентноспособным. Но и для Горбачева — это не более чем гипотеза. А пока эта гипотеза не доказана, он не склонен демонтировать всю советскую структуру "последнего боя" — и внутреннюю, и внешнюю.

В этом смысле его выступление на сессии Генеральной Ассамблеи чрезвычайно характерно. Убедительно доказав, что человечеству нужен мир, нужны совместные усилия по защите природы и пр., Горбачев ничего не сказал о том, что все основные конфликты последних десятилетий — прямой результат советской политики. А без признания этого фундаментального факта любые призывы к миру и сосуществованию повисают в воздухе.

Однако и это не все. Давно известно, что внешняя политика есть продолжение внутренней. А внутривнутриполитическая обстановка в Советском Союзе остается неопределенной. Что-то изменилось, это несомненно. Но не настолько, чтобы население получило возможность хоть как-то влиять на выработку политики. Все главные вопросы — войны и мира, вооружений, дипломатической деятельности — решает Политбюро. И если завтра расстановка сил в этом предельно узком кругу изменится, на смену новому мышлению снова придет привычное, старое. "Если перестройка потерпит поражение, то перестанет существовать мир", — это сказал не поджигатель войны, а артист Михаил Ульянов. Вправе ли мы ожидать, что Запад рискнет отказаться от своих оборонительных программ, уповая исключительно на успех нашей перестройки?..

8

ИДЕОЛОГИЯ. ЧТО ОСТАЛОСЬ НА ТРУБЕ?

Может показаться странным, что в этих заметках идеологии отведено не первое, а последнее место. Но такова реальность. Давно ушли в прошлое времена, когда идеология определяла политику и все остальное. Сейчас ее задача скромнее: интерпретировать проводимые изменения в терминах привычной фразеологии, подкреплять их слабеющими залпами цитат.

Порой, правда, создается впечатление, что споры о перестройке носят характер идеологической дискуссии. Но это чистая мимикрия, нечто вроде маскхалатов. Стороны спорят об *идеологии*, чтобы не говорить об *интересах*. Интерессах предельно элементарных (тот же Ульянов определил их так: "Главное удержать командное кресло") и интересах достаточно сложных, пересекающихся с судьбами страны.

Отсюда — бесконечные дискуссии о том, что мы (или они нам) построили: социализм или нечто другое. А если социализм, то какой: реальный (хотя бы с деформациями), примитивный, грубый, казарменный, прусского или какого-то иного иноземного образца. И кем был Сталин: контрреволюционером, узурпатором или продолжателем ленинского дела, выразителем интересов основной массы людей, которых привела к власти революция...

Я уже писал ("Страна и мир", № 5, 1988), что самым разумным было бы принять точку зрения Ю.Афанасьева и согласиться, что построен не социализм. Тогда по крайней мере можно было бы начать сначала в надежде, что все еще впереди. Однако слишком многие в нынешнем руководстве страны только тем и занимались в жизни, что строили социализм. Ясно, что после признания этой *конфузии* им полагалось бы уйти. А уходить они определенно не собираются.

И вот появляются такие материалы, как статья доктора философских наук В.Демичева "О природе деформаций социализма" в газете "Аргументы и факты". Отличительная особенность этой статьи — четкость. Автор прямо называет три решающих признака социализма. Во-первых, собственность на средства производства принадлежит трудящимся и потому общество свободно от эксплуатации. Во-вторых, политическая власть находится в руках народа. В-третьих, главной целью социального прогресса становится обогащение духовной культуры человека.

Следуют выводы. Первый: "Вряд ли, наверное, можно считать социалистической собственностью, которой трудящиеся не распоряжаются". Второй: "При Сталине, а затем в "застойный" период от имени трудящихся в центре и на местах управляли представители "руководящих кругов", прежде всего "первые лица". Третий: "Границы творческой активности человека оказались сужены бюрократическими преградами, административной системой управления, обстановкой репрессий и ритуальных запретов, наличием зон, не подвергаемых критике". Проще: А упало, Б пропало, что осталось на трубе?

Вариант, упрощенный в расчете на массового читателя? Но самым внимательным образом проштудировав материалы семинара в Институте общественных наук при ЦК КПСС "Проблемы разработки концепции современного социализма", я не обнаружил в них ничего, выходящего за рамки той же нехитрой схемы. Правда, в докладе Ф.Бурлацкого предлагается несколько иной набор признаков социализма: более высокая, чем при капитализме, производительность труда, демократизм, гуманизм... Видимо, нет необходимости объяснять, как все эти принципы реализованы на практике.

"Опыт социалистических стран, — замечает Бурлацкий, — подтвердил, что главной особенностью социализма является победа общественной собственности". Между тем именно *опыт* свидетельствует о другом: о полном *поражении* общественной собственности. Советский Союз, где этот принцип осуществлен наиболее последовательно, не только никого не обогнал, но начал проигрывать уже в соревновании с Китаем.

Пожалуй, единственную серьезную попытку взглянуть на идеологию непредвзято, с позиций реального, а не выдуманного опыта мы находим в статьях А.Ципко "Истоки сталинизма", напечатанных, кстати сказать, вовсе не в "Вопросах философии", а в массовом журнале "Наука и жизнь". Что ж, это хорошо. Давно пора сказать простую, в сущности, вещь. Строй, который нам навязали, возник не потому, что Ленин умер рано; не потому, что к власти пришел не Бухарин (Рыков, Орджоникидзе, Киров), а Сталин; не потому, что Сталин был злодеем. Первопричи-

на всего — монополярная государственная собственность на орудия и средства труда, система производственных отношений, противоречащая экономическим законам. Именно здесь берет начало длинная цепочка следствий: гражданская война, Великий перелом, террор 37 года, застой, вечный дефицит, перестройка...

Что касается исторической роли Сталина, то она ясна. Обнаружив, что система, вопреки классикам, сама по себе не работает, он решил заставить ее работать силой. И если трезво оценивать вклад Сталина в марксизм (а может быть, и в исторический опыт человечества), то по меньшей мере одно его открытие несомненно: *сила силы*.

Сталин доказал — убедительнее, чем кто-либо другой, — что силой можно сделать многое. Выиграть войну, заставить людей годами бесплатно гнуть спину в колхозах, петь "Я другой такой страны не знаю...", заменить великие человеческие религии набором вульгарных и плоских сентенций. Единственное, чего даже Сталин не смог добиться силой, — это принудить экономику развиваться вопреки ее законам. Громоздкая, малоподвижная, рыхлая, лишенная внутреннего динамизма и способности к прогрессу, антиэкономика превратила богатейшую в мире страну в экономическую резервацию, в такую Верхнюю Вольту с атомной бомбой.

Понимают ли это нынешние советские руководители? Трудно сказать. Опыт (уже не исторический, а обычный, житейский) свидетельствует, что люди вообще плохо понимают все, что противоречит их интересам. По всем нормам, Божеским и человеческим, партии, совершившей такое количество преступлений и ошибок, давно полагалось бы уйти от власти. А она не уходит, она цепляется за власть, за свое право учить и воспитывать, за догмы, давно превратившиеся в анекдоты. Она не желает и слышать о других партиях, она требует, чтобы ей дали *перестроиться*.

Публицисты из тех, что почестнее, прямо пишут, что перестройка — последний шанс, другого не будет. Однако в ответ вожди угрюмо молчат. Судя по всему, они готовы пробовать снова и снова: экспериментатору легче быть оптимистом, чем подопытной свинке.

Четыре года в Соединенных Штатах — президентский срок. Президенту, который намерен баллотироваться вторично, предстоит ответить на множество неприятных вопросов. Конечно, в каждой стране свои традиции, свои национальные обычаи. В одной — сначала придумывают вопросы, в другой — сначала подготавливают ответы. Но я все-таки нарушу традицию и задам один, всего один, вопрос. *Какие еще действия должна совершить правящая партия, чтобы ее можно было отстранить от власти?* ●

ГРУЗИНСКИЙ АПОКАЛИПСИС

Размеры катастрофы, разразившейся в ночь на 9 апреля в Тбилиси, еще не осознаны до конца. Скорбь по ушедшим из жизни, гнев против преступников, стремление назвать виновных поименно — чувства и намерения благородные и оправданные — не дают возможности сосредоточиться на глубинном смысле происшедшего.

Уже давно многие видные советские публицисты и писатели, экономисты и философы, многие сочувствующие нашей перестройке зарубежные наблюдатели предупреждали: срок, отпущенный на перестройку, — истекает. Если мы не сделаем того-то и того-то к 1995 году, к 1993, 1991 — сроки все сокращались, — то страну ждет катастрофа. Надо что-то делать, чтобы спасти страну, пока не поздно.

Мне самому трудно писать то, что я сейчас пишу, но не могу избавиться от ощущения, что бешеный ход событий вдруг резко сдвинул дату апокалипсиса — из пусть и недалекого будущего в теперь уже невозвратное прошлое. "Скоро будет поздно" сменилось на "уже поздно". Историки уравнивают на своих весах два кровавых воскресенья — 9 января 1905 г. и 9 апреля 1989 г.

Высохнут слезы родных и близких, будет сменено все местное начальство, кто-то — допускаю, что даже очень крупный, — будет наказан — допускаю, что даже очень сурово. Это уже ничего не спасет. В обществе что-то, словами невыразимое, переломилось, изменилось навсегда. Глубинность этих изменений делает их внешне незаметными и создает иллюзию, что жизнь привычного нам общества развивается в прежнем направлении. Но это уже не жизнь, а затянущаяся агония.

Неужели же не на что надеяться? Есть, и

надежда очень серьезная. Надежда на чудо. Чудо, которое может и должен совершить народ — точнее, народы нашей страны. Ибо отжившее общество гибнет, а народ остается живым. И выжив, создаст новое общество. Дай лишь Бог, чтобы на этом пути от старого общества к новому, возрожденному, пролилось как можно меньше крови.

Возможно ли хоть в общих чертах определить стратегию сотворения чуда? В свое время правозащитники 60–70-х годов — эти долго высмеиваемые и поносимые диссиденты — выдвинули лозунги: осуществить свои *гражданские* права явочным порядком, жить как свободные люди, пусть и в несвободном государстве. Сейчас в полководе журнальных публикаций, самиздата и митингов мало кто сознает, что это и есть реализованный лозунг диссидентов.

Катастрофа в Тбилиси с последней ясностью показала, что неизбежен следующий шаг. Теперь необходимо столь же последовательно осуществить явочным порядком свои *политические* права, не дожидаясь того, когда нам это "разрешат". В недрах распадающегося общества уже выкристаллизовались структуры, позволяющие это сделать: тысячи (если не десятки тысяч) неформальных объединений, народные фронты, влиятельная пресса, реальная оппозиция в выборных органах... Если кажется, что этого мало, так только потому, что возможности эти используются недостаточно решительно. Опыт Армении, где в течение нескольких месяцев практически существовало двоевластие (впервые в нашей стране с 1917 г.), говорит о многом. Опыт Эстонии. Опыт литовских выборов. Наконец, есть опыт наших польских и венгерских друзей. Незавершенный опыт, но все же уже не только мечты.

Свободные личности могут создать свободное общество в пока еще несвободном госу-

дарстве. Это и будет шагом к освобождению государства. Конечно, для этого нужно чудо. Но другой надежды просто нет.

* * *

Грузия, Тбилиси уже однажды пережили это. В марте 1956 года танки и пехота огнем разогнали народную демонстрацию. Запечатлительный русский поэт Семен Липкин, посетивший Тбилиси через месяц после бойни, написал, потрясенный:

Уйти от площади, где кровь детей лилась,
Так страшно обаргив подножье монумента,
Где целилась в толпу та воинская часть,
Что обрела врага — грузинского студента,
Уйти от дней, когда с ума сходила власть,
Уйти от пышности правительственных

зданий,

Пойти булыжником вдоль городской стены,
Где колокольный звон — как весть о

караване,

Который проходил путями старины,
Чтоб слиться с облаком, сойти на нет
в тумане;

Где храма древнего развалины видны,
В котором первые молились христиане,
Где скалы светлые глядят из глубины
Тех лет, когда сюда вступали Сасаниды, —
Как слезы на глазах подавленной страны,
Как маленьких племен застывшие обиды.

Год был 56-й, и демонстрация была про- сталинская. Доклад Н.Хрущева на XX съезде только-только был прочитан, и Сталин для Грузии был еще не сегодняшним Сталиным — разоблаченным преступником, а лишь нуждающимся в защите национальным героем. Против "культы личности" его ниспровергатели боролись танками.

Прошедшие с тех пор 33 года преобразили политическое лицо Грузии. Гласность в Грузии приобрела формы сильного национального движения с резко выраженным демократическим профилем. Политический спектр грузинской оппозиции довольно широк. Здесь нет единого Народного фронта, по типу прибалтийских. В формирующемся сейчас неформальном образовании под таким названием, по оценкам организаторов, всего около 10 тыс. чел. Более активны и более известны в Грузии такие организации, как IV-Даси — широкое движение, политическим ядром которого является Национально-демократическая партия; Общество Ильи Чавчавадзе,

от которого недавно отделилось более радикальное общество св. Ильи Праведного; Союз национальной справедливости; Партия независимости Грузии; общество св. Давида Строителя и многие другие. Эти организации с большей или меньшей последовательностью ставят вопрос о необходимости международного признания факта аннексии Грузии в 1921 г. и требуют восстановления грузинской государственности.

Особую интенсивность выступления сторонников независимости приобрели после 25 февраля — годовщины вступления в Грузию Красной Армии. После 20-тысячной демонстрации в Тбилиси, состоявшейся в этот день, выступления сторонников восстановления грузинского суверенитета шли по нарастающей не только в столице, но и по всей Грузии. Масла в огонь подлили события в Абхазии.

Абхазская проблема имеет свою давнюю и непростую историю. В марте 1921 г. была провозглашена Абхазская ССР, но с 1931 г. Абхазия является лишь автономной республикой в составе Грузии. Абхазцы с тех пор настойчиво добиваются восстановления прежнего статуса союзной республики, полагая, что абхазское меньшинство в Грузии дискриминируется. В Грузии решительно отвергают требования Абхазии и в свою очередь указывают на дискриминацию грузин в Абхазии.

18 марта в селе Лыхны Гудаутского р-на состоялся многотысячный митинг абхазцев, организованный местным Народным фронтом. М.Горбачеву было направлено письмо с требованием восстановления Абхазской ССР, под которым подписались все участники митинга во главе с 1-м секретарем Абхазского обкома партии Борисом Адлейбой. Сообщение о митинге и письмо вызвало в Грузии взрыв возмущения. 25 марта в Сухуми и Тбилиси состоялись ответные грузинские митинги.

Однако "абхазский вопрос" оказался лишь поводом для новой волны протестов. Участники митингов расценили абхазские требования как "инспирированные из Москвы". Абхазский вопрос, утверждали они, есть внутреннее дело Грузии и может быть решен только в рамках независимой республики. Именно это требование — независимость — и стало центральным во всех последующих выступлениях.

Уже 25 марта на митинге в Тбилиси 20 че-

людей объявили о начале голодовки. 4 апреля число участников голодовки достигло 150. Голодающие разместились на ступенях Дома правительства. С этого дня митинг в Тбилиси стал практически непрерывным. А со следующего дня по всей Грузии начались забастовки.

Тбилиси. У Дома правительства 7 апреля

Забастовки охватили Тбилиси и Гори, Рустави и Кутаиси, Сухуми и Гагры. Был создан центральный забастовочный комитет. В одном Тбилиси бастовали авиационный и станкостроительный, электромашиностроительный и механический, резиновый и радиозаводы, институты и производственное объединение "Бактриони", обувная и шелкоткацкая фабрика и многие другие предприятия и учреждения. К 8 апреля кроме продмагов и больниц в Тбилиси не работал никто. Число участников митингов достигло полумиллиона.

В этот день в город вошли войска, занявшие в нем все узловые точки. Город наводнили танки, бронетранспортеры, части регулярной армии, внутренних войск, отряды спецназначения. Ораторы на митинге у Дома правительства призывали не поддаваться на провокации, сохранять порядок и спокойствие.

До катастрофы оставалось несколько часов.

О том, что произошло дальше, рассказывает Юрий Рост, спецкор "Литгазеты", единственный журналист, оказавшийся в эту ночь на месте событий. Репортаж Ю.Роста был немедленно передан в "Литгазету", но та отказалась его напечатать. Репортаж взяла газета "Молодежь Грузии".

Типографский рабочий В.Надсвишвили рассказал, что "Молодежь Грузии" начали печатать в 3 часа утра. Около половины пятого в типографию ворвались солдаты, приказали остановить машины и начали уничтожать уже напечатанные экземпляры. К счастью, часть тиража находилась в другом месте, поэтому уничтожили не все.

Это обстоятельство и позволяет нам опубликовать рассказ журналиста — первое честное свидетельство о трагедии. Из советских газет репортаж Ю.Роста напечатала лишь литовская Komjaunimo Tiesa ("Комсомольская правда").

ТРАГИЧЕСКАЯ НОЧЬ В ТБИЛИСИ

Репортаж обозревателя "Литературной газеты", ставшего очевидцем событий в ночь с 8 на 9 апреля

Слишком мало времени прошло с этой трагической ночи, чтобы осознать сложную ситуацию, которая привела к побоищу на площади перед Домом правительства.

Начавшиеся во вторник 4 апреля самовольные собрания довольно быстро сняли с повестки дня абхазский вопрос. Уже со среды начались голодовки на площади и непрерывающийся митинг, на котором лидеры неформальных объединений ставили вопрос о необходимости суверенитета Грузии.

Митинг, проходивший 8 апреля, мало чем отличался по форме и содержанию от проходившего накануне.

Площадь была запружена народом. По моим подсчетам, там было до 10 тысяч человек, часть из которых сидела на тротуаре, часть стояла на мостовой и на другой стороне проспекта.

Приблизительно в 3.30 утра у микрофона появился Патриарх — Католикос Илия II, который сказал, что, по имеющимся у него сведениям, возможно применение силы для очистки площади.

Он призвал всех покинуть улицу и отправиться в церковь. Однако демонстранты отказались покинуть свои места, хотя все, и организаторы митинга, и его участники знали, что на площади Ленина в готовности стоят войска и боевые машины. По проезжей части проспекта бегали люди, призывая всех зайти на тротуары и не проявлять агрессивных действий по отношению к солдатам, которые выполняют приказ. В четыре утра, без предупреждения четыре бронетранспортера, выстроившись в линию, двинулись по улице со скоростью километров десять в час. К этому моменту мостовая была очищена самими демонстрантами. Пропуская машины, толпа сожмулась. Следом за бронетранспортерами шли солдаты в бронежилетах со щитами и дубинками. Оказавшись перед линией людей, они остановились.

Я был в метрах пяти от противостояния, слышал крики. Какая-то женщина бросила в строй туфлю. Возможно, кто-то из собравшихся проявил несдержанность, хотя на митинге призывали к непротвлению. Камней, палок в этой фазе драмы я не видел.

Затем, словно по команде, взметнулись дубинки. Из боковой улицы вышли другие группы солдат. У кого не было дубинок, пользовались саперными лопатками. Солдаты стали теснить демонстрантов, которые активно сопротивлялись. В ход пошли камни, палки, выломанные тут же из ограждения, дубинки, отобранные у солдат. Кто, не успев убежать, остался за линией цепи и спрятался в кустах, надеясь спастись, — оказались ранеными. В убегающую толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Одна граната упала рядом со мной. Резкая боль в глазах, слезы не давали снимать. В возникшей панике толпа бежала по тем, кто не смог оправиться от сильных ударов по голове, и по тем, кто не смог выдержать гонки и упал. Не успев увернуться от удара, я получил по спине дубинкой и побежал к улице Джорджиашвили, пряча аппарат под куртку.

В течение часа проспект был очищен от демонстрантов. На мостовой остались камни, разбитая видекамера, вещи и несколько автобусов и грузовиков, которыми демонстранты закрыли основные улицы и проспект, защищаясь от возможной танковой атаки.

Утром 9-го в больницах была оказана помощь пострадавшим от ударов "тупыми и режущими предметами", от отравления неизвестным врачам "токсичным газом", вызывавшим сыпь и

удушьем. На стенах были вывешены списки ста пятидесяти пострадавших и погибших. Среди шестнадцати трупов — четырнадцать женщин. Старшей из тех, что я видел, лет семьдесят. Младшей — лет шестнадцать-семнадцать.

Пострадало девяносто солдат и милиционеров. 9 апреля по городу ездили машины с черными лентами и включенными сигналами. В больнице № 1 из морга группа людей взяла трупы, чтобы отнести их в церковь Сиони. Прибывшие войска разогнали попытку этой демонстрации. Выстрелами, прямо из кабины проезжавшего ГАЗ-66, были ранены несколько человек. Одного из них, 13-летнего мальчишку — Левана Чанадири, который держался молодцом, я помог доставить в приемный покой. В тот же день были арестованы пятеро лидеров радикальных неформалов.

В 22.55 по местному телевидению выступил комендант Тбилиси генерал-полковник Родионов, который объявил, что с 23 часов 10 апреля, т.е. через 5 минут, вводится комендантский час. Многие жители, не зная об этом, оставались в городе.

В эту же ночь было подвергнуто задержанию более 300 человек. Четверо ранено, один из них в критическом состоянии. Войсковые подразделения и боевые машины блокировали мосты, расположились вблизи важных объектов.

Вчера, хотя часть предприятий приступила к работе, обстановка в городе оставалась довольно напряженной. Над Тбилиси летают вертолеты, постоянно передвигаются танки и бронетранспортеры, слышатся предупредительные автоматные очереди в местах, где скапливаются люди. Патрули снимают с машин черные ленты и бордовые с черным знаменами...

Для разработки мер по нормализации положения в Тбилиси прибыли член Политбюро Э.А.Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС Г.П.Разумовский. 11 апреля — объявлен днем траура.

По горячим следам безответственно делать выводы в столь сложной обстановке, однако безусловно то, что, с одной стороны, никакими политическими программами невозможно оправдать гибель ни в чем не повинных людей, и с другой — защита государственных интересов, то есть интересов людей, методами, подвергающими опасности жизнь этих людей, категорически неприемлема.

Разгоны несанкционированных митингов и демонстраций подобными средствами приносят нашей стране, вставшей на путь демократизации, гораздо больше вреда, чем сами эти митинги и

Тбилиси после кровавой ночи

демонстрации, даже если их квалифицировать как многотысячные "сборища, инспирированные кучкой экстремистов".

Юрий Пост

Материал печатается в том виде, в котором он был передан в редакцию "Литературной газеты" 10 апреля 1989 года.

С тех пор свидетельства о событиях той страшной ночи нарастают с каждым днем. Привести их все — нет никакой возможности. Вот лишь два из них.

Рассказывает Георгий Гуния, секретарь Союза художников Грузии:

"Дом художника находится прямо напротив Дома правительства. Все происходящее в ту ночь я наблюдал с третьего этажа. Самое страшное творилось на ступенях Дома правительства, где расположились голодающие. Окруженная солдатами милиция пыталась вынести раненых и тоже сильно пострадала. В Дом художника, ища спасения, вбегали люди, вслед за ними ворвались солдаты. Они разбили двери, разгромили наш медпункт, пустили в помещение какой-то газ. Потом уже мы нашли у себя в Доме художника зачехленную саперную лопатку. Когда мы рассмотрели ее, то просто удивились, насколько остры ее заточенные края. Ею можно было бы даже бриться. Мы передали ее представителям общественности в правительственной комиссии. В 6 утра прибыли работники прокуратуры, нас пригласили понятными. Стали описывать вещи, валявшиеся на площади. А в 9 утра сюда же, на площадь, где пролилась кровь, привезли еду солдатам, оцепившим территорию."

О смерти 16-летней школьницы Тамрико Човелидзе рассказывает Дина Хурцидзе:

"Сначала Тамрико спряталась в кустах, оттуда ее выгнали дубинками. Девушка вбежала в здание театра имени Руставели, но в фойе ее нагнал солдат. Встав на колени и обхватив руками лицо, Тамрико просила: "Дядя, не убивайте меня". Заключения о смерти официальной и общественной экспертиз совпали: перелом основания черепа, перелом позвоночника, удушье..."

А вот еще одно свидетельство — Телеграфного Агентства Советского Союза. ТАСС в официальном сообщении от 10 апреля поведало нам, что

"подразделения МВД и войск строго выполняли инструкции о неприменении оружия, о мерах предосторожности, особенно к женщинам и подросткам..."

По одним лишь официальным данным, в результате "мер предосторожности" убито 16 человек, еще 4 скончалось позже. Практически все "официально" убитые — женщины, одна из них — беременная. Но это — только официально. По данным Народного фронта — самой умеренной из грузинских оппозиционных организаций — в результате бойни погибло 38 человек, 56 пропало без вести, более 50 находятся в больницах в критическом состоянии. Есть и другие подсчеты. В распоряжении нашей редакции имеется *номинальный* список 36 убитых и 32 пропавших без вести. Из этого списка убитых — 21 женщина. Список сейчас проверяется, но уже ясно, что он неполон: в нем отсутствуют некоторые официально названные имена.

Отточенные как бритва лопатки, дубинки и пули не были единственными орудиями преступления. В ночь с 8 на 9 апреля в столи-

Похороны Тамрико Човелидзе

це Грузинской Советской Социалистической республики городе Тбилиси шла химическая война против собственного народа. Вслед за иракским президентом Саддамом Хусейном (см. "Страна и мир", № 5, 1988) советские власти открыто совершили преступление против мира и человечности. Это не эмоциональный возглас, это квалификация содеянного на основе международного права — Конвенции о запрете применения химического оружия.

Факт применения отравляющих газов (независимо от слезоточивого, одновременно с ним) удостоверил, выступая по телевидению, министр здравоохранения Груз.ССР Ираклий Менегаришвили. Вслед за ним это подтвердил вновь избранный на место смещенного Д.Патиашвили 1-й секретарь КП Грузии Гиви Гумбаридзе. Военные власти отказываются раскрыть состав примененного ОВ, ссылаясь на военную тайну. Это сильно затрудняет попытки медиков спасти умирающих.

Рассказывает зав. отделением реанимации 1-й городской клинической больницы г. Тбилиси Игорь Урушадзе:

"В отделении находятся четыре женщины, пятая, двадцати трех лет, скончалась. Трое из них в сознании, четвертая, шестнадцатилетняя школьница, по-прежнему без памяти, состояние ее критическое. Тяжелое состояние больных объясняется сильной степенью отравления неизвестным веществом. Симптомы отравления: ярко-красная сыпь, кровоизлияние в склере (глазной белок), расширенные зрачки, при отсутствии сознания — психоomotorное возбуждение, гипоксия (затрудненное дыхание), отсюда — отек мозга. У пришедших в сознание обнаружено нарушение памяти: последнее, что запомнилось, —

они шли на митинг. Всем им потребуется дальнейшее лечение в неврологическом или терапевтическом отделении."

Рассказывает зав. отделением травматологии той же больницы Торнике Нозадзе:

"В ту ночь я дежурил. Мне пришлось наблюдать картину, которой я не видел за двадцать лет своей работы. В коридоре уже не хватало места, людей привозили и клали на пол в приемном отделении. Я обходил их: первый, второй, третий — мертвые... Многие были без сознания. Это прежде всего навело на мысль о том, что у них костночерепные травмы, хотя при внешнем осмотре они не обнаруживались. А через два-три часа появились признаки отравления..."

По состоянию на 28 апреля в больницы обратились с симптомами отравления около 1600 человек.

Вы не забыли еще сообщения ТАСС от 10 апреля? Такое нельзя забывать. Напомним еще раз:

"Подразделения МВД и войск строго выполняли инструкции о неприменении оружия, о мерах предосторожности, особенно к женщинам и подросткам..."

Число убитых — десятки. Число раненых в ночь на 9-е исчисляется сотнями, и полное количество их едва ли когда-нибудь будет установлено. Число госпитализированных нарастало с каждым днем: 150, 300, 400, 500, 600... Отдадим должное тбилисской милиции. В разных сообщениях — в том числе и в официальной прессе — встречаются цифры: 80—90 пострадавших милиционеров. Они были ранены — многие тяжело, — когда, безоружные, пытались защитить своих сограждан от озверевшей солдатни. Низкий им поклон. Сейчас тбилисскую милицию разоружают, отбирают даже охотничьи ружья.

Трагедия не закончилась в ночь на воскресенье. Вечером 9 апреля, выступая по телевидению, командующий Закавказским военным округом генерал-полковник И.Родионов объявил о введении комендантского часа. Было 22 часа 55 минут. Комендантский час начинался в 23 часа — через 5 минут. Ничего не подозревавший шофер такси Заури Хвичия ехал домой, когда его в 23.00 остановил воинский патруль. Позднее его, окровавленного, без сознания, подобрала около

машины на мостовой милиция и отвезла в больницу. Перелом обеих рук, скальпированная рана на голове, ушибы... На следующий день выстрелом через лобовое стекло машины убит еще один водитель. На пл. Маркса один человек погиб под гусеницами танка, который затем раздавил стоящую поблизости автомашину. Танки днем открывали огонь по университетским корпусам, по домам на ул. Барнова. Факты дневных убийств и стрельбы по населению признал, выступая по телевидению, прокурор г. Тбилиси.

Арестованы... Нет, не убийцы, пока они все на свободе. Арестованы "организаторы несанкционированных митингов", около десяти человек. Большинство теперь уже освобождено (арест был "административным), но четверо ждут суда: Гия Чантурия (лидер Национально-демократической партии), Ираклий Церетели и бывшие политзаключенные Мераб Костава и Звиад Гамсахурдия.

* * *

Уволено в отставку все высшее руководство республики: 1-й секретарь партии, президент, премьер... Назначена комиссия по расследованию, после протестов против "официального" состава этой комиссии она распущена и назначена новая, с участием "неформалов". Сейчас в нее кооптированы акад. А.Сахаров и Р.Сагдеев. На предприятиях и в институтах, в творческих союзах и в школах люди в массовом порядке выходят из партии и комсомола, швыряют свои членские билеты. Просили не считать их больше коммунистами около 40 членов Союза писателей Грузии, кинорежиссеры Лана Гогоберидзе и Резо Чхеидзе, член городского суда Тбилиси проф. Юрий Табуцидзе, преподаватель Тбилисского университета Пармен Маргвелашвили и художественный руководитель театра им. Марджанишвили Акакий Бакрадзе. Последние двое сложили с себя депутатские полномочия (их избрали всего за две недели до трагедии).

В Тбилиси создан Комитет национального спасения, в который вошли по два человека от всех неформальных организаций. Обсуждается план действий. Требование созыва чрезвычайной сессии Верховного Совета республики находит все большую и большую поддержку.

События не кончились. Они только начинаются.

* * *

Кто виноват? Важный вопрос, но на мой взгляд, все же не самый важный. Важен он, конечно, для суда, который должен установить степень виновности каждого.

Утверждают, что против использования войск выступали командующий Закавказским военным округом и министр внутренних дел Грузии. Возможно, хотя, когда решение было принято, стратегия военных действий и выбор оружия лежали полностью на их ответственности. Виновно, очевидно, высшее грузинское руководство, которое, надо надеяться, не отделается отставкой, а в должный срок сядет на скамью подсудимых.

Спорят о том, виноват ли лично М.Горбачев. Одни говорят, что не виновен и даже не знал о том, что должно произойти. Другие клеймят первых за попытки реабилитации "главного виновника". Я лично думаю, что правы первые, хотя в пользу такого мнения у меня нет иных аргументов, кроме старого римского юридического правила: "Кому выгодно?". Горбачеву не выгодно, и это снимает с него в моих глазах юридическую вину.

Но не снимает вины политической. Ибо не может не быть ответственным высшее политическое руководство страны за то, что нетронутая остается система, способная принимать и выполнять преступные решения вчера, сегодня, завтра (если только завтра не будет уже слишком поздно, по причинам, от нее не зависящим).

Юридически Горбачев не виновен, но еще Талейран тонко заметил, говоря о политическом деятеле: "Это хуже, чем преступление, это ошибка!" За бесконечную цепь ошибок, за нерешительность и колебания, за полумеры и попытки добиться коренных перемен путем аппаратных перестроек, за "шаг вперед — два шага назад" платит народ, и теперь уже не только голодом, но и кровью.

Прав ли я? Начался ли наш апокалипсис? Всеми силами хочется верить, что нет.

Вспомним еще раз страшную поэму Семена Липкина.

Об этом времени сказал один зека:
"Смерть стала роскошью, смерть стала
сверхудобством".

А чем же стала жизнь? Растленьем языка?

Иль похотью души? Иль разума холопством?
Иль мы, что на других смотрели свысока,
Червями расплозились? Иль разрослись
хвощами?

Иль отданы в заклад, мы сделались вещами?
А так как нас томит неясная тоска,
То духу мертвому затем и смерть потребна,
Чтоб в человечество вернулись мы волшебю?
Ответьте нам скорей рычанием зверей,
Пыланием печей, глаголом лагерей,
Лазурный Волгодон, истлевшая Треблинка
И ты, на площади убитая грузинка. ●

К.Любарский

БЕЗ ВЫЯСНЕНИЯ ИСТИНЫ НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ

Специальный корреспондент "Страны и мира" Э.Финкельштейн беседовал со свидетельницей событий 9 апреля в Тбилиси известным грузинским кинорежиссером Ланой Гогоберидзе.

Л.Гогоберидзе недавно избрана народным депутатом СССР. В знак протеста против убийств мирных граждан она демонстративно заявила о выходе из КПСС.

Апрельская бойня в Тбилиси потрясла всех. Как понять, что во время как будто бы начавшегося диалога общественности с властями последние вызывают войска для расправы с собственными гражданами?

Если бы мы могли это понять... Сначала было ощущение такого несчастья, через которое просто невозможно пройти. Казалось, все кончилось, — дальше невозможно жить. Для меня все было особенно ужасно, ведь я видела это своими глазами. Я чудом спаслась. Какие-то молодые парни бросили меня в подземный переход... На следующий день мы ходили по домам убитых, раненых, пропавших без вести. В городе был траур еще до объявления официального траура, национальный, всенародный траур. А потом возникло острое желание разобраться во всем, что произошло. Разобраться до конца, до полной истины. Без этого невозможно жить дальше.

Но все оказалось не так просто. Чтобы понять ситуацию, нужно вернуться немного назад, ко времени начала перестройки. У нас, в Грузии, сразу же началось общественное движение за экономическую, культурную и отчасти политическую автономию. Высказыва-

лись различные мнения, предлагались различные решения, но все это носило мирный характер. Наше движение приняло форму диалога как между различными группами ответственности, так и между общественностью и властями. Мне приходилось участвовать в этих дискуссиях.

Поворотным моментом явилось принятие поправок к Конституции. Эти поправки лишили нас возможности конституционным путем добиваться расширения и углубления нашей автономии. Это была провокация. Я считаю, что принятие этих пресловутых поправок — провокация антиперестроечных кругов против М.Горбачева и его курса на перемены в стране. И вот тогда-то, в ноябре 1988 года, и начались у нас в Грузии волнения, демонстрации, голодовки. Происходили они очень остро, напряжение чувствовалось во всем. Кульминацией событий тех дней была голодовка у Дворца правительства. Сотни людей лежали на ступеньках и голодали, а вся Грузия им сочувствовала, их поддерживала. И тогда что-то преломилось в сознании нашей интеллигенции. Но, мне кажется, тогда же и началось шатание нашего правительства. Они не могли осознать тот факт, что настроение народа, интеллигенции резко изменилось. Мы убеждали руководство республики, что происходящее естественно в условиях развивающейся демократизации, подчеркивали, что в новых условиях особенно важен диалог, что только диалог приведет к взаимопониманию и снимет напряжение в республике. Тогда нам удалось убедить их.

Вы хотите сказать, что грузинские власти согласились участвовать в диалоге с общественностью и с интеллигенцией в частности? В таком случае тем более непонятна их реакция на события в апреле.

Видимо, власти не умели анализировать ситуацию, да и не поняли до конца важность диалога с общественностью. Будь этот диалог — все бы и на этот раз кончилось мирно, привело бы к более глубокому пониманию проблем, перед которыми мы стоим. У нас уже есть опыт. Два месяца назад мы, группа творческой интеллигенции, беседовали в Доме кино в Тбилиси с членом Политбюро ЦК КПСС Александром Яковлевым. Он произвел на нас впечатление человека думающего и про-

грессивного. И разговор с ним состоялся откровенный и конструктивный. Я сказала ему буквально следующее: "Если хоть один человек у нас погибнет, Грузия будет потеряна для перестройки". Александр Николаевич согласился, что к насилию нельзя прибегать ни в коем случае. Более того, он всячески подчеркивал, что у перестройки не может быть остановки, что остановка будет означать движение вспять. Все предшествующее апрелю время мы находились под впечатлением этих разговоров. Мы были уверены, что нас понимают и с нами согласны на самом верху.

Но как же все-таки объяснить кровавую расправу?

Мы ищем, настойчиво ищем ответ на этот вопрос. Я не хочу сейчас делать никаких сенсационных заявлений потому, что у нас создана комиссия по расследованию обстоятельств расправы 9 апреля. Комиссия состоит из очень ответственных людей. Насколько я знаю этих людей, ни на какой компромисс они не пойдут. Кстати, в состав комиссии по нашей просьбе включены академики Сахаров и Сагдеев. Я тоже член этой комиссии.

Одна из версий заключается в том, что кровопролитие было следствием паники грузинского руководства. Правительство будто бы вызвало войска из страха, что не сумеет овладеть ситуацией.

Да, такая трактовка событий существует, но мне кажется, это было бы слишком простым и утешительным объяснением. Во-первых, грузинские власти не располагают полномочиями вызывать такое количество войск и те рода войск, которые орудовали на площади. А были там войска МВД, какие-то спецвойска, которые в народе называют десанниками, но кто они на самом деле и кому подчиняются, мы не знаем. Были и солдаты из обычных строевых частей, которые тоже не могли быть вызваны только нашими властями. Можно предположить, что наш первый секретарь лично позвонил министру обороны и попросил его прислать войска, чтобы утихомирить демонстрантов, пусть даже разогнать их по домам. Но это предположение опровергается

тем фактом, что войска проводили не разгон, а избивание людей. Это была военная операция, направленная на то, чтобы загнать демонстрантов в кольцо, не дать им уйти, а затем начать избивание. Я видела это своими глазами, и меня никто не может убедить, что кровопролитие произошло случайно, спонтанно, от растерянности...

Если все не произошло случайно, остается предположить, что кто-то заранее спланировал это побоище?

Вот это-то и должна выяснить наша комиссия, и я надеюсь, что это нам удастся.

Существует другая версия, согласно которой апрельская бойня – провокация против перестройки и лично против Горбачева, причем спланирована она в Москве.

Для меня это единственно приемлемое объяснение, но у меня нет доказательств.

Иногда пишут, что кровопролитие в какой-то мере было спровоцировано экстремистами из числа демонстрантов.

Ни в коем случае. Быть может, в самом начале и раздавались голоса экстремистов, звучали крайние лозунги, но очень скоро все это прекратилось. Демонстрации вылились в массовое народное волеизъявление, в котором голоса экстремистов утонули. Я не слышала ни одного призыва к насилию, изгнанию из Грузии русских или чего-то в этом роде. Лишь позже поползли провокационные разговоры, будто бы экстремисты составили Временное правительство, потребовали выхода из СССР и т.д.

Какую реакцию вызвали апрельские события у грузинской общественности?

Я никогда не ощущала такого единения, как сейчас.

Собирается ли грузинская интеллигенция предпринимать какие-то конкретные шаги? Почему в Грузии до сих пор не существует массовой общественной организации типа прибалтийских народных фронтов, возглавляемых умеренной и конструктивно мыслящей интеллигенцией?

И у нас дело двигалось в этом направлении, но наше правительство активно препятствовало нам. Это было очень недальновидно с их стороны. Вообще-то Народный фронт был у нас создан. Но мы не хотели, чтобы он оставался неформальной организацией. Мы добивались, чтобы он стал массовой народной организацией с официальным статусом. И в этом-то нам отказывали, наше правительство препятствовало образованию широкого Народного фронта. Но сейчас наступил критический момент. Сейчас возможно одно из двух — либо события начнут развиваться в единственно возможном и желательном для нашего народа направлении: создание массового Народного фронта, реформы, ведущие к укреплению суверенитета республики, демократизации, экономические реформы. В противном случае — конец всему. Но в это я не хочу верить. ●

ВЫСШИЙ ОРГАН ВЛАСТИ

Отшумели выборы на Съезд народных депутатов СССР — самые демократичные выборы за всю историю нашего государства, которым предшествовала самая демократичная (за тот же период) избирательная кампания. "Самая демократичная за всю историю страны" — комплимент, конечно, сомнительный, если вспомнить, какова была она, эта история. Тем более поразительно, что даже эта новорожденная демократия, хилая и ущербная, принесла результаты, каких мало кто мог ожидать.

Еще совсем недавно советологи и изобретатели сказок о homo soveticus, послушном и радующемся своему послушанию, обсуждали вопрос, что будет, если в Советском Союзе будут объявлены свободные выборы. Вывод, к которому они приходили, был неутешительным: КПСС победит все равно, ибо в стране нет альтернативной политической силы. Что ж, эксперимент проведен. Всюду, где только было возможно, и всюду, где только было нужно, победили не кандидаты КПСС, а альтернативные кандидаты. Победили, невзирая на отсутствие единой оппозиционной политической силы: достаточным оказалось наличие у кандидата программы, предусматривающей крутой поворот политического руля.

Оговорки "возможно" и "нужно" суще-

ственны. "Возможно" значит, что в огромном большинстве случаев альтернативный кандидат не победил, потому что были приведены в действие содержащиеся в избирательном законе недемократические лазейки, либо же просто выборы были фальсифицированы. Ярким примером являются выборы в Армении. Здесь, используя фильтр произвольно формируемых "окружных предвыборных собраний", не был зарегистрирован ни один выдвинутый снизу кандидат (нам предлагают поверить, что в Армении, где на гневные митинги протеста собирается миллион людей, ни один выразитель настроений этого миллиона "не получил народной поддержки"). Здесь же оппозиция призвала к бойкоту выборов, и следуя ее призыву, большинство избирателей не явилось к урнам (по данным "конституционных комиссий", явка избирателей составила 10—20—50%). Официальный же процент принявших участие в голосовании — 72% (хоть и самый низкий по стране, но достаточный, чтобы провести официальных кандидатов). В Армении не сомневаются, что результаты выборов фальсифицированы.

"Нужно" означает, что вовсе не во всех избирательных округах необходимо было голосовать против официальных кандидатов. КПСС перестала быть монолитной партией. Что общего, например, между членом Политбюро ЦК КПСС Виктором Чебриковым и 1-м секретарем КП Эстонии Вайно Вялясом, "учить" и "предостерегать" которого В.Чебриков приезжал в ноябре прошлого года? В.Вяляс с его последовательным курсом на суверенитет Эстонии — сейчас занимает первое место в списке наиболее популярных политических деятелей республики. Он и получил полную поддержку — как "проправительственной", так и "оппозиционной" части избирателей. "Партия и народ" на этот раз действительно оказались едины.

Успехи оппозиции — точнее, поражение ее противников — поистине поразительны: полный провал всего высшего ленинградского руководства, "мэров" Москвы и Киева, первых секретарей обкомов в Перми, Кирове, Иванове, Хабаровске, Киеве и ряде других областей, поражение всего литовского руководства (за исключением намеренно пощаженного "Саюдисом" 1-го секретаря А.Бразаускаса), главы эстонского КГБ, ряда крупных военных, латвийского "премьера" и множе-

ства других представителей партийно-государственного истеблишмента прозвучали как гром (хотя и не среди очень ясного неба). Поражение было бы еще более сокрушительным, не спасайся некоторые кандидаты под сенью спасительных "общественных организаций" и первой среди них — КПСС (так стали депутатами Егор Лигачев, Лев Зайков и их коллеги).

Но успехи оппозиции не только в поражении противника. В Литве прошел 31 из 39 кандидатов народного движения "Саюдис", в Латвии и Эстонии на выборах успешно выступили кандидаты народных фронтов (25 из 29 и 15 из 23 соответственно). В советском парламенте теперь заседают популист Б.Ельцин (особый удар по партийному руководству, только что создавшему комиссию по расследованию его деятельности), акад. А.Сахаров, Юрий Афанасьев и Юрий Карякин, Николай Шмелев и Тельман Гдлян и многие, многие другие "рыцари" и "прорабы" перестройки. Те, кто не прошел, как правило, не забаллотированы, а отсеяны искусственным предварительным фильтром окружных предвыборных собраний.

Победа. Но победа не того рода, какая одерживается на просто демократических выборах, а на "самых демократических за всю историю страны". При всей эффектности успехов отдельных прогрессивных кандидатов общее их число среди 2250 народных депутатов — капля в море. Конечно, они не в состоянии, даже составив коалицию, образовать большинство на съезде, не говоря уже о "внутреннем парламенте" — Верховном Совете, попасть куда будет тоже куда как нелегко. Так что с практической точки зрения выборы изменили мало: руководству будет по-прежнему нетрудно проштемпелевывать любые необходимые законы. А то, что за них будет не 100, а, скажем, лишь 80% депутатов, — что ж, это лишь придаст законам нужную демократическую респектабельность.

Впрочем, нельзя скинуть со счетов и тот фермент, которым будут служить неортодоксальные депутаты — и на самом Съезде, и в стране в целом — их запросы, выступления, проекты законов. Все это несомненно последует, и моральное значение их невозможно переоценить. Но главная победа демократических сил на выборах не в этом. Впервые за всю нашу историю (опять впервые!) народ

вдруг почувствовал, что он — сила! Осознав ложь сказки о homo soveticus, мифа о "винтиках", догмы о "новой исторической общности". Оказалось — если взяться всерьез, то можно многое перевернуть.

Пока лишь попробовали — и результаты соответственно оказались скромными. Но ощущение силы осталось. Урок не будет забыт. Потребуется какое-то время (не очень долгое), чтобы осознать значение этой вновь обретенной силы. Подумать, куда ее направить. А затем наступит время действий.

Но это впереди. А сейчас, непосредственно перед нами — первые шаги вновь избранного Съезда народных депутатов, затем и Верховного Совета. На этот раз вовсе не безразлично, что там произойдет.

Мы предлагаем вниманию читателей комментарий известного ленинградского правозащитника Эрнста Орловского, анализирующего плюсы и минусы новой избирательной системы и новой структуры высших органов государственной власти СССР.

НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Я считаю, что новый избирательный закон во многих отношениях еще менее демократичен, чем прежний. Вместе с тем нет сомнения, что нынешняя избирательная кампания прошла несравненно демократичнее, чем любая прежняя избирательная кампания по меньшей мере с 1918 г.

Парадокс? Ничуть! Прежний избирательный закон содержал немало вполне демократических норм. Он ведь вовсе не запрещал выдвижения альтернативных кандидатов. Не было предусмотрено никакого предварительного их отсева: все выдвинутые в соответствии с законом кандидаты должны были быть включены в избирательный бюллетень.

И тем не менее "почему-то" не было случая, чтобы в бюллетене оказалось более одного кандидата. На деле вся работа по отбору кандидатов проводилась за кулисами, причем даже неизвестно точно, где — в райкоме партии, в обкоме, в райисполкоме или где-нибудь еще. Сейчас часто утверждают, будто раньше всегда в каждом избирательном округе выдвигался только один кандидат. Это не совсем точно: выдвигалось, как

правило, не менее двух, однако лишь один из них не был членом или кандидатом Политбюро или не входил в Секретариат ЦК. Конечно, было заранее известно, что руководители КПСС будут баллотироваться в другом месте, но все делали вид, будто этого не знают. Незадолго до указанного в законе срока регистрации кандидатов в газетах публиковалось "Открытое письмо окружным избирательным комиссиям", подписанное всеми членами и кандидатами в члены Политбюро и секретарями ЦК КПСС, в котором сообщалось, в каких именно избирательных округах они дают согласие баллотироваться (причем обычно они ссылаются при этом на то, что обратились за указаниями в ЦК КПСС и теперь им следуют). Вот после этого действительно во всех без исключения избирательных округах оставалось ровно по одному кандидату.

Многие недемократичные положения нового закона — такие, как избрание одной трети депутатов непосредственно официальными общественными организациями без представления этих кандидатур на одобрение избирателей, предварительный отсев кандидатов совершенно недемократически формируемыми окружными предвыборными собраниями, фактически закрепляют прежние ограничения, не записанные в законе, но установленные секретными инструкциями. В институционализации антидемократических ограничений, конечно, ничего хорошего нет: исчезает надежда на то, что при определенных обстоятельствах можно будет попытаться использовать в их прямом смысле содержащиеся в законе демократические нормы. Однако такая надежда всегда была очень слаба, а прежние негласные, но неизбежные ограничения — в том числе главное: недопущение альтернативных кандидатов — делали демократические преимущества старого закона весьма проблематичными.

Что касается нового закона, то многие введенные в него недемократические положения сформулированы факультативно, то есть их можно и не применять. В Эстонии, например, обошлись вообще без окружных предвыборных собраний, а в некоторых других местах окружные собрания хотя и были проведены, но представили к регистрации всех выдвинутых кандидатов. Поэтому при менее демократичном законе оказалась возможной бо-

лее демократичная избирательная кампания. Рассмотрим, однако, поближе избирательный закон, на основе которого проводились последние выборы, и новую структуру высших органов государственной власти, созданных в результате этих выборов.

В соответствующих разделах нового законодательства есть немало удачных положений. С моей точки зрения, к ним относятся:

- Превращение Верховного Совета СССР в постоянно действующий орган с освобождением депутатов от иной работы на весь срок их полномочий; передача Верховному Совету СССР значительной части полномочий его Президиума; вызывает, однако, беспокойство отсутствие четкого запрета на издание законодательных актов в период между сессиями.

- Некоторые (хотя, на мой взгляд, довольно невинные) шаги к устранению (пользуясь выражением, содержащимся в резолюции XIX партконференции) функциональной обезличенности палат Верховного Совета.

- Обязательность для депутатов Совета Национальностей жить или работать в соответствующей республике или автономном образовании.

- Запрет совмещения должностей министров, руководителей ведомств, членов исполкомов, судей, госарбитров с депутатским мандатом.

- Обязательность публикации итогов голосования по каждому избирательному округу (до сих пор у нас, в отличие от многих других стран, публиковались лишь сводные данные; правда, на практике все равно трудно найти, где эти данные опубликованы; по общественным же организациям число голосов "за" и "против" почему-то публикуется лишь для победивших).

- Обязательность захода избирателей в кабину для голосования; запрет агитации в день голосования; упоминание в явной форме о допустимости агитации не только "за", но и "против" любого кандидата, о возможности избрания депутатами религиозных деятелей, самовыдвижении кандидатур на предвыборных собраниях; представление Академии Наук СССР права законодательной инициативы и целый ряд других положительных нововведений.

Теперь перейду к тем положениям проек-

тов, которые представляются мне неприемлемыми. Прежде всего это введение института депутатов, избираемых общественными организациями. Убедительного обоснования этих предложений я не нашел. Подобный порядок выборов крайне редко и недолго применялся за рубежом (я могу вспомнить лишь Италию и Югославию), и притом там, где он применялся, избранные подобным образом депутаты составляли в парламенте отдельную палату, что, на мой взгляд, и у нас было бы несколько предпочтительнее предлагаемого варианта. Многие говорят о "так сказать, трехпалатном Съезде". Но это ошибка: предложен не трехпалатный, а однопалатный Съезд. Он будет однопалатным не только потому, что депутаты всех трех категорий будут заседать в общем помещении, но прежде всего потому, что голоса всех категорий депутатов будут подсчитываться вместе.

Ограничение участия в выборах лишь теми общественными организациями, которые имеют всесоюзные органы, как уже отмечалось в печати, не может быть оправдано, так как ставит, скажем, общество филателистов в привилегированное положение по сравнению с народными фронтами за перестройку. К тому же эта предложенная норма несомненно будет способствовать и перекосу в национальном составе депутатов от общественных организаций (в сторону преобладания русских). Вдобавок, согласно проекту избирательного закона, можно по произволу менять и сам перечень допущенных к выборам общественных организаций; можно выбирать на съезде или конференции, а можно на пленуме, а можно на объединенном пленуме нескольких организаций, а можно пригласить на пленум (и дать им полное право голоса) подобранных людей с мест и т.д. Допускаются любые варианты, лишь бы они обеспечили принятие без всяких неожиданностей заранее подготовленного списка кандидатов. Все это превратит "выборы" депутатов от общественных организаций в процесс подгонки результатов выборов под заранее заданный результат, то есть они скорее всего будут фикцией в еще большей степени, чем те выборы, к которым мы привыкли в годы "культа" и "застоя". Так во многих случаях и произошло (КПСС, потребкооперация), и лишь в немногих общественных организациях прошли реальные выборы.

В советской печати положение о выборах от общественных организаций не раз подвергалось резкой и справедливой критике. Соглашаясь с ней, я, однако, не согласен с утверждением, будто вообще нет никакой необходимости выбирать каких-либо еще депутатов, кроме депутатов, избираемых по избирательным округам. Я думаю, такая необходимость есть. Система выборов по одномандатным избирательным округам наряду с преимуществами (простота, возможность тесной связи депутата со своими избирателями) имеет и серьезные недостатки и потому применяется за рубежом в чистом виде довольно редко, главным образом в англосаксонских странах. Она благоприятствует представителям тех партий, мнений, профессий, рас, религий, возрастов и т.д., которые наиболее популярны и авторитетны среди избирателей, и затрудняет избрание представителей всех и всяческих меньшинств. Пусть, например, в городе 25% населения составляют негры, остальные — белые, и пусть от города надо выбрать 4 депутата. Возможно, что нетрудно будет в "абстрактном" разговоре убедить белого избирателя, что в подобной ситуации справедливо и целесообразно, чтобы один из 4 мандатов был предоставлен негру. Но если город разделен на 4 избирательных округа, и в каждом округе большинство населения — белые, то будет, пожалуй, гораздо труднее убедить избирателей одного из этих округов в том, что хотя большинство избирателей — белые, депутатом должен быть негр. Пример, конечно, условный — вместо негра это может быть представитель языкового, религиозного или политического меньшинства или представитель молодежи, ветеранов и т.п.

Попробуем теперь спроектировать эти несколько условные примеры на нашу сегодняшнюю действительность. Желательно ли, скажем, чтобы среди депутатов Верховного Совета были хотя бы 1–2 религиозных деятеля? Ныне уже мало кто ответит на этот вопрос отрицательно. Да и в проекте закона это специально оговорено. Надо ли объяснять причины, по которым это желательно? Среди них и желательность представления специфических интересов большой категории граждан, а именно — верующих, и высокий нравственный авторитет многих религиозных деятелей даже среди неверующих, их автори-

тет в области сохранения памятников культуры, миротворческая деятельность церкви и т.д. Но велики ли шансы избрания религиозного деятеля в каком-либо конкретном избирательном округе? А уместно ли выбирать от определенного избирательного округа члена Политбюро или секретаря ЦК КПСС? Скажем, М.С.Горбачева ныне, видимо, в любом (или почти в любом) округе избиратели охотно изберут подавляющим большинством голосов. Но ведь он вряд ли сможет поддерживать повседневную связь со своими избирателями, вести депутатский прием и т.д.

Я думаю, читатель уже догадался, к чему я клоню. Именно изложенные соображения привели законодателей ряда стран (в том числе ФРГ, Венгрии, Польши) к введению *наряду* с выборами по избирательным округам (которые в этих странах чаще многомандатные) и *в дополнение* к ним выборов по так называемому общенациональному (то есть общегосударственному) списку. Следовало бы так сделать, по моему мнению, и у нас. Такой список мог бы быть сформирован по согласованию между общественными, религиозными и иными организациями, а затем поставлен на всенародное голосование одновременно с выборами депутатов от избирательных округов.

Второй недостаток проекта — двухступенчатая (в части выборов депутатов от общественных организаций — многоступенчатая) система выборов Верховного Совета СССР. Идея многоступенчатых выборов состоит в том, чтобы избиратели на каждой ступени голосовали лишь за хорошо известных им людей. Но эта идея осуществляется лишь в том случае, если депутаты на каждой ступени будут какое-то время активно работать бок о бок, хорошо узнают друг друга — и тогда они из своей среды смогут осмысленно выбрать депутата следующей ступени. Но ведь практически никогда и нигде так не получалось. Не предлагается ничего подобного и в обсуждаемом проекте. Если при выборах народных депутатов СССР избиратели уже будут знать имена депутатов, намечаемых к выбору в Верховный Совет, первая ступень излишня, а если не будут знать, — это будет похоже на сделку за спиной избирателей.

Третий пункт, вызывающий возражения, это серьезное ущемление прав союзных республик, кроме РСФСР. Прежде представительство

РСФСР в Совете Национальностей составляло (вместе с представителями от входящих в ее состав автономных образований) менее трети депутатов, теперь же будет составлять почти половину. Если по Конституции для ее изменения было необходимо 2/3 голосов в каждой палате, в том числе в Совете Национальностей, то теперь для того, чтобы изменение Конституции было принято, нет необходимости в том, чтобы его одобрил Совет Национальностей, не только что двумя третями голосов, но даже и простым большинством. Достаточно двух третей голосов от общего числа народных депутатов СССР. Мне это представляется явным принижением роли Совета Национальностей и роли депутатов, избранных по национально-территориальным округам. Я уж не говорю о том, что представительство РСФСР среди депутатов по территориальным округам увеличено примерно в 1,5 раза путем простого и незаметного маневра: ранее число депутатов было пропорционально числу *жителей*, а теперь — *избирателей*. Различия в возрастной структуре населения союзных республик — в пользу РСФСР.

Вызывает недоумение предусмотренный законом порядок созыва собраний избирателей по месту жительства. Получается, что местный Совет и избирательная комиссия сами определяют, кого приглашать на собрание. Ведь не предусмотрено заблаговременное оповещение всех избирателей о времени и месте собрания или собраний. Для городов с населением более 400–500 тыс. чел. закон сохраняет прежнюю практику: выдвигать кандидаты будут в основном люди, не являющиеся избирателями данного избирательного округа (работающие на его территории, но не живущие в нем). Этот недостаток можно было бы смягчить, если хоть часть избирательных округов по выборам народных депутатов СССР сделать многомандатными. Тогда крупный город составлял бы единый избирательный округ, и избиратели, живущие не в том районе, где они работают, голосовали бы (в числе других) и за выдвинутых ими кандидатов.

Что касается собраний избирателей, то я считаю, что выдвижение ими кандидатов должно быть лишь предварительным и притом необязательным этапом. Следовало бы установить, что регистрации подлежат все те и только те кандидаты, которые собрали не

менее 300 или 500 подписей избирателей округа, то есть проживающих на его территории. О недемократичности предусмотренных законом окружных предвыборных собраний было сказано достаточно много еще в ходе обсуждения проекта закона. Их единственная роль – фильтровать неугодных кандидатов. Недаром Эстония, например, отвергла на своей территории практику окружных собраний. Я считаю, что такие собрания должны быть лишь совещательными органами, без права отсева кандидатов.

Изложенные замечания по тексту законов, введенных 1 декабря 1988 г., касаются лишь процедуры выборов и формирования высших органов власти. Функционирование их должно стать предметом особого разговора. ●

Э.Орловский (Ленинград)

ТАНЦЕВАТЬ С МЕДВЕДЕМ

В прошлом году на политическом горизонте нашей страны возшла новая звезда – Вадима Андреевича Медведева, нового члена ЦК КПСС, перепрыгнувшего кандидатскую ступеньку, председателя Идеологической комиссии. Новый начальник идеологии перенял бразды правления от вдохновителя и архитектора перестройки Александра Яковлева, "большого Яковлева".

О Вадиме Медведеве, как и о многих серых личностях, взнесенных волей случая или покровителя на вершины власти, мало что известно. Немолод: в марте этого года исполнилось 60. Русский: рожден в деревне Мохоньково Даниловского р-на Ярославской обл. Образован: окончил в 1951 г. ЛГУ, доктор экономических наук (защитил диссертацию в бытность свою секретарем Ленинградского горкома партии), член-корреспондент АН СССР (избран в бытность свою зав. отделом науки ЦК КПСС).

В партию вступил в 1952 г. В 1968 г. занял пост секретаря по идеологии Ленинградского горкома, а уже в 1970 г. – зав. отдела пропаганды ЦК. Идеология, как видим, стала коньком Медведева с самого начала его партийной карьеры и остается им по сей день. С 1978 г. в течение 5 лет он служит ректором Академии общественных наук ЦК КПСС, затем зав. отделом науки ЦК, в

1986 г. становится членом ЦК КПСС и его секретарем, пока в 1988 г. не достигает нынешнего высокого поста.

Какова же идеология главного идеолога страны? Теперь, когда им сделаны первые шаги, кое-что об этом уже можно сказать. Наиболее знаменитым его деянием стало, конечно, личное вмешательство в вопрос о публикации произведений А.Солженицына в журнале "Новый мир". Когда в конце прошлого года С.Залыгин анонсировал на последней странице обложки публикацию А.Солженицына, именно В.Медведев в последнюю минуту остановил выпуск журнала и распорядился сорвать крамольную обложку. Случай этот обошел страницы всей мировой прессы.

Но еще за месяц до того, в ноябре 1988 г., новый начальник идеологии не менее ярко проявил себя в Латвии, куда был послан эмиссаром для наведения "порядка" (его коллеги В.Чебриков и Н.Слюньков выполняли аналогичные функции в двух других прибалтийских республиках). Лейтмотивом его речей в Риге было: проводящиеся сейчас реформы не означают, "что мы поступим своим социалистическим выбором". В день отбытия В.Медведев выступил перед партийным, советским и хозяйственным активом республики. Он заявил, что "коммунисты должны занять четкую идейную позицию. Выжидание, беспринципное поддакивание – это не в духе нашей ленинской партии". Это то, что попало в центральную печать.

Какое же впечатление произвел гость на гостеприимных хозяев? Прочитируем газету "Советская Латвия" от 14 апреля с.г. (статья латышского писателя Алберта Балса):

"Ни в коем случае я бы не отправился в Москву к Медведеву. Говорить с Медведевым все равно, что танцевать с медведем... Мы будем помнить Медведева, это человек, у которого были самые фантастические версии, которые он развивал, фантастически размахивая руками... Ну хорошо, пусть кричат на нас из Москвы. Ну хорошо, пусть присылают сюда еще кого-нибудь из тех, кто нас ругает. Но мы должны непосредственно на территории своей республики реализовать независимость. И все тут... Из медвежьих лап надо вырвать то, что нам принадлежит."

Эти крупные "идейные победы" Вадима Медведева вовсе не случайны. Обычно мало

что известно о взглядах и поведении парт-аппаратчиков, пока они не перестают быть мелкой сошкой. В.Медведеву в этом отношении повезло. Знаменитый самиздатский информационный журнал "Хроника текущих событий" сохранил нам "портрет идеолога в юности", в 1970 г., когда имя Вадима Медведева, занимавшего тогда еще свой первый партийный пост, было неизвестно никому в мире.

В те дни в Ленинграде раскручивалось "дело" выдающегося советского математика Револьта Пименова, уже отбывшего немалый срок за "антисоветскую агитацию". Дело это позднее закончилось ссылкой Р.Пименова в республику Коми. Забегая вперед, заметим, что доктор физико-математических наук Р.Пименов остался после отбытия ссылки в Сыктывкаре, где стал одним из ведущих специалистов Коми филиала АН СССР. Недавно он был выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР, выступал по центральному телевидению в поддержку идей перестройки, которые мало отличаются от тех идей, за которые он в свое время заплатил тюрьмой, лагерем и ссылкой.

Но тогда, в 1970 г., до перестройки еще было далеко. 20 апреля, незадолго до ареста Р.Пименова, его вызвал для "беседы" секретарь горкома по идеологии В.Медведев. Итак, 20 апреля, в кабинете в Смольном беседуют двое. Приводим текст беседы так, как его сохранила для нас "Хроника текущих событий" (№ 15):

"(В.М.) Вы понимаете, что нам с вами приходится говорить не по поводу науки. Ваши научные успехи — это все хорошо, а вот другое... Вы нехорошо себя ведете.

Молчание.

(В.М.) Вот у вас изъята целая коллекция антисоветской литературы.

(Р.П.) Там не было ни одной строчки, где содержались бы призывы к свержению, ослаблению или подрыву советской власти.

(В.М.) Ну, я не силен в процессуальных тонкостях. Это следствие разберется, была ли литература антисоветской. Но у вас изъяли коллекцию нехорошей литературы. Я не занимаюсь юридическими тонкостями, а по существу разговариваю с вами... Откуда такой интерес к такого рода литературе?

(Р.П.) Ну, я могу попробовать вам объяснить. Дело все в том, что с некоторого

времени мы, ученые, утратили чувство личной безопасности. Примерно с конца 66 года. До этого времени как-то не возникало страха. И ощущение страха заставило задуматься: а почему он? Возникла необходимость разобраться в социальных причинах этого страха. Для работы в науке нужна уверенность в завтрашнем дне. Когда есть такая уверенность, тогда могут возникать узкие специалисты, которые заняты только своей наукой и нисколько не интересуются общественными отношениями.. Угроза личной безопасности толкает заниматься политикой. А началось все с этих процессов (имеются в виду процессы Синявского-Данзиля и Гинзбурга-Галанскова. — *Ред.*). В них самое главное то, как они проходили. Нарушение процедурных правил, оно и приковало внимание к ним и разбудило общественное мнение...

(В.М.) Чего вы хотите? Если вы думаете, что когда-нибудь мы позволим говорить и писать обо всем, что кому вздумается, то этого никогда не будет. Этого мы не допустим... Меняйте идеологию. Конечно, у нас недостаточно сил, чтобы заставить всех людей думать одинаково, но у нас пока еще достаточно сил, чтобы не дать людям совершать поступки, которые нам будут вредить. Никогда никаких уступок в идеологическом вопросе не будет! Запомните это раз и навсегда. Я могу вам по пальцам перечислить те азбучные истины, чего нельзя нарушать.

(Р.П.) Перечислять не надо. Я хотел бы только, чтобы вы имели в виду также, что я, по крайней мере субъективно, никогда не выступал против интересов государства. Я, может быть, ошибаюсь, но действую я ради интересов государства...

(В.М.) Так и белогвардейцы говорили! Интересами государства прикрываются все. Кронштадтские мятежники тоже говорили, что они за советскую власть. Гитлер тоже говорил, что он социалист. Сейчас все говорят, что они во имя государства, социализма, за народ! Кто сейчас осмелится сказать, что он — против социализма, против прогресса?! Против советской власти?! Но мы никому не позволим нам мешать! Никому не позволим нам вредить! Вы это имейте в виду и пересмотрите ваше мировоззрение! Я, конечно, понимаю, что одной беседы недостаточно, но по крайней мере, советую вам глубоко продумать свое поведение.

(Р.П.) Я вас понял..."

Похоже, что беседа осталась безрезультатной обоюдно. Ни одна из беседующих сторон "мировоззрения не пересмотрела".

Что ж, это право В.Медведева (как и Р.Пименова). Но с кем М.Горбачев собирается делать перестройку? ●

"МОСКОВСКАЯ ТРИБУНА" О ПРОБЛЕМЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА

12 октября 1988 г. в Москве на собрании в актовом зале Московского историко-архивного института с участием более ста человек был создан общественно-дискуссионный клуб "Московская трибуна". В инициативную группу по созданию клуба входили такие видные представители советской интеллигенции, как акад. А.Сахаров, ректор МИАИ историк Ю.Афанасьев, историки М.Гефтер и Л.Баткин, писатель А.Адамович, публицисты Ю.Буртин и Ю.Карякин, ведущие советские физики акад. Р.Сагдеев, акад. А.Мигдал, чл.-корр. АН СССР М.Франк-Каменецкий, чл.-корр. АН СССР С.Аверинцев, экономист акад. Т.Заславская и многие другие. Моральный авторитет учредителей клуба непререкаем. Многие из них были избраны народными депутатами СССР.

Клуб рассматривает себя как "конструктивную оппозицию". На своем учредительном собрании "Московская трибуна" приняла обращение к правительству с призывом к освобождению и реабилитации всех узников совести и о пересмотре указов Президиума Верховного Совета СССР о порядке проведения митингов и демонстраций и о статусе внутренних войск, резко ограничивших конституционные свободы граждан.

На общем собрании "Московской трибуны" 4 февраля этого года было единогласно принято заявление по вопросу о кризисе вокруг Нагорного Карабаха. Попытки опубликовать это заявление в советской прессе оказались безуспешными. В связи с этим редакция "Страны и мира" решила опубликовать его на своих страницах.

ИСПРАВИТЬ ОПАСНУЮ ОШИБКУ

Трагический опыт прошлого, озабоченность нелегким ходом перестройки, гражданская ответственность за судьбы ее решительных сто-

Председатель армянского фонда "Милосердие", депутат Верховного Совета Арм.ССР биофизик Х.Стамболцян. Находится в тюрьме в Москве

ронников заставляют нас выступить с этим обращением!

В октябре 1988 г. "Московская трибуна" выразила свое отношение к карабахскому кризису в документе "К миру в нашем доме", который, к сожалению, так и не удалось опубликовать. Новый поворот событий вызывает острую тревогу. Хотя недавно были предприняты первые шаги к политическому решению спорной проблемы, в Армении и Азербайджане арестованы лидеры и активисты неформальных движений.

Не должно быть никакой неясности: мы принципиально осуждаем нарушения законности и демократического правопорядка как государственными органами, так и со стороны граждан. Единственно приемлемый путь к решению споров и конфликтов в демократическом обществе — уважительный диалог, настойчивые поиски компромисса между народами, между властями и общественными организациями, выражающими надежды и устремления многих людей и придерживающихся цивилизованных форм социального поведения.

Пристальное наблюдение за событиями, развивающимися на протяжении многих месяцев, привело нас к твердому убеждению: можно соглашаться или не соглашаться с предложениями по национально-территориальному урегулированию, которые выдвигались в Армении и Карабахе, можно осуждать отдельные несдержанные призывы, которые подчас звучали на митингах (в любом массовом движении это, по-видимому, неизбежно), можно не одобрять те или иные акции, но нельзя, опасно и несправедливо не видеть главного.

Поставив в начале экологические и культурные задачи, поддержав затем волеизъявление армянского большинства населения Нагорного Кара-

баха, общественное движение в Армении стало массовым народным движением за национально-культурное возрождение и демократическое обновление в республике, против власти бюрократических кланов, против коррупции и лицемерия, глубокого разложившего социальную жизнь и нравственные устои общества. В такой демократической самоорганизации народных сил — надежда и главная гарантия перестройки.

Арестованные руководители Комитета карабахского движения не разжигали страсти, а старались, пока они были на свободе, ввести их в мирное и законное русло: всеми силами сдерживали насилие над азербайджанцами в Армении, выезжали по тревоге в районы республики, где складывалось опасное положение, решительно пресекали выступления, в которых содержались оскорбления чьего бы то ни было национального или личного достоинства, энергично отмежевывались от любых незаконных действий. Их высокий авторитет нашел подтверждение, когда на дополнительных выборах двое из них были избраны в Верховный Совет республики. В первые же часы после стихийного бедствия, в условиях хаоса и неразберихи, отчаяния десятков тысяч людей лидеры и активисты движения приняли активное участие в организации и проведении спасательных работ не только в городах, но и в позабытых селах, противодействовали панике и безосновательным слухам.

Тем не менее в декабре на основе законов особого положения они были подвергнуты военными властями административному аресту на 30 суток. По отношению к людям, не осужденным никаким судом, нарушались элементарные нормы гуманности и справедливости. По истечении указанного срока им были предъявлены обвинения в организации массовых беспорядков, в разжигании национальной вражды. Арестованы 11 руководителей Комитета карабахского движения и председатель Армянского благотворительного общества "Милосердие". Два депутата Верховного Совета Армении, ветеран Отечественной войны, член-корреспондент АН Армянской ССР, доктора и кандидаты наук, преподаватели вузов и школ содержатся в условиях строгой изоляции друг от друга, от родственников и адвокатов в московских тюрьмах — Бутырской и "Матросская тишина". По некоторым сведениям, их держат в камерах с уголовниками.

Активисты различных неформальных организаций содержатся также в тюрьмах Азербайджана, что внушает особенно серьезную тревогу. Ведь рецидивы прошлого, как постоянно сообщает печать, далеко еще не преодолены в командно-карательном аппарате государства.

Если против кого-либо из арестованных имеются реальные обвинения, то они должны быть доказаны в открытом, гласном судебном процессе с неукоснительным соблюдением всех юридических норм. Если суд над активистами демократического движения в Армении все-таки со-

Член комитета "Карабах", член-корр. АН Арм. ССР Рафаэль Казарян. Находится в тюрьме в Москве

стоится — для чего, с нашей точки зрения, оснований нет, — на нем обязательно присутствие представителей общественности и прессы, которые обеспечат объективное освещение судебного разбирательства средствами массовой информации.

Но в любом случае мы настоятельно призываем во имя гуманности и из соображений политического разума к немедленному изменению меры пресечения — к освобождению арестованных из под стражи.

"Московская трибуна" намеревается учредить Комитет справедливости для поддержания связи с родственниками арестованных и государственными органами, для юридической помощи пострадавшим, для информации общественности о развитии событий.

Аресты в Армении и Азербайджане — не частный эпизод, а серьезное испытание перестройки, всего процесса десталинизации. Сегодня еще можно остановить трагическое развитие событий.

От редакции. В конце апреля мера пресечения была изменена для одного из арестованных — Александра Акопяна. Он сейчас находится в Ереване под подпиской о невыезде. Остальные по-прежнему содержатся в московских тюрьмах. По имеющимся сведениям, суд ожидается в июле.

ЗОНА БЕЗГЛАСНОСТИ

Беседа с Михаилом Кукубакой

В феврале 1987 г. началось освобождение политзаключенных. "Семидесятники" — те, кто был осужден по ст. 70 УК РСФСР, один за другим стали выходить из тюрем, возвращаться из ссылки. Условием немедленного освобождения власти ставили покаяние. Тех, кто отказывался каяться, привозили в КГБ по месту жительства, оказывали на них давление, вынуждали в той или иной форме написать письмо с просьбой об освобождении. Далеко не все шли на это. Если вырвать покаянное письмо у заключенного не удавалось, его отправляли обратно в лагерь. Освобождение его затягивалось.

В числе последних, в декабре 1987 г., буквально за несколько дней до нашумевшей поездки редактора газеты "The New York Times" А.Розенталя в пермский политический лагерь № 35, был освобожден Михаил Кукубака. Рабочий и публицист, он провел в тюрьмах, лагерях и спецпсихбольницах в общей сложности 16 лет. Наш журнал подробно писал о нем в № 3 за 1986 г. Там же была опубликована его статья "Украденная родина".

По просьбе нашего журнала интервью у М.Кукубаки взял писатель Юрий Айхенвальд.

Миша, когда точно вас освободили?

Меня освободили 2 декабря. Вот уже две недели, как я на свободе. Прежде всего хочу поблагодарить всех друзей, всех тех, кто, не зная меня, добивался моего освобождения.

Насколько я знаю, вы не подавали заявления о помиловании, а добивались реабилитации. Что вам отвечали на просьбы о реабилитации, как вас в конце концов освободили?

Устно, в частных беседах, мне говорили — ни о каком пересмотре дела и речи быть не может. Письменные же ответы были стандартными — нет основания для пересмотра дела. Вот и все. А освобождали меня так. Вызвали с работы в жилую зону, приказали собрать вещи и явиться на вахту. Для чего — не сказали. На вахте тщательно обыскали, отобрали все записки, все адреса. Отобрали и толстую тетрадь, в которую я выписывал цитаты из "Известий", "Правды", "Огонька", высказывания Горбачева, Шмелева, Попова... Каких только цитат там не было!

Зачем вы все это выписывали?

Для сопоставления. Я пытался определить границы гласности, уровень перестройки. Хотя бы этой бумажной перестройки, перестройки в газетах. Пытался держаться в курсе того, что уже дозволено писать, а о чем говорить еще запрещается.

Что вы испытывали, встречая в газетах те высказывания, за которые вас в свое время судили?

Это вызывало у меня странное чувство, раздражение, что ли. С одной стороны, произносятся резкие фразы, прошлый режим осуждают, обвиняют. Я же сижу в лагере за несравненно более мягкие высказывания. Рассуждения И.Шмелева, Г.Попова и кое-кого еще — гораздо более "антисоветские", нежели то, о чем я писал и говорил. Но мой гонорар — тюремный срок!

Пытались ли вы в своих обращениях в Верховный суд или в другие инстанции сослаться на высказывания руководителей страны, на статьи в газетах?

В 1986 г., когда меня в очередной раз поместили в ПКТ, то есть в помещение камерного типа, а проще говоря, в камеру, я решил написать надзорную жалобу, построив ее именно по такому принципу. Я собрал большое количество вырезок из газет и журналов, затем взял обвинительный протокол и каждому пункту обвинения противопоставил несколько цитат из статей Попова, Шмелева, Ельцина, самого Горбачева. Вся жалоба была построена исключительно на противопоставлениях. Ни слова более. И что бы вы думали? Эта надзорная жалоба в Верховный суд СССР была конфискована как "клеветническая по содержанию"!

Как же вас все-таки освободили?

После обыска на вахте, после того, как у меня отобрали все записи, меня отвели в штаб, где выдали справку об освобождении и другие документы из личного дела. В справке было написано: "Помилован по Указу Верховного Совета СССР от 30 ноября 1987 г." Слов "Ты свободен" мне так и не сказали.

Лично вам предлагали написать просьбу о помиловании?

С первых лет заключения мне предлагали писать покаянные письма, но усиленное давление в этом отношении началось в 1987 г. В марте, как раз в то время, когда начали освобождать "семидесятников", меня специально для этого отвезли в Белоруссию. Там предложили написать письмо в ВС СССР о том, что я "обязуюсь в будущем преступлений и действий не совершать". Я заявил, что я совершал никаких преступлений в прошлом и писать такое письмо отказываюсь. После долгих бесед и внушений прокурор предложил мне написать любое письмо в ВС, написать так, как я сам считаю нужным. Я и написал. Потребовал реабилитации. Позже я понял, что мое письмо отправлено не было, но вот самого меня отправили... в мордовский лагерь. И там, в Мордовии, КГБ постоянно оказывал на меня давление, с тем чтобы я написал покаянное письмо в ВС, причем требования к "покаянию" постоянно снижались.

Знали ли политические заключенные 35-го лагпункта о готовящемся визите туда американских журналистов?

Мы подозревали, что готовится что-то необычное. Были среди нас люди, владеющие английским языком. Они знали о переписке прокурора с американским журналистом Розенталем и предполагали, что такой визит в принципе возможен. Особенно мы насторожились, когда начались интенсивные ремонтные работы. Ремонтировали помещения, красили заборы, прибирали территорию. Работали днем и ночью, но явно не успевали к какому-то сроку. Неожиданно начальство забросило к нам, в политическую зону, бытовиков. Такое раньше было немыслимо. Ажиотаж с ремонтом и уборкой явно свидетельствовал о том, что в лагере ждут визитеров. Правда, мы склонялись к мысли, что навестят нас депутаты Верховного Совета. Мы много слышали об острых спорах между нашими депутатами ВС и американскими сенаторами и конгрессменами и о требовании последних проверить положение дел с заключенными на месте. Конечно, мы не верили, что американским сенаторам разрешат посетить лагерь для политических заключенных, но визит кого-нибудь из наших депутатов казался нам возможным.

Освободившись, я возвращался домой через Москву и встретился там с А.Розенталем. Розенталь спросил меня, стоит ли ему ехать в лагерь, коль скоро все политзаключенные освобождены. Я убеждал его в необходимости посетить лагерь, доказывал, что нельзя считать политзаключенными только тех, кто осужден по ст. 70 УК РСФСР. Я рассказал ему о положении дел в лагере, о злоупотреблении администрации, порекомендовал людей, которые могли бы честно и открыто рассказать о том, что происходит в лагере. Все, о чем я говорил, Розенталь записал, но когда приехал в лагерь, оказалось, что тех людей, повидаться с которыми я ему рекомендовал, администрация изолировала как якобы больных.

Сколько человек осталось на 35-м лагпункте?

Со стариками, то есть с теми, кто был осужден за преступления во время войны, около 60 человек.¹

Изменился ли лагерный режим за последние десять лет?

Изменился, но только в последние месяцы. В августе нам объявили, что не будет больше голодной нормы в штрафных изоляторах. По-моему, это явилось следствием

¹ Согласно "Списку политзаключенных СССР", выпуск 10 по состоянию на 30.10.1988, в пермском лагере № 35 осталось 5 заключенных, осужденных по статье 70 УК РСФСР.

подписания Советским Союзом Конвенции о запрещении пыток.¹

Произошли ли перемены в правилах получения газет и журналов, стала ли более доступна в лагерях периодическая печать?

Разрешается получать газеты и журналы, изданные исключительно в СССР, кроме газеты "Аргументы и факты". Эту газету получать не разрешают. Можно получать советские же издания на английском языке. На других языках — нельзя.

Как обстоят дела с письмами? Получали вы письма из-за рубежа?

На строгом режиме заключенный как и раньше может писать не более двух писем в месяц. Получать же письма можно без ограничений. Но главное здесь — цензура. Она по-прежнему может свести на нет все правила, изолировать при желании заключенного от внешнего мира. Цензор с легкостью может конфисковать письмо заключенного или письмо к заключенному, используя все те же формулировки: "письмо подозрительно по содержанию", "в тексте содержатся условности" и "письмо клеветнического характера". Под такие формулировки можно подвести вообще любое письмо! Что касается писем из-за рубежа, то за десять лет я получил одну открытку из Дании и одну бандероль из Германии.

Как отразилась политика гласности и перестройки на положении дел в лагерях?

Я убежден, что гласность распространяется только на те сферы, где скрыть что-то невозможно. Там же, где можно сохранить безгласный режим, там он и по сей день существует. Заповедной зоной гласности остаются тюрьмы и лагеря. Говорить в лагерях можно только то, что на сегодняшний день как бы узаконено печатью. Сказал Горбачев то-то и то-то, — это уже может говорить и заключенный. Но не дай Бог, если он забежит вперед... Между прочим, лагерная цензура и сотрудники КГБ часто не успевают следить за границами дозволенного. То ли слишком заняты своими делами, то ли специально не спешат узнавать неприятные для себя новости, а потому случаются казусы. Однажды я написал письмо, где цитировал выдержки из статьи в еженедельнике "За рубежом". В статье было сказано, что Сталин уничтожил больше коммунистов, чем Гитлер, Муссолини, Франко и Салазар вместе взятые. Я дословно переписал несколько фраз, но на статью не сослался. Цензор же, конечно, статьи не читал и письмо конфисковал как содержащее клеветнические измышления.

В общем, несмотря на перемены в стране, мы в лагерях очень мало знали о жизни за пределами зоны. Мы были как и раньше изолированы от внешнего мира. А это помогало КГБ оказывать на заключенных давление, ломать их психологически. Мне, например, до последнего дня говорили: "Ты никому больше не нужен, тебя использовали и забыли. Все забыли, — и здесь, и на Западе."

Но вот я уже на свободе и с радостью обнаружил, как много у меня друзей, как много людей обо мне помнили все годы, когда я был в лагерях. ●

¹ Отмена голодной нормы питания, возможно, связана с эпизодом, произошедшим во время диалога по правам человека "Восток-Запад", который состоялся в Копенгагене в марте 1988 г. Со стороны Востока в диалоге участвовали председатель Верховного суда РСФСР Евгений Смоленцев, научный сотрудник Института государства и права АН СССР д-р Елена Лукашева и журналист АПН Владимир Милютенко. Запад представляли председатель хельсинкской комиссии датского парламента Брик Сисби, член парламента Дании Бьёрн Элмквист и редактор нашего журнала Кронид Любарский. Присутствовавший в зале эмигрант из СССР В.Пимонов спросил советских участников встречи, будет ли отменена статья 56 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, предусматривающая перевод заключенных на "пониженную норму питания", в связи с тем, что СССР ратифицировал Конвенцию о запрещении пыток. Е.Смоленцев отрицал существование такого положения в Исправительно-трудовом кодексе. Тогда К.Любарский достал кодекс и передал его Смоленцеву. По его просьбе переводчик зачитал статью 56, после чего Е.Смоленцев обратился к залу: "Разве то, что написано здесь, — пытка?" После минутного молчания зал взорвался: да, пытка! Когда позже редактор датской газеты "Politiken" г-н Пундик посетил Москву и встретился с Е.Смоленцевым, последний с удовлетворением сообщил ему, что 25 июля 1988 г. Верховный Совет РСФСР отменил статью 56 Исправительно-трудового кодекса РСФСР.

У НАС НЕ ХВАТАЕТ ЛИДЕРОВ

Беседа с Роем Медведевым

Рой Александрович Медведев (р. 1925) — известный советский историк, долгое время находился в опале, и его книги печатались только за рубежом. Р.Медведев вступил в КПСС в 1956 г., а в 1969 был из нее исключен за написание и публикацию в 1968 г. в США исследования "К суду истории. Генезис и последствия сталинизма". В настоящее время журнальный вариант его выходит в журнале "Знамя".

Среди других известных книг Р.Медведева, опубликованных за рубежом: "О социалистической демократии", "Они окружали Сталина", написанные совместно с братом Жоресом "Кто сумасшедший?" и "Хрущев. Годы у власти". Р.Медведев был редактором самиздатских "Политического дневника" и журнала "XX век".

Сейчас в СССР готовятся к печати книги Р.Медведева "Л.Брежнев. Политический портрет" (начата в 1982 г.), "Китай и сверхдержавы" и др.

Интервью у Р.Медведева взял в Москве Марк Дейч.

В 60-е — 70-е гг. в кругах московской интеллигенции с удовольствием отыскивали сцены нашей современной действительности в книгах Флетчера, де Кюстина, Чаадаева, Шедрина. Подобные аналогии, вероятно, вполне уместны, однако более важным мне кажется не сходство, а то, чем мы все-таки отличаемся от самих себя в прошлом. Так чем же, на ваш взгляд?

На этот счет есть множество точек зрения. Вот две крайние. Первая такова: никакой преемственности, никакого даже отдаленного сходства между царской Россией — прогрессивной, демократической, так сказать, приятной во всех отношениях — и Советским Союзом не существует. Вторая точка зрения наиболее подробно изложена в книге Ричарда Пайпса: из XIX в XX век Россия развивается, полностью сохраняя преемственность, все современные институты России начинаются с XIX века.

А как считаете вы?

Я считаю, что обе точки зрения неверны, истина где-то посередине. Конечно, значительная часть того, что мы имеем сейчас в Советском Союзе, определяется тем, чем была Россия 100 лет назад. Однако существует множество различий в самых разных сферах, начиная от образования и культуры и кончая системой управления.

А в нравственном отношении?

В том числе.

Вы думаете, что в нравственном отношении деградации не произошло?

Ну, как можно измерить уровень нравственности... Допустим, правящий класс — дворянство в России XIX века и номенклатура XX-го: конечно, падение нравственности здесь во всех отношениях поразительное. С другой стороны, было и поме-

стное дворянство (изображенное Гоголем), о чем нравственном уровне говорить не приходится. Между декабристами и поместным дворянством – пропасть. Что касается крестьянина – крепостного и современного... Пороки у них разные, но ушли они друг от друга недалеко. Мне трудно измерить на каких-то весах и сравнить нравственный уровень основной массы провинциального населения сегодня и сто лет назад. Но я не считаю, что нравственность русского провинциального человека XIX века была намного выше, чем сегодня. Обратной пропорции я тоже не вижу. Словом, нравственный уровень русского населения был низок и в прошлом веке, он остается низким и сегодня.

А в более общем смысле: чем мы все-таки отличаемся от России до 1917 г.?

Мы – индустриальная держава, мы – великая держава, мы обладаем колоссальной военной мощью...

Великой державой Россия была и до 1917 г. ...

До 1917 г. она не играла той роли в международных отношениях, какую она играет теперь. Современная Россия – одна из двух сверхдержав. В XIX веке она была одной из десяти великих держав. Даже по населению (мы мало это учитываем) Россия выросла с прошлого века в 10 раз. Мне не хотелось бы приводить совсем уж конкретные примеры... Ну, допустим, русская бюрократия того времени и сегодняшняя: несмотря на разную расцветку – красную сейчас и, как принято окрашивать, белую тогда – в своей тупости она мало разнится, в описаниях Щедрина мы узнаем нынешних градоначальников. Так что сходство большое, но и отличий много.

Более всего вы известны как автор изданной в США книги "К суду истории. Генезис и последствия сталинизма". Вскоре она будет издана и у нас. Потребуется ли для отечественного издания какие-нибудь изменения, поправки или дополнения?

Журнал "Знамя" начал публикацию журнального варианта. Конечно, для него потребовались сокращения, но производил их я сам. При сокращении я сознательно убрал из книги все то, что, по моему представлению, могло вызвать какие-то споры или осложнения с редакцией. С другой стороны, точно такой же вариант книги, какой я передал английскому университету в 1985 г., приняло издательство "Прогресс". Я не изменил в нем ничего. Я даже его не перепечатывал. Со мною заключили договор и забрали рукопись. Сначала я отказался ее дать, потому что у меня не было времени и сил работать над ней. Но представители издательства сказали мне, что выделяют группу из трех человек и сделают все сами. Какие они внесут изменения и как будут согласовывать их со мной, я пока не знаю.

Если возникнут спорные моменты – будете ли вы настаивать на своем варианте?

В одних случаях я настаиваю, в других – не вижу в этом необходимости. Сейчас мне важно донести главное, и я не капризничаю. Ведь ограничения гласности существуют, они всем известны. На этом фоне настаивать на отдельных фразах или даже положениях я не собираюсь. Допустим, я веду полемику с журналом "Континент", а мне скажут, что цитаты из Максимова были бы нежелательны. Я не буду настаивать, если основная идея моей книги будет сохранена. Но на концепцию никто не покушается, моя концепция сталинизма, изложенная в книге, принимается издательством полностью. Все изменения, сделанные до сих пор, носят в основном косметический характер. Смягчить критику Ленина... Ну, хорошо, я смягчил.

Это действительно было вам предложено?

Да. Уменьшить цитирование Солженицына... Я уменьшил. Но *мой* текст пока что не подвергался переработке. Для меня это важно. Что же касается использования

того или иного источника, то иногда приходится идти на изменения. Дело в том, что значительная часть моей книги основана на устных свидетельствах. Книга писалась в 60-е годы; с тех пор многие умерли, и я ничем не могу доказать подлинность того или иного высказывания. Например, есть у меня такой эпизод. Каганович пришел посмотреть постановку "Самоубийцы" у Мейерхольда, чтобы разрешить ее или запретить. Он досмотрел спектакль до середины, поднялся и вышел. Мейерхольд побежал за ним — вероятно, чтобы дать какие-то объяснения. Не обращая на него внимания, Каганович сел в машину. Она тронулась, Мейерхольд бросился за ней, споткнулся и упал... Мне позвонила внучка Мейерхольда и от имени всей семьи потребовала, чтобы я этот эпизод убрал: дескать, это оскорбительно для Всеволода Эмильевича, он был гордым человеком и не стал бы унижаться перед Кагановичем... Я ничего не могу доказать семье Мейерхольда, хотя эта история рассказана мне очевидцем, известным театральным деятелем. Более того, эта история кажется мне весьма достоверной и с точки зрения самого времени: она произошла в 1936 г. Но доказать я ничего не могу.

Недавно мне довелось еще раз услышать версию об убийстве Кирова, которая весьма популярна сегодня в "верхах". Согласно этой версии, Николаев убил Кирова из ревности: жена Николаева была секретарем Кирова и одновременно якобы его любовницей. Таким образом, Сталин будто бы убийство не замыслил, он лишь мастерски им воспользовался. Что вы думаете о правдоподобности этой версии? Зачем, на ваш взгляд, она понадобилась именно сейчас?

Я знаю эту версию, она первой стала известна в Ленинграде после убийства Кирова. На мой взгляд, обсуждать ее не имеет смысла: она абсолютно ложная. Расследованием убийства Кирова занималась специальная комиссия, созданная при Хрущеве, когда многие из очевидцев были еще живы. Эта комиссия работала много лет, собрала три тысячи документальных свидетельских показаний и составила точное заключение о причинах убийства и обстоятельствах, с ним связанных. Вывод был однозначный: все следы ведут в НКВД, к Ягоде.

Вы разделяете этот вывод?

Да, конечно. Рабочий руководитель этой комиссии (женщина, ее вскоре отправили на пенсию, она жива и сейчас) очень подробно рассказывала мне о результатах проделанной работы.

Ее фамилию вы помните?

В книге я скрывал ее под псевдонимом, теперь называю подлинную фамилию: Шатуновская. Вывод комиссии в итоговом документе выглядел так: все нити убийства Кирова через Запорожца ведут в НКВД. Эта подлинная версия изложена и Рыбаковым в "Детях Арбата", хотя та часть текста, где прямо говорилось об ответственности НКВД за убийство Кирова, была снята. Рыбаков, правда, пользовался другими источниками, однако, на мой взгляд, они заслуживают доверия. Конечно, комиссия не смогла зафиксировать документально, кто отдал распоряжение Ягоде. В заключении комиссии говорится о том, что с точки зрения политической и исторической, Ягода мог выполнять только распоряжение Сталина. Естественно, такого рода распоряжения вождем никогда не отдавал письменно: образ его действий был поистине мафиозный. Впоследствии Ягода утверждал, что приказ об убийстве Кирова он получил от Енукидзе, то есть от право-троцкистского центра: через Енукидзе от Бухарина. Показания Ягоды на процессе правотроцкистского блока в той части, которая касается убийства Кирова, вполне достоверны, за исключением одной "детали": источника приказа... Так что версия о романе Кирова с Николаевой ложная, комиссия установила это при первых же опросах аппарата обкома. Мне трудно объяснить, почему эта версия всплыла вновь. Сейчас вообще появляет-

ся много старых, самых вздорных, нелепых версий. Скорее всего это объясняется тем, что люди, которые пишут сегодня о сталинской эпохе, часто не знают того, что было сделано в этом направлении до них.

Исследованием сталинского периода нашей истории занимались не только вы. Без сомнения, вам известны чрезвычайно популярные у нас работы Авторханова и Конквеста. Что вы о них думаете?

Работа Конквеста очень интересная и весьма серьезная. В некотором отношении она тенденциозна, но лишь потому, что автор проводил опрос "перемещенных лиц" — тех, кто остался за границей. Поэтому его опросы недостаточно представительны. Конквест не имел возможности расспрашивать вышедших из заключения, реабилитированных, знавших Сталина. Но он серьезно изучал литературу и всевозможные материалы, поэтому его книгой можно пользоваться как источником. Что касается книг Авторханова, то у него интересные концепции и мысли, но факты он часто придумывает, причем делает это совершенно сознательно.

В "Происхождении партократии" много придуманного?

Это скорее теоретическая работа. Я же говорю о таких его книгах, как "Технология власти" и "Загадка смерти Сталина". Там написано много такого, чего просто не было. Я опрашивал людей, которые учились вместе с Авторхановым, сидели с ним на одной скамье в Институте красной профессуры. Все, что он пишет о событиях в этом институте, — выдумка. Выдуманно все от начала до конца и в книге об убийстве Сталина Берией. У Авторханова мне не нравится прежде всего то, что он не просто ошибается, не просто верит кому-то на слово: он придумывает совершенно сознательно. Я приведу только один пример. Он пишет о том, как в 1928 г. Сталин должен был посетить Институт красной профессуры, где он, Авторханов, тогда учился. Все руководство института было взбудоражено, все волновались. Подготовили зал, вывесили в нем огромный портрет Сталина. Наутро оказалось, что у портрета отрезана голова и внизу черной тушью написано: "Пролетариату нечего терять, кроме головы товарища Сталина". Вся эта история абсолютная чепуха, и прежде всего потому, что до 1929 г. никакого культа Сталина не было. Сталин приходил в Институт красной профессуры раз в две недели, в простой рубашечке, даже без охраны, и запросто обсуждал с работниками института различные политические проблемы. В 1928 г. никто там не стал бы суетиться, ожидая Сталина. В то время он еще разыгрывал простого человека, демократа, который доступен каждому партийцу. Его портреты стали появляться только с конца 1929—1930 г. Именно с этого времени, с его пятидесятилетнего юбилея, и начался, собственно, культ личности Сталина. До этого свои портреты Сталин не разрешал вывешивать ни в одном учреждении. Не могло его быть и в Институте красной профессуры в 1928 г. Кроме того, именно тот приезд Сталина в институт, его выступление там (по вопросам аграрной политики) многие помнят. Подобного эпизода с портретом и всей этой суеты просто не было, это Авторхановым выдуманно. Если бы Авторханов не учился в этом институте, если бы он кого-то расспрашивал и излишне доверился чужому свидетельству, ошибку можно было бы понять. Но он сам там учился, и значит — не просто выдумал, но выдумал намеренно. Причем таких "фактов" у него много. Поэтому использовать книги Авторханова в качестве источника я, к сожалению, не могу, доверяя они у меня не вызывают. Хотя, повторяю, отдельные его мысли и концепции бывают порой очень интересны. Он многое знает изнутри, поскольку работал в аппарате ЦК, атмосфера конца 20—30-х годов ему хорошо известна.

Тогда — несколько слов о другом источнике. За последнее время у нас снят запрет со многих имен, в том числе и с имени Солженицына. Упоминаются и многие его произве-

дения; будем надеяться, что они будут и опубликованы. Но по крайней мере одна из его работ по-прежнему под строгим запретом: делается вид, что ее просто не существует. Я имею в виду "Ленин в Цюрихе". И хотя эта работа является лишь частью большого исследования, она, безусловно, имеет самостоятельное значение; не случайно она была издана отдельной книгой. Было бы интересно узнать ваше мнение о ней.

На этот вопрос ответить непросто. Как мне кажется, Солженицын не обладает тем, что можно назвать художественным воображением. Ему нужна какая-то модель. И часто для Ленина он использует собственные черты. Во многих деталях этого образа я узнаю мысли и манеру поведения самого Солженицына (я с ним знаком). Далее. Есть в этой книге насквозь фальшивые, не подтверждаемые никакими документами, просто выдуманые детали. Например, намеки на некую болезнь Ленина, которая якобы начала проявляться еще в Швейцарии. Это вздор: в Швейцарии Ленин был абсолютно здоров. Он вообще был крепкого здоровья, причем во всех отношениях; если у него не было детей, то лишь потому, что он не хотел их иметь (из писем Крупской известно, что ей не раз приходилось делать аборт). Болезнь Ленина связана с ранением в 1918 г.: пулей зажало сонную артерию, из-за чего ослабло снабжение мозга кровью. Для лечения Ленина были выписаны немецкие доктора, врачам-большевикам он не доверял и даже писал: хорошо, что нас лечат не коммунисты... Потом врачи вернулись в Германию, что-либо утаивать им было просто не нужно; о болезни Ленина возникла даже целая литература. Заболевание распространенное, инсульт, от него умер не только Ленин, но и Сталин, и Брежнев, и Черненко. Так сказать, болезнь вождей. Намеки на то, что у Ленина была какая-то другая болезнь, — спекулятивны и совершенно не соответствуют действительности.

Кроме того, в этой работе Солженицын весьма вольно, приходя к совершенно ложным выводам, трактует связи Ленина с Парвусом. Вновь предлагаемая Солженицыным версия о существовании "немецких денег" давно уже не выглядит серьезной. Борис Суварин в большом исследовании на основании огромного количества документов убедительно доказал: никаких немецких денег у Ленина не было. Честно говоря, меня особенно раздражают упорные попытки зацепиться за эту версию. Для меня совершенно очевидно, что Ленин с удовольствием взял бы деньги, если бы ему их дали. На сей счет у Ленина не было никаких моральных запретов, он считал возможным брать деньги на революцию где угодно: грабить банки, проводить экспроприации, изготавливать фальшивые деньги (соответствующая мастерская была создана под руководством Красина); Ленин поддерживал большевиков, которые женились на купчихах и передавали их деньги в партийную кассу... Известен спор по этому поводу с меньшевиками, считавшими подобные средства недостойными. Этот спор был вынесен даже на IV съезд партии. Так что если бы кайзер согласился дать Ленину 50 миллионов золотых марок, тот бы их с удовольствием взял, сказав: мы эти марки возьмем на революцию в России, а потом обернем их против того же кайзера. Ссылки на переписку Ленина со шведскими социал-демократами неубедительны: в ней речь идет о небольших суммах. Кроме того, в разоренной России марта-апреля 1917 г. вообще не могли появиться незамеченными 50 миллионов золотых марок, скрыть их было бы невозможно. Ведь этими марками нужно было за что-то расплачиваться, их надо было разменивать, обменивать, тратить... Между тем даже в русских нумизматических коллекциях — ни в одной! — эти деньги не были обнаружены.

Кажется, в этой работе Солженицын опирался на книгу Валентинова...

Частично использовал. Книга Валентинова гораздо более правдива. Конечно, она субъективна, как всякие мемуары, но Валентинов лично знал Ленина, общался с ним, спорил. Валентинов не всегда и не во всем точен, но это объясняется тем, что он был несколько раздражен отношением к нему Ленина. Солженицын пользовал-

ся многими источниками, в том числе и воспоминаниями Валентинова. Но для меня, как для историка, очевидно: книга "Ленин в Цюрихе" дает о Ленине искаженное представление.

Вы входите в состав совета добровольного общества "Мемориал". В № 12 журнала "Наш современник" за прошлый год опубликовано открытое письмо Владимира Солоухина, в котором он объясняет причину своего отказа подписать обращение "Мемориала". Вкратце суть солоухинского письма сводится к следующему: с одной стороны, в число жертв сталинских репрессий автоматически попадают те, кто творил беззакония сразу после октября 1917 г. и в двадцатых годах; с другой — их жертвы в это число не попадают. Вероятно, вам известно и то обстоятельство, что в своем мнении Солоухин не одинок. Не кажется ли вам, что в этой точке зрения есть определенный резон?

Прежде всего, существует разница между жертвами Гражданской войны и жертвами сталинизма. Из нельзя равнять. Была война, был террор — красный и белый, само время было иное. Конечно, нельзя оправдывать бессудные расстрелы, метод заложников, но все-таки сравнение первых послереволюционных лет с эпохой сталинизма неправомерно. Я не призываю к забвению жертв революционного террора и Гражданской войны, но "Мемориал" создан в память жертв сталинизма. Сюда включаются все жертвы с 1927 по 1953 г.

Но ведь те, кто вершил революционный террор, тоже попали в сталинские жернова...

К несчастью, беззакония вершили все. В том числе и те самые русские крестьяне, которых так жалеет Солоухин: они врываются в помещичьи усадьбы и закалывали вилами помещиков и их дочерей. И русские солдаты, те же крестьяне, — когда они, как описывает Серафимович, топили офицеров и наслаждались, глядя, как те тонут с грузом на ногах... Если начать такой счет, можно не остановиться. Поэтому Солоухин, по-моему, не прав. Он вообще любит эпатировать общество. Писатель он, быть может, и талантливый, но человек — неискренний, лживый.

Ваше мнение о Солоухине не слишком предвзято?

Может быть, но я не терплю фальшивых людей. Повторю: Солоухин — человек талантливый, но безумно неискренний. Он сыграл определенную роль в духовном развитии нашей страны, встав у истоков движения, связанного с возрождением русского национального чувства. При этом он всегда жаждет приковать к себе внимание чем угодно. Будучи членом партии, Солоухин носит перстень с изображением Николая II. В нищей деревне он построил себе колоссальный дом, настоящую усадьбу. Он обладает миллионным состоянием и при этом неимоверно скуп, никогда никому и ничем не помог. Порой даже неприятно читать его произведения (особенно последних лет): он представляет себя в качестве некоего образца, хвастается всем чем угодно, даже своими болезнями. Такой человек мне неприятен.

Если общество "Мемориал" создано совсем недавно, то близкое к нему по названию общество "Память" существует значительно дольше. Любопытно заметить, что член совета "Мемориала" Б.Ельцин в мае 1987 г. весьма сочувственной беседой с руководителями "Памяти" вольно или невольно дал этому обществу уверенность в собственной значимости. Хотелось бы узнать ваше мнение о перспективах развития общества "Память", о том, чего, на ваш взгляд, можно ожидать от него в будущем.

Оно деградирует. Их последний документ (основные документы они мне присылают) — меморандум "О вожде" — настолько это общество дискредитирует, что его следовало бы широко опубликовать в нашей прессе. Суть меморандума: у каждого народа должен быть вождь, в том числе и у русского народа; таким вождем является один из нынешних лидеров "Памяти". По-моему, это признак явной моральной деградации и распада. Ничего хорошего от общества ждать не приходится, хотя

оно и раскололось на несколько фракций. Я думаю, что постепенно оно потеряет всякий авторитет, потому что основано на иррациональной, фанатичной, болезненной идее.

”Заботу о сохранении прошлого” вы считаете болезненной идеей?

Это только прикрытие. Я имею в виду объявленную ими борьбу с ”жидо-масонством”; этим термином они определяют евреев (чтобы не подпасть под действие статьи Уголовного кодекса). Так же в свое время Сталин придумал выражение ”безродный космополит”. Кстати, меня они считают одним из руководителей ма-сонской ложи Москвы.

Пожалуй, главная проблема, с которой мы столкнулись за последние три года — это проблема национальных отношений. Наиболее трудная, чреватая непредсказуемостью ситуация, на мой взгляд, сложилась в Эстонии. Что вы о ней думаете?

Да, мне известно, что происходит в Эстонии; я получаю оттуда прессу, там живут мои друзья. Я считаю, что претензии, которые предъявляют эстонцы к союзным органам, к правительству, к партии, совершенно справедливы. Еще со времен Сталина в Прибалтике совершенно сознательно проводилась политика заселения этих территорий русскими. Она осуществлялась путем создания там предприятий, экономически абсолютно ненужных Прибалтике, порой просто невыгодных для этого региона; предприятий, для которых там не было ни рабочей силы, ни инженерно-технического персонала. И соответственно — путем создания вокруг этих предприятий поселков и городов с русским населением. Создалась угроза, что в каждой из прибалтийских республик коренное население превратится в национальное меньшинство. Угроза стала ощутимой не вчера: эстонская интеллигенция направила ряд писем Брежневу и в ЦК с протестами против этой политики еще в 1960-е годы, под ними были подписи и старых большевиков (в моем архиве есть такие документы). Но тогда на эти протесты никто не обращал внимания. Сейчас, в эпоху гласности и относительной демократии, они вылились в спонтанное народное движение. Москва реагирует на него зачастую неправильно, даже с точки зрения ленинизма. Ленин говорил: национализм малой нации не опасен, к нему необходимо относиться сдержанно, опасен национализм великодержавный, русский. Однако некоторые шаги, предпринятые эстонскими властями и эстонским Народным фронтом, я не разделяю. В частности — объявление национального суверенитета и собственности Эстонии на воздух, воды, землю и т.д.: оно ни юридически, ни теоретически, ни практически не является обоснованным, односторонним актом его осуществить нельзя. В нашей стране такое требование не поможет решить национальную проблему — ни в Прибалтике, ни в Нагорном Карабахе. Необходимо сохранить за Москвой роль арбитра. Но роль эту нужно исполнять разумно, тонко, с учетом национальных особенностей и чаяний. А как раз этого и не видно. Не видно того, что можно было бы назвать разумной национальной политикой. В свою очередь это толкает на крайности различные регионы.

Национальные проблемы нужно решать путем координированных усилий, поисков национального согласия, а не односторонними актами, которые в такой стране, как Советский Союз, приведут к анархии. Кое-какой подобный опыт (правда, без тяжелых последствий) у нас уже есть. В конце 60-х годов Шелест распорядился изъять из всех учреждений все русские машинки и вести деловую переписку с другими республиками только на украинском языке. Эстонцы пробуют теперь то же самое. Туркмены, получая письмо на эстонском языке, прочесть его не смогут, и, следуя той же логике, должны отвечать эстонцам на туркменском... Так развяжутся все связи. Все-таки у нас существует единая экономическая система, техническая документация должна вестись на русском языке. И обижаться тут нечего. Японцы большую часть своей технической, научной литературы издают на английском языке, и вовсе этим не оскорблены. Они не издают труды по кибернетике на япон-

ском, хотя в этой области они, вероятно, сейчас первые в мире. Они понимают, что японский язык за пределами страны неизвестен. Когда книга по математике издается на армянском языке тиражом в 500 экземпляров, это означает, что она никому не будет известна. В том числе, кстати, и в Эстонии. Никто в Западной Европе не обижается на то, что большая часть книг издается на английском (60% мирового книжного рынка – английский язык; и только 3%, например, – итальянский). Как язык науки и техники английский язык побеждает, и с этим даже мы, русские, должны считаться. Точно так же и эстонцы должны считаться с тем, что эстонский язык – язык их культуры, общения, но он не может быть языком международным, например, биологии. Или другой аспект. Я приезжаю в Грузию и вижу там все надписи на двух языках: грузинском и русском. Это разумно. Но приезжая в Севастополь, я вижу там все надписи только на украинском языке. Меня это удивляет. Севастополь – русский город, украинского населения там очень мало. Но на украинском я все эти надписи хоть могу прочесть. В Эстонии же я все время должен спрашивать, при этом многие эстонцы проходят мимо меня, не отвечая. По отношению к гостю это невежливо. Для меня очевидно: не ответивший мне эстонец русский язык знает и вопрос понял. Такая реакция на попытку русификации понятна, но выглядит она не слишком гостеприимно. Все-таки Прибалтика получает значительные блага от того, что входит в Советский Союз. Многие претензии, требования тех же эстонцев вполне резонны, но во всем нужно разбираться спокойно. Эмоции тут не помогут.

Будучи минувшим летом в Таллинне, я часто слышал на ежедневных митингах лозунг: "Россия для русских, Эстония для эстонцев!".

Ну, здесь уже присутствует элемент экстремизма. А что в этом случае делать мне? – в моей семье пять национальностей! Существование нашей многонациональной страны – реальный факт, и общность советских людей – понятие не абстрактное... Тогда для эстонцев было бы логично требовать референдума по вопросу об отделении от СССР. Если же этого все-таки не происходит, необходимо учитывать, что интеграция – процесс международный. Посмотрите на Европу: ломка таможенных и иных барьеров, свободное перемещение не только капиталов, но и людей. И никто против этого процесса не возражает, хотя он и вызывает определенные болезненные чувства. Но это – императив времени. Страна, которая не входит в это центростремительное течение, а подчиняется центробежным силам, экономическим и культурным, ставит себя в невыгодное положение. Безусловно, каждая нация обладает своими неповторимыми чертами, но разница между большой и малой нациями состоит в том, что у большой нации во всех аспектах больше возможностей.¹

¹ Р.Медведев не совсем точен в описании эстонской ситуации. "Закон о языке", принятый Верховным Советом Эстонии, вовсе не предусматривает использование эстонского языка как средства международного или межреспубликанского общения. Так что туркменам вовсе не грозит получить письмо на эстонском языке. Закон лишь требует, чтобы в каждом государственном учреждении (или, скажем, в сфере обслуживания) в самой республике не возникало ситуации, когда эстонец, говорящий на родном языке, рискует быть непонятым. Что касается "невежливости" по отношению к гостю, то тут, очевидно, возможно только одно решение: сделать так, чтобы в тебе видели именно гостя, а не оккупанта. Именно на изменение существующей ненормальной ситуации и направлен закон о суверенитете. В сущности он направлен на восстановление первоначальной идеи Советского Союза – именно как союза суверенных республик. Слово "суверенитет" присутствует и в действующей Конституции СССР, но там оно не наполнено никаким конкретным содержанием. Эстонцы, приняв законодательство о суверенитете, лишь восстанавливают то, что у них было незаконно отнято в результате оккупации 1940 г. Ясно, что интеграция, взаимовыгодные связи могут устанавливаться только между действительно равноправными государствами. "Ломка таможенных и иных барьеров" в Европе потому и стала возможной, что рушатся барьеры между суверенными государствами. Парадоксальным образом здесь можно повторить знаменитые ленинские слова: "Прежде чем объединяться и для того, чтобы объединиться, необходимо решительно и определенно размежеваться". – Ред.

Еще совсем недавно вас настойчиво "оберегали" от посетителей, поговорить с вами было весьма затруднительно. Могли ли вы тогда предполагать, что очень скоро вы будете буквально завалены приглашениями на пресс-конференции, встречи, дискуссии, а ваши книги, изданные во многих странах мира, но не в СССР, начнут выходить и в советских издательствах?

В какой-то мере я всего этого ожидал, но, вероятно, не так скоро.

Вы — оптимист?

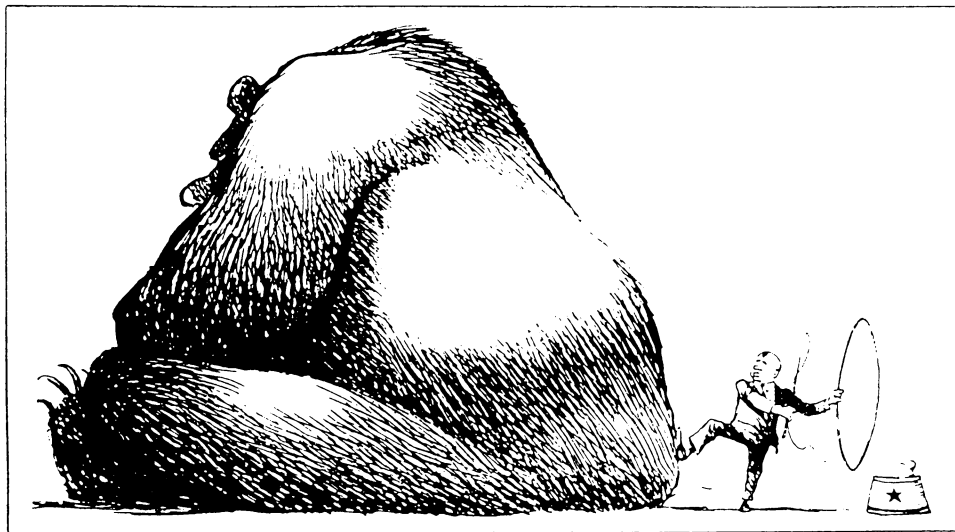
Дело не в этом. Просто я смею надеяться, что хорошо знаю нашу страну, и поэтому я был уверен, что моя работа будет нужна. Это время пришло, хотя, повторяю, я был готов ждать значительно дольше.

А как долго, на ваш взгляд, все это продлится?

Этого предсказать нельзя. В настоящее время вариантов развития нашей страны достаточно много. Мы проводим перестройку, итоги которой предугадать невозможно: мы не были готовы к тому, что народ окажется таким пассивным. У нас не хватает инициативных людей всюду, на всех уровнях; не хватает политических лидеров; не хватает самостоятельно мыслящих людей. Таких людей нет нигде — ни в ЦК, ни на среднем уровне, ни в народе. Все привыкли мало получать и мало работать. Перестройка требует большого напряжения, и поэтому она всем не нравится... Я все-таки думаю, что существуют требования эпохи к нашей стране, и этот императив должен одержать победу. Не может такая страна, как наша, скатиться на положение третьеразрядной державы. Переломный момент должен наступить. Конечно, Горбачев полагал, что он наступит два года назад. Он думал, что перелом произойдет в минувшем году... Теперь он говорит, что это должно осуществиться в ближайшие два года, но я в этом отнюдь не уверен. Может быть, лет через пять...

Связываете ли вы прочность положения сегодняшнего руководства с необходимыми экономическими улучшениями?

Никоим образом. Тяжелое положение в области экономики — вовсе не угроза руководству; мы знали времена, когда с экономикой было еще хуже, а власть никто не свергал. Ее прочность не всегда прямо связана с экономическим положением страны. Пока Горбачеву нет серьезной оппозиции, он будет у власти. ●

НЕЛЮБИМЫЙ МИРНЫЙ АТОМ

Еще недавно атомная энергетика казалась панацеей если не от всех, то по крайней мере от многих бед технологического общества, терпящего кораблекрушение в Бермудском треугольнике *человек–энергия–экология*. Сегодня вопрос о том, быть или не быть атомным электростанциям, служит яблоком раздора для ответственности многих стран. И если для одних атомная энергетика символизирует технологический прогресс, то для других она — угроза самому существованию человечества. Одни видят в строительстве атомных электростанций возможность поднять благосостояние народных масс, другие — все повышающуюся несбалансированность системы *человек–окружающая среда*.

ИЗ-ЗА ЧЕГО РАЗГОРЕЛСЯ СЫР-БОР? Чтобы покончить с голодом, нищетой, болезнями, чтобы обеспечить людям индивидуальную свободу передвижения и создать высокий уровень жизни (не говоря уже о потребностях совершенствования орудий взаимного уничтожения), требуется огромное количество энергии. Традиционные способы ее добычи — сжигание древесины, торфа, угля и сланцев, а в последнее столетие и целых морей нефти. Эти способы приводят к гибели лесов на огромных территориях, к уничтожению накопленных природой в течение миллиардов лет запасов ценных органических веществ. Постоянно поддерживаемый и все больше разгорающийся огонь в миллионах больших и малых топок вызывает загрязнение атмосферы и почвы, а спустя 10–15 лет — грунтовых вод, а также рек, морей и океанов газами, солями и кислотами. Впрочем, и такие побочные явления нашей энергетики, как уничтожение рыб и птиц, искусственные горы золы и отвальных пород и другие наносимые рельефу и почве крупномасштабные повреждения, не свидетельствуют об удовлетворительности традиционного способа решения проблем энергоснабжения.

Яркий тому пример — Нижний Тагил, где промышленный центр ежегодно выбрасывает в атмосферу 658 тысяч тонн вредных веществ, почти по две тонны на человека. "Смог — обычное явление для Нижнего Тагила", — писала "Комсомольская правда" 6 апреля 1988 г. в статье "Смог над городом". И далее следовала жуткая картина: днем машины должны были ехать с зажженными фарами, город накрыло тяжелым удушливым одеялом, жители испытывали головокружение и тошноту, дети по дороге в детский сад получали специфические ожоги. Другой пример: медеплавильный комбинат в Карабаше Челябинской обл. "обогащает" атмосферу ежегодно 180 тысячами тонн ядовитых веществ (около 10 тонн на каждого жителя). Эти вещества: окислы мышьяка, свинца, меди и серная кислота. Кислотные дожди выжгли всю округу (похожую картину автор лично наблюдал еще 15 лет тому назад на Кольском полуострове в окрестностях Мончегорского медно-никелевого комбината), мертвая зона подбирается к "жемчужине Урала" озеру Угельды. Выбросы комбината способствуют также в существенной мере "повышению" качества питьевой воды в Аргазельском водохранилище, утоляющем жажду полутора миллионов человек.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. Государственный контроль общественного мнения в СССР и странах "народной демократии" затормозил на несколько десятков лет свободную дискуссию о грозящей экологической катастрофе, а следовательно, и принятие необходимых мер по защите природы от безоглядной индустриализации на доброй половине земного шара. Но и в тех странах, где угроза окружающей среде со стороны современной промышленности и в первую очередь со

стороны традиционной энергетики была своевременно осознана большей частью общественности, принятие соответствующих мер плелось в хвосте у продолжающей экстенсивно развиваться промышленности. Нарастание общественного сопротивления, рост готовности к повышению затрат и развитие направленной на защиту нашей среды обитания законотворческой деятельности отставали от темпов нарастания ущерба, наносимого природе. В результате уже сегодня миллионы людей в промышленно развитых странах "наслаждаются" видом мертвых лесов, живут в выжженных кислотой окрестностях индустриальных комплексов, употребляют отравленные химикалиями воду, пищу, умирают от смога, мирятся с понижением средней продолжительности жизни и возрастом детской смертности. Впрочем, все это кажется детской игрой при сравнении с тем апокалипсисом, который ожидает человечество в первом веке следующего тысячелетия. Наша атмосфера поглощает все большую часть падающих на Землю солнечных лучей, ибо ее способность отражать в космос излишнее тепло постепенно уменьшается по мере увеличения в ней доли углекислого газа и других газообразных продуктов. Возникает так называемый тепличный эффект, приводящий к разогреванию земной атмосферы и грозящий изменением привычных условий обитания для большей части человечества. Мы уже подняли среднюю температуру на земном шаре на полградуса за это столетие. В следующем столетии температура может подняться еще на полтора-два, а по некоторым оценкам, и на пять градусов. На нашей планете снова могут возникнуть условия, более приемлемые для динозавров и тропических лесов, чем для нашей цивилизации. Реально эти изменения означают не только исчезновение многих видов животных, не только таяние полярной шапки в Антарктиде и повышение уровня мирового океана на десяток метров, не только затопление или заболачивание многих традиционных мест обитания человека (например, стомиллионного Бангладеша), но и изменения облачности и бюджета осадков на всем земном шаре, что приведет к совершенно новому распределению географических поясов на поверхности нашей планеты. Тундры по крайней мере частично покроются, если тому не помешает человек, лесами, современные зоны обитания большинства человечества "облысеют", потеряют свой лесистый, а порой и травяной покров, превратятся в засушливые степи, полупустыни и пустыни. Миллионы людей окажутся на грани голодной смерти.

Чтобы хотя бы немного смягчить грустное впечатление от этой недалекой перспективы, заметим, что существует обоснованная точка зрения, заключающаяся в том, что действие тепличного эффекта все же не будет столь сильным, чтобы превратить нашу планету во вторую Венеру, атмосфера которой разогрета до более чем 400° Цельсия.

АПОКАЛИПСИС ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. Изменения климата, экологии, запасов пресной воды и распределения зон, пригодных для обитания, непосредственно отразятся на судьбах половины человечества. Многолетняя губительная засуха в африканской саванне, массовая гибель людей от голода в Эфиопии и соседних с ней странах — это только первые ласточки надвигающегося экологического урагана. Отсутствие демократических общественных структур и низкий уровень экономического развития затронутых этими стихийными бедствиями стран привели к "излишнему" увеличению количества жертв. Однако не следует думать, что локальные меры смогут что-то принципиально изменить в высокоразвитых демократических странах, когда засуха примет глобальный характер. Даже если Сахара не распространится на всю Южную Европу, а расширение пояса пустынь в США остановится существенно южнее канадской границы, радикальные изменения в мировой экологии затронут всех людей, на всех материках, ибо нынешняя социально-политическая организация земной цивилизации с ее ограничением права выбора места жительства государственными границами вступит в решительное противоречие с новым великим переселением народов.

Еще сравнительно недавно жители голодающего Поволожья и искусственно ввергнутой в голод Украины искали – и чаще всего не находили – спасение в относительно сытых городах своей же страны. Сегодня лишь небольшая прослойка населения бедных стран Азии и Африки находит спасительное убежище в Западной Европе, США, Канаде. Завтра же давление со стороны природы окажется столь сильным, что все преграждающие клапаны в системе межгосударственных отношений будут либо прорваны, либо превратятся в линии фронтов. Скорее всего сотни миллионов незваных иноплеменников ринутся правдами и неправдами через моря и границы. Это поставит развитые страны перед дилеммой отказа от универсальности, всеприменимости их демократического правопорядка (если его вообще удастся сохранить), приведет к радикализации внутренней жизни многих стран, к кровавым переворотам и массовым беспорядкам, к войнам и другим социальным потрясениям.

ОСОЗНАТЬ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ИСПРАВИТЬСЯ. О мрачной экологической перспективе большинство обитателей нашей планеты и не подозревало еще каких-нибудь 30 лет тому назад. Как признал недавно бывший канцлер ФРГ Хельмут Шмидт, еще 15 лет назад его правительство разрабатывало перспективную программу в области энергетики, руководствуясь лишь весьма первичными представлениями о воздействии на природу разных способов получения энергии. Даже работающим в области энергетики ученым надвигающиеся экологические неприятности были мало известны.

Тем не менее попытки более широкого применения “чистых” источников энергии (энергия ветра, падающей воды и приливно-отливная энергия, а также “свежая” солнечная энергия) имеют солидную историю. Однако пока еще не разработаны методы настолько крупномасштабного улавливания этих видов энергии, чтобы удовлетворить с их помощью существенную часть энергетических потребностей человечества.

Причем и утилизация “чистых” видов энергии не обходится без воздействия на окружающую среду. Вода в водохранилищах гниет, изменения локального климата вблизи последних не всегда приемлемы, леса, играющие роль легких нашей планеты, оказываются затопленными и т.д. Даже большие надежды, возлагаемые на сжигание в автомобильных и прочих моторах водорода вместо нефтяных фракций, могут не оправдаться, если окажется, что в новых условиях автомобили способствуют повышению содержания водного пара в атмосфере, приводят к образованию тумана на дорогах.

ВПЕРЕД, В ЛУЧИСТОЕ БУДУЩЕЕ. Именно на этом фоне нужно рассматривать то воодушевление, которое испытывали физики и энергетики, экономисты и экологи, когда выяснилось, что необходимая человечеству энергия может быть получена на атомных электростанциях и дешево, и без какого-либо загрязнения окружающей среды. Особенно привлекательной атомная энергетика казалась для тех стран, которые лишены собственных органических источников энергии. К тому же урановое топливо настолько компактно, что создание многолетних его резервов не наталкивается на большие трудности. Запасов урана в верхнем слое земной коры, если даже исходить только из уже известных геологам месторождений, должно хватить на покрытие энергетических потребностей человечества на несколько столетий, в то время как относительно легко доступные запасы нефти и газа грозят истощиться уже в следующем веке. Впрочем, если учесть и еще неразведанные, но предполагаемые запасы нефти, не добываемую сегодня нефть в месторождениях, где ее добыча до сих пор была нерентабельна, и возможную стабилизацию расхода этого источника энергии, то у человечества появляется нефтяная перспектива приблизительно на триста лет. И тем не менее, с сегодняшней рациональной точки зрения, именно атомная энергия должна дать человечеству необходимую ему передышку перед выходом нашей цивилизации в космос, перед

колонизацией всей солнечной системы, обеспечить необходимый резерв времени для исследователей, работающих над новыми источниками энергии.

Со времени начала мирного использования ядерной энергии не прошло и полвека, а ядерные реакторы производят сегодня дешевую и "чистую" электроэнергию на суше и на море, под водой и в космосе. И еще десять лет тому назад казалось, что человечество наконец-то обрело в лице мирного атома долгосрочное и мудрое решение части своих проблем.

ПЛУТОНИЙ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ. Особенно перспективной представлялась комбинация работающих на уране электростанций с установками по регенерации ядерного топлива, создание так называемого плутониевого цикла. Дело в том, что в ядерных котлах не только выгорает сравнительно редкий радиоактивный изотоп урана с атомным весом 235 (так называемый уран-235), но и происходит превращение широко распространенного в природе урана-238 в радиоактивные элементы, в первую очередь в несуществующий в природе плутоний. Заметим, что и смесь изотопов урана выгорает в ядерных котлах не полностью, а лишь на 2–3%, так что регенерация ядерного топлива означает не только выделение в чистом виде нового "активного" ядерного топлива (например, плутония), но и спасение для повторного применения подавляющей части "пассивного", уже однажды использованного на атомной электростанции урана. Благодаря вовлечению в производство энергии нерадиоактивного урана-238 и плутония, запасы ядерной энергии увеличиваются приблизительно в 80 раз. Таким образом, у человечества появился шанс продержаться на необходимом ему энергетическом уровне более десяти тысяч лет. Если исходить из "плутониевой философии" производства энергии, наибольшую хозяйственную ценность имеют такие ядерные реакторы, в которых "варка" этого искусственного источника энергии идет особенно интенсивно. Таковы так называемые реакторы на быстрых нейтронах, или реакторы-размножители. Их конструкция позволяет поддерживать ядерную реакцию даже при наличии значительной доли замедляющих радиоактивный распад продуктов расщепления. В реакторах-размножителях за два года работы в плутоний превращаются не 2–3% массы урана, а 10–12%. Первые реакторы такого типа были построены и успешно опробованы в нескольких странах (СССР, США, Франции), однако западногерманский реактор на быстрых нейтронах в Калькаре из-за массовых протестов противников ядерной энергетики не был введен в строй. Однако это не мешает Европейскому экономическому сообществу разрабатывать проект еще более совершенного реактора-размножителя.

ЯДОВИТЫЙ ТЕРМОЯД. Развитие плутониевого цикла открывает новые перспективы и для еще не созданных термоядерных реакторов. Дело в том, что чрезвычайно сложная конструкция таких реакторов делает прямое использование термоядерной энергии экономически неоправданным. Слишком сложны и дороги будут первые поколения таких реакторов, на появление которых до середины следующего века все равно не стоит пока возлагать больших надежд. Единственная известная пока возможность экономически оправданного использования термоядерной реакции заключается в создании так называемых гибридных реакторов и гибридных энергосистем. Гибридный термоядерный реактор имеет внутреннюю обшивку из природного урана, которая подвергается в нем интенсивному облучению очень жесткими (несущими очень много энергии) нейтронами. В результате в этой "дьявольской кухне" осуществляется интенсивное производство плутония, который и выделяется в чистом виде, когда облученный в термоядерном реакторе уран поступает на регенерацию и переработку.

Очищенный плутоний будет производить дешевую энергию в десятке плутониевых реакторов, которые и образуют гибридную энергосистему вместе с "материнским" термоядерным реактором. Таким образом, будущее термояда тесно связано с дальнейшим развитием "традиционной" ядерной энергетики и плутониевого хо-

зйства. Вместе с ними термояд или встанет со временем на ноги, или упадет под напором противников ядерной энергии, которые подкладывают под его единственно возможный вариант бомбу замедленного действия. Дело в том, что для противников ядерной энергии плутоний относится к числу сильнейших из известных человечеству ядов. Его ядовитость — считают они — превосходит таковую знаменитого цианистого калия. И, действительно, плутоний токсичен. Правда, растворимость плутония мала, так что практическое введение его в человеческий организм затруднительно. Но зато он очень склонен к образованию аэрозолей. И если уж он усваивается нами, то, подобно стронцию, откладывается в костной ткани и надолго застревает в ней. При этом плутоний действует как не снижающий интенсивности альфа-излучатель, вызывая расстройства в работе кроветворных органов и другие тяжелые радиационные нарушения в организме. Токсичность плутония служит одним из самых действенных аргументов в руках оппонентов ядерной энергетики.

И ВСЕ-ТАКИ ЯДЕРНЫЙ КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН. Для рационально мыслящего человека мирное использование энергии атома в условиях постоянного совершенствования систем безопасности атомных станций представляется единственно доступным человечеству сегодня радикальным путем смягчения воздействия энергетики на окружающую среду. К тому же путем, гарантирующим обеспечение человечества энергией на тысячелетия.

Тем не менее миллионы людей проявляют прямо-таки параноидальное отрицательное отношение ко всем этим плутониевым благам. Например, австрийцы проголосовали на плебесците против ввода в строй в их небольшой стране ядерной электростанции. Отказались от атомной энергетики и Норвегия, Дания, Ирландия и Португалия. В вопросе, по какую сторону плутониевых баррикад сконцентрировано большинство, а по какую — меньшинство, за последние годы ясности не прибавилось. А в демократическом обществе заблуждения, разделяемые большинством или значительной частью населения, не могут игнорироваться правительством. Ему, пусть и против собственной воли, тоже приходится "зеленеть". В Западной Германии около 10% населения голосует за партию зеленых, доведшей отрицание ядерной энергетики в любых ее формах до идеологической догмы, напоминающей заклинание "А все-таки Карфаген должен быть разрушен". Но и социал-демократическая партия, собирающая более трети всех голосов избирателей и бывшая в 70-е годы яркой поборницей мирного атома, приняла после Чернобыля тезис о постепенном выходе из ядерной энергетики в конце столетия. Опросы же населения показывают, что сегодня около 60% всех западных немцев отрицает мирный атом как источник энергии будущего. Швеция, которая сейчас обеспечивает половину своих энергетических потребностей при помощи урана, собирается распрощаться с мирным атомом к 2010 г. Преимущественно немецкоязычная Швейцария собирается провести два референдума, в одном из которых предлагается подождать 10 лет со строительством новых станций, а во втором — и вовсе покончить с атомной энергетикой к 2025 г.

Наконец, флагман нашей технической цивилизации, США (106 атомных реакторов из общего числа 416 во всем мире на конец 1987 г.), существенно усложнили процедуру выдачи новых разрешений на строительство ядерных электростанций. Практически вот уже более пяти лет в США такие разрешения не выдаются, так что все нынешнее атомное строительство в этой стране основано на лицензиях десятилетней давности. Даже в странах Восточной Европы (77 реакторов, в том числе 54 в СССР), несмотря на официальное обожествление в них технического прогресса, начался интенсивный процесс переосмысливания роли ядерной энергетики. Чернобыльская катастрофа только высветила особенности ситуации ядерной энергетики в условиях реального социализма, ускорила появление критически настроенных групп, но не была первым толчком к проявлению недовольства в этой

области. Значит, все-таки наш славный мирный атом пахивает для сотен миллионов людей чем-то неблагоприятным. Чем же именно? Этому трудно дать рациональное объяснение. Но даже если мы сами думаем иначе, стоит попытаться разобраться в том, что уже всерьез оказывает влияние на мировоззрение наших современников.

АТОМНАЯ БОМБА В БАГАЖНИКЕ. Первая загвоздка на пути признания общественностью заслуг и потенциальных возможностей атомной энергетики заключается в том, что в сознании миллионов людей мирный атом ассоциируется с атомной бомбой. Более того, слишком многим кажется, что изготовить (или украсть) такую бомбу со временем сможет каждый, кто того пожелает. Правда, изготовить атомную бомбу в оборудованной в подвале мастерской все-таки сложнее, чем ввинтить новые пробки взамен перегоревших, но большинство наших сограждан не хочет преодолеть барьер технической неграмотности в этом жизненно важном вопросе. А убежденность в том, что изготовление такой бомбы террористами при наличии у них расщепляющегося материала в нужных количествах и при финансовой поддержке какого-нибудь Каддафи в принципе возможна, должна заставить многих из нас почувствовать, как бежит мороз по коже. Правда, наши правительства уже подписали договор о нераспространении ядерного оружия. Согласно этому договору, некоторые из стран, еще не построившие атомную бомбу, обязуются не делать этого и в будущем. Пока срок действия договора ограничен 1995 г., но затем он будет или продлен на новый срок, или станет бессрочно действующим международным соглашением. Нельзя утверждать, что договор подписали только небольшие страны, не обладающие технической возможностью изготовления ядерного оружия. Среди подписавших Япония и ФРГ. Только что присоединилась к их числу и богатая Саудовская Аравия. Но зато можно утверждать, что многие страны, располагающие соответствующим техническим потенциалом, от подписания договора уклонились. Это Индия и Пакистан, Бразилия и Аргентина, Южно-Африканская Республика, Израиль и Швейцария. Весьма вероятно, что многие из этих стран уже присоединились де-факто к официальному пулу ядерных держав (США, СССР, Англия, Франция и Китай). Индия во всяком случае взорвала в 1974 г. "мирный" атомный заряд (по оценкам, он состоял из 15 килограммов плутония). К тому же история знает немало примеров нарушения международных договоренностей высокими договаривающимися сторонами.

ВРАГ НОМЕР ОДИН — ПЛУТОНИЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО. В этой ситуации обоснованного страха перед неконтролируемым распространением ядерного оружия обеспокоенные граждане особенно подозрительно относятся к регенерации ядерного топлива и вообще к самой идее производства искусственного радиоактивного вещества, каким является плутоний. Ведь в силу физических свойств плутония его требуется в несколько раз меньше для изготовления атомной бомбы, чем урана. В зависимости от конструкции бомбы для ядерного взрыва требуется от 4 до 16 кг плутония (чем проще конструкция, тем больше нужно плутония), тогда как для бомбы на основе урана-235 необходима масса в 15–50 кг. Похищать применяемые в ядерных реакторах тепловыделительные элементы — стержни (так называемые твэлы) не имеет смысла. Чтобы добыть заключенный в них уран и отделить друг от друга разные его изотопы, нужны сложные большие заводы, которыми располагают пока только правительственные учреждения. Зато похищение чистого плутония после его отделения от урана и продуктов распада может быть заманчивой целью для террористов.

Конечно, не нужно думать, что похитить плутоний легко. Он охраняется со всей возможной строгостью и находится под постоянным наблюдением правительственных инстанций, а в странах, подписавших договор о нераспространении, за всеми его перемещениями следят еще и международные инспекторы. Любые транспортные операции с расщепляющимися материалами осуществляются под усиленной

охраной полиции. И тем не менее никто не может дать стопроцентной гарантии, что такое похищение никогда не состоится или что оно принципиально невозможно.

КУДА ДЕТЬ ВСЮ ЭТУ ДРЯНЬ? Общество хочет сегодня знать про свои отбросы: куда, когда и что было отправлено на свалку, что произойдет с этим мусором в ближайшее время и какую пользу смогут извлечь для себя из наших отбросов наши дети и внуки. Понять это нетрудно. С каждым годом нас становится все больше и больше, и прежде чем мы превратим нашу планету в одну сплошную свалку, прежде чем мы утонем в нашем собственном мусоре, почему бы не попытаться навести порядок в наших отбросах? Именно в этом общем контексте нужно рассматривать отношение противников ядерной энергии к действительно еще не решенной проблеме радиоактивных отходов. В Японии их сбрасывают в океан, выбирая для этого места поглубже. В некоторых других странах их возвращают туда, откуда они к нам пришли: под землю, в старые отработанные шахты. В Западной Германии одно время всерьез поговаривали о том, чтобы отвезти их в пустыню Гоби, в Сахару или даже на южный полюс. Но у всех этих остроумных решений есть свои оппоненты, которые опасаются, что уже через некоторое время бочки с радиоактивными отходами проржавеют, растворятся в грунтовых водах и уничтожат жизнь на Земле. Произойти это может лишь через несколько сот лет после того, как человечество исчерпает энергетические ресурсы планеты. Но противникам атомной энергии это представляется несущественным. Конечно, хорошо бы жить в обществе, уже разрешившем все свои злободневные проблемы. Но в мире, где еще столько нищеты, болезней и социальной несправедливости, нужно жить на острове изобилия, чтобы видеть в проблеме размещения бочек с зацементированными и в основном крайне малоактивными отходами одну из основных проблем современности.

Практикуемое сейчас во многих странах, например, в ФРГ, хранение радиоактивных отходов в специально построенных для этой цели "временных" (то есть рассчитанных не на тысячелетия, а только на 10–100 лет) наземных бетонных складских помещениях или в заполненных водой бассейнах представляет собой вполне приемлемую для ближайших десятилетий процедуру. Со временем эта технология складирования отходов будет безусловно улучшена, как и любая другая сегодняшняя технология. "Вы пытаетесь решить проблему ядерных отходов за счет грядущих поколений!" – в ужасе восклицают противники мирного атома. Как будто все остальные проблемы будущего (угроза военной ядерной катастрофы, перенаселенность Земли, перегрев ее атмосферы, загрязнение воздуха, вод и почв, нехватка минеральных ресурсов и т.д.) возникают без нашего участия и не остаются от нас в наследство будущим поколениям. Должен искренне признаться, что с более легким сердцем оставлю своим внукам задачу перезахоронения или утилизации ядерных отходов, чем поручу им искусственно остужать атмосферу и воссоздавать в ней защитный озонный слой.

ИЗБАВЬТЕ НАС ОТ ВСЕХ ОПАСНОСТЕЙ. Удивительный парадокс: мы без особого страха садимся в наши автомобили и мчимся навстречу массовой смерти. В окруженном врагами Израиле от автомобильных катастроф погибло гораздо больше людей, чем от рук террористов, и даже больше, чем во всех войнах с арабскими соседями. Сравнительно небольшая Западная Германия теряет ежегодно на своих дорогах около десяти тысяч жизней, почти полмиллиона автомобилистов и пассажиров получают ранения, порой весьма серьезные. Однако никому не приходит в голову запретить автомобиль или создать политическую партию для достижения этой цели.

Шахтеры гибнут в мирное время десятками и сотнями в угольных шахтах, многие тысячи квадратных километров становятся практически непригодными для человеческого обитания в результате деятельности угледобывающей промышленности,

но производство угля никто из-за этого не сокращает. Ни в чем не повинные люди отправляются в мир иной в результате авиационных катастроф и при столкновении поездов, тонут вместе с кораблями, но никакие национальные движения не борются всерьез против этих транспортных средств. Какой бы фактор цивилизации (наркотики, алкоголь, курение, злоупотребление лекарствами) мы ни взяли, отрицательное его воздействие на здоровье населения — даже после Чернобыля с этим трудно спорить — будет большим, чем ядерной энергетики. Но гнев народный обращен только против нее одной.

ДОБРОВОЛЬНО ПОД ЗЕМЛЮ.. Любая техника связана с риском. Нет абсолютной гарантии полной безопасности и в отношении ядерной техники. Однако именно в ядерной технологии, особенно в западных странах, к этой последней применяются невиданные за всю историю технического развития требования к безопасности.

Реакторы водно-водного типа (ВВЭР), являющиеся в наши дни техническим стандартом в ядерной энергетике, обладают огромными резервами безопасности и снабжены многими барьерами для удержания радиоактивных веществ, включая и внешнюю железобетонную оболочку, рассчитанную на столкновение с падающим с неба самолетом. Взорвавшийся в Чернобыле реактор относится к давно устаревшему типу графитово-водных реакторов (РБМК), которые за пределами СССР были сняты с производства на заре атомной эры.

Работы по увеличению безопасности реакторов и связанные с этой темой дискуссии продолжают во всем мире. В 1987 г. внимание прессы привлекло предложение А.Д.Сахарова строить ядерные электростанции впредь только под землей. Это должно, по замыслу знаменитого ученого, уменьшить губительные последствия катастрофы типа чернобыльской для персонала и для окрестного населения. Идея подземного размещения объектов ядерной энергетики ни в коем случае не нова для специалистов. Она была в свое время детально проанализирована со всех возможных точек зрения и отклонена как нерациональная. Дело в том, что предложенное А.Д.Сахаровым решение не увеличивает безопасности ядерной энергетики. Наоборот, повышается вероятность проникновения в случае сильного взрыва радиоактивных веществ в грунтовые воды и затрудняются работы по дополнительному наращиванию бетонного барьера под днищем реактора, которые стоили таких громадных усилий в Чернобыле. Возможность выброса излучающих веществ в атмосферу через пути снабжения реактора или через образовавшуюся в результате взрыва реактора воронку не исключается полностью, как и потенциальная возможность уничтожения реактора террористами или в ходе военных действий.

В ПОИСКАХ АБСОЛЮТНОЙ НАДЕЖНОСТИ. Не надежное и быстрое подземное захоронение на века взорвавшихся — наподобие чернобыльского — реакторов, а устранение самой возможности повторения чернобыльской трагедии должно быть нашей главной целью. Усилия ученых, работающих в области безопасности реакторов, направлены сегодня именно в эту сторону.

Кроме совершенствования систем безопасности уже существующих реакторов за счет применения самых совершенных датчиков и самой современной техники автоматического управления, большие усилия направлены на создание нового поколения реакторов не просто с повышенной, а с так называемой встроенной безопасностью. Это реакторы новой конструкции, в которых даже самое неумелое или же вредительское управление принципиально не может привести не только к взрыву реактора, но даже к резкому изменению его рабочих параметров. К такому типу реакторов относятся разработанные в Западной Германии и уже опробованные здесь высокотемпературные реакторы с гелиевым охлаждением.

В этих реакторах нет длинных металлических стержней-твелов, которые нужно периодически раз в два-три года вынимать из ядерного котла, прерывая для этого производство электроэнергии или резко меняя режим работы реактора. Ядерное топливо в форме мелких гранул помещено здесь в небольшие керамические шары

размером с теннисный мяч. Эти шары подаются сверху в ядерный котел, в то время как отработанные высыпаются из реактора в его нижней части. Процесс подсыпания новых шаров и отвода старых отрегулирован таким образом, чтобы гарантировать непрерывность производства энергии на постоянном уровне. Роль теплоносителя играет здесь не вода, которая одновременно является и сильным замедлителем ядерной реакции, а едва влияющий на скорость протекания реакции газ гелий. Если даже часть гелия покинет корпус котла в результате аварии, то ускорение ядерной реакции будет происходить не в течение считанных секунд, как это было в Чернобыле, а на протяжении многих дней. За это время даже самый заспанный и задержанный персонал успеет принять меры по устранению аварии. Если же этого не произойдет, то проникший на место гелия воздух приведет к остановке разогрева реактора через некоторое время, и все выделяемое им тепло будет отводиться естественным путем через корпус реактора. Правда, для этого реактор должен иметь приблизительно в 5–10 раз меньшую мощность, чем чернобыльский.

Работы по созданию таких реакторов ведутся также в Советском Союзе, причем советские ученые сотрудничают в этом с учеными из ФРГ. Уровень безопасности высокотемпературных реакторов с гелиевым охлаждением таков, что всерьез обсуждается возможность их установки на территории больших заводов, в городах и в других густонаселенных местностях.

Другое направление, интенсивно разрабатываемое в первую очередь советскими учеными, еще не вышло из теоретической, исследовательской фазы. Речь идет о реакторах, в которых уран входит в состав расплава солей, заполняющего котел реактора. Этот расплав имеет такой состав, что реакция протекает на равномерном режиме энергоотдачи без резких колебаний температуры. В реакторе рассматриваемой конструкции, как и в высокотемпературном реакторе с гелиевым охлаждением, нет необходимости проведения специальных периодически повторяющихся операций смены содержимого ядерного котла, ибо продукты радиоактивного распада, как более легкие, должны всплывать на поверхность расплава солей и могут непрерывно удаляться (сливаться), не оказывая замедляющего воздействия на течение ядерной реакции, как это имеет место в металлических твелах.

А НЕ ПОДОЖДАТЬ ЛИ НАМ ДЕСЯТОК ЛЕТ?! Можно не без основания утверждать, что в ближайшие 10 лет надежность ядерных реакторов резко увеличится. Именно в этом плане следует рассматривать идею упомянутого выше швейцарского референдума. Надежды на новое поколение еще более совершенных реакторов возлагает и Италия, которая не отказывается от принципиальной возможности расширения ядерного сектора своей энергетики, но предпочитает подождать десятков лет в надежде на реакторы нового поколения.

Это предложение — подождать до начала следующего тысячелетия со строительством новых ядерных электростанций — в СССР прозвучало со страниц "Московских новостей" в первые месяцы 1988 г. Именно в случае страны Чернобыля такое предложение представляется весьма разумным. Советский Союз располагает огромными резервами экономии, многими неиспользованными возможностями уменьшения энергопотребления. Опыт наиболее развитых стран мира после энергетического кризиса 1973 г. показал, что можно добиваться прежних экономических успехов, даже расширять производство, сокращая потребление энергии. Речь идет при этом не только о простой экономии, но о более критичном отношении к разбазариванию дешевой энергии.

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ... ЭКОНОМИТЬ ЭНЕРГИЮ. Уменьшение энергопотребления в первую очередь связано со структурными изменениями в промышленности и во многих областях жизни общества, а также с появлением принципиально новых технологий. Приведем несколько примеров.

Современные газоразрядные лампы ввинчиваются в то же гнездо, что и обычные лампы накаливания. Потребление электроэнергии уменьшилось у нового поколения комнатных ламп в пять раз при сохранении той же яркости свечения. Несмотря на мировой экономический рост, потребление стали и изделий из металлов, производство и обработка которых являются весьма энергоемкими, уменьшается во всех странах мира. Все новые и новые материалы, производство и обработка которых связана со значительно меньшим расходом энергии, заменяют металлы. В частности все меньше энергии требуется на производство одного автомобиля. Но еще большую экономию энергии дает то обстоятельство, что сами автомобили все меньше и меньше... пьют. Это результат труда ученых и инженеров, занятых оптимизацией работы двигателей.

Существенная часть производимой человечеством электроэнергии теряется при передаче ее по проводам. Открытие Карлом Александром Мюллером и Йоханнесом Георгом Беднорцем новых керамических материалов, обладающих свойством сверхпроводимости при более высоких температурах, чем металлы (Нобелевская премия 1987 г. по физике), открывает принципиальную возможность избавиться от этих грандиозных потерь. До недавнего времени открытая в 1911 г. сверхпроводимость была реализуема только при температурах ниже 23° Кельвина. Это приводило к необходимости охлаждения проводников дорогим жидким гелием. Поэтому применение сверхпроводимости было ограничено несколькими областями на "переднем фронте науки" (например, сверхпроводимые обмотки сверхсильных магнитов термоядерных реакторов и устройства памяти сверхкомпьютеров). После открытия Мюллера и Беднорца исследования в области сверхпроводимости продолжались и привели к очень важным результатам. Американский ученый Чин Ву Чу (Хьюстон) получил почти полную сверхпроводимость при 90°К. А этой температуры можно достичь и при помощи сравнительно дешевого жидкого азота. Согласно прогнозам специалистов, в конце века должны появиться первые электростанции и системы электропередачи, почти свободные от потерь электрической энергии. Хотя сегодня и нет оснований утверждать, что мировое потребление энергии уже в ближайшем будущем уменьшится (слишком велик потенциал стран Третьего мира, еще только встающих на путь индустриализации и электрификации), но успехи науки дают основания для надежды на стабилизацию энергопотребности в течение первых веков следующего тысячелетия.

ЕСТЬ ЕЩЕ ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ. Несмотря на антиатомное движение, перспективы ядерной энергетики, которой пока нет экологически более приемлемой альтернативы, не столь уж трагичны, даже с точки зрения самых рьяных ее приверженцев. Уже сегодня в отдельных странах (Франция, Бельгия) две трети всей потребности в электроэнергии удовлетворяют атомные электростанции. По всему миру строятся и планируется строительство 203-х новых реакторов (сведения на начало 1988 г.). Широкие ядерные программы осуществляются и вне "первого" и "второго" миров: не только в Индии, но и в таких странах интенсивной индустриализации, как Тайвань и Южная Корея. За пределами Европы, особенно в развивающихся странах и в бедных странах Третьего мира, на антиатомную истерию смотрят как на болезнь заевского соседа: с жиру бесятся. Многие из этих стран были бы счастливы, если бы смогли наскрести средства на строительство хотя бы одной ядерной электростанции.

ПУТЬ — В КОСМОС! Нынешние наши острые дискуссии о будущем ядерной энергетики, о ее запрещении или дальнейшем развитии — это очередные болезни роста. Через сто лет наши потомки будут со смехом вспоминать наши жаркие споры, как мы уже почти не помним времени, когда всерьез раздавались голоса, требовавшие запретить паровые машины, потом — первые станки, потом — железные дороги, а еще позже — автомобили. Паровые машины взрываются, станки лишают нас работы,

обретают на голодную смерть, вибрация в мчащемся по рельсам поезде приводит к психическим расстройством и грозящему самой жизни шоковому состоянию, а большая скорость сама по себе вредна. И если бы хотя бы часть этих апокалиптических пророчеств сбылась, не было бы, возможно, сегодня проблемы перенаселенности Земли. Если технический прогресс будет и дальше такими темпами наносить урон человечеству, то нам всем скоро придется спать... стоя.

И все-таки нет дыма без огня! В одном все критики технической цивилизации, часто сами того не осознавая, правы: каким бы источником энергии мы ни пользовались, как бы ни был он "экологически чист", все равно, используя его, мы увеличиваем выделение тепла в атмосферу и тем самым нарушаем устоявшееся динамическое равновесие системы земля-атмосфера-космос. Призрак пышущей жаром Венеры будет еще долго бродить по нашей планете. Чтобы он не стал горькой былью, у человечества есть только один перспективный путь: выход в космос. Современникам Колумба показалось бы абсурдным утверждение, что через 500 лет на американском континенте будет проживать более миллиарда человек и что там будет находиться экономически наиболее развитая держава мира. Точно так же и нам кажется сегодня чистойшей утопией прогноз о расселении человечества по Солнечной системе в ближайшие 500–1000 лет. Тем не менее мы уже вступили на этот мало кому нравящийся, но неотвратимый путь. И ядерной технике предстоит сыграть немалую роль в освоении нового жизненного пространства для человечества. Сначала мы отправимся в космос улавливать на орбитах огромными зеркалами солнечную энергию, чтобы направлять ее на Землю, продолжая разогревать атмосферу. О детально разработанных советских планах такого рода писала недавно западная пресса. Согласно американским планам освоения космоса, в течение последующих 50 лет должны быть созданы постоянно действующие станции сначала на околоземной орбите, затем на нашем естественном спутнике и, наконец, на Марсе. Затем мы все энергичнее станем строить промышленные заводы на Луне, в межпланетном пространстве, на Марсе и на астероидах. А когда, наконец, полностью уберем всю промышленность с Земли, появится возможность заняться зализыванием ран на ее биологически активной и крепко нами пораненной коже.

А ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ? "В спорах об энергетической политике велик соблазн переходить из одной крайности в другую. Рассудительно-разумный подход утратил путеводную роль", — писал недавно бывший западногерманский канцлер Хельмут Шмидт в газете "Die Zeit". Описанная выше антиатомная платформа — одна из таких крайностей. Другой крайностью является слепая вера во всемогущество техники, ее неподвластность моральным и социальным критериям. Выявить эти крайности нетрудно. Труднее найти золотую середину, сформулировать оптимальную перспективу для дальнейшего развития энергетики, определить в ней "экологическую нишу" для ядерной энергетики. Вся надежда на жизнь, на могучий фактор времени, порой снимающие с повестки дня бывшие еще вчера совершенно неразрешимыми проблемы. Ядерная энергетика — отнюдь не идеальное решение наших энергетических проблем. Она — всего лишь наилучшее из известных нам сегодня решений, спасательный круг, за который мы вынуждены схватиться. Конечно, в будущем могут появиться и альтернативные решения, но пока что нам следует научиться жить по соседству с мирным атомом, не рядя его в сатанинские одежды. И нам следует со всей серьезностью и всем вместе, а не только на национальном уровне, усилить исследования в области альтернативных источников энергии, заняться по-настоящему энергично проблемами окружающей среды, помочь странам Третьего мира провести индустриализацию, не повторяя наших ошибок роста. Нам необходимо перестать транжирить энергию и ресурсы. Атомная энергетика может стать безопасной. Она может принести человечеству величайшую пользу. Но чтобы это произошло, необходимо не огульное отрицание технического прогресса, а его подчинение человеческой морали, его интеграция в нашу естественную среду обитания. ●

Дэвид Р. МАРПЛЕС (США)

ОТ ЧЕРНОБЫЛЯ ДО ЧЕРНОБЫЛЯ

Новая программа
советской атомной энергетики

Дебаты о реакторах

Катастрофа в Чернобыле привела к тому, что летом и осенью 1986 г. все 14 советских реакторов РБМК были погашены и подверглись осмотру, ремонту, переделкам. (О катастрофе на Чернобыльской АЭС, о конструкции реакторов типа РБМК и ВВЭР, их достоинствах и недостатках см. статью К.Любарского "Что произошло в Чернобыле", "Страна и мир" № 5 и № 10, 1986 г.) Затем в октябре и ноябре 1986 г. два чернобыльских реактора были запущены вновь. Многие западные наблюдатели полагают, что программа строительства РБМК будет продолжаться. Советский отчет, представленный в Вене, особо подчеркивал фактор человеческих ошибок в произошедшей катастрофе. Советскую делегацию очень одобряли за представленный отчет, за открытость и откровенность в том, что касалось катастрофы. Сомневаться в выводах советских специалистов было тем более трудно, что наладившееся сотрудничество СССР с Международным агентством по атомной энергетике (МАГАТЭ) после чернобыльской катастрофы предполагало в будущем регулярные визиты инспекторов МАГАТЭ на советские атомные электростанции. Но при всем том из советского отчета следовало, что будь реактор на Чернобыльской АЭС лучше сконструирован, катастрофы не произошло бы вообще. Советские проектировщики делали упор на то, что операторы будут избегать опасных режимов работы реактора, в то время как необходимо было вообще исключить возможность возникновения таких режимов. Следствием этого очевидного просчета и явились дебаты в СССР о будущем реакторов типа РБМК, дебаты, исход которых серьезным образом должен был повлиять на будущее советской атомной энергетики.

РБМК — первый и только в СССР существующий тип реактора — все еще является основным источником атомной энергии в Советском Союзе. Первое поколение РБМК начало работать на Ленинградской АЭС в 1973 г. Сегодня работают на полную мощность либо находятся в той или иной стадии строительства АЭС, оснащенные реакторами РБМК, в Чернобыле, ИгнаLINE, Курске, Смоленске, Воронеже, в центре России и на Украине. Текущая программа строительства предполагает увеличить число реакторов типа РБМК-1000 (1000 МВт) или РБМК-1500 (1500 МВт) с 14 до 21. Реакторы РБМК-1500 должны были строиться только в ИгнаLINE и Костроме. В конечном итоге планировалось построить 29 реакторов. До событий в Чернобыле советские отчеты неизменно подчеркивали, что программа ядерной энергетики на 2000-й год будет опираться и на реакторы РБМК, и на реакторы ВВЭР (водно-водяные, более дорогостоящие, но и более надежные типы реакторов). Не было никаких указаний на то, какому из них в конце концов будет отдано предпочтение.

К январю 1987 г. стали появляться признаки того, что в СССР склоняются в пользу реакторов типа ВВЭР. В середине января советский заместитель директора МАГАТЭ Леонид Константинов сообщил западным журналистам в Москве, что как только текущая программа строительства завершится, новых реакторов РБМК в СССР строить больше не будут. Правда, через несколько дней после этого представитель МАГАТЭ Джеймс Даглиш заявил, что Советский Союз еще не принял окончательного решения, следует ли ему оставить планы строительства РБМК в будущем, а во время визита в СССР генерального директора МАГАТЭ Ганса Бликса ему было дано

понять, что ведущиеся работы по строительству шести РБМК будут закончены. Речь шла о реакторах Чернобыль-5, Чернобыль-6, Смоленск-3, Смоленск-4, Кострома-1 и Кострома-2.

К началу февраля 1987 г. новые планы были одобрены с тем лишь исключением, что к этим шести реакторам были добавлены еще два новых реактора РБМК, а именно — Чернобыль-3 и Игналина-2. Тот факт, что в это число попал и Чернобыль-3, оказался полной неожиданностью. Этот реактор был погашен после разрушения соседнего реактора № 4, с которым он находился в одном здании. Однако реактору № 3 не было нанесено повреждений, и считалось, что он снова войдет в строй к июню 1987 г. Несмотря на то, что срок пуска был потом перенесен на декабрь 1987 г., в СССР всегда вели себя так, словно этот реактор никогда не выбывал из строя.

Атомная станция в Игналине — дело другое. В Швеции ее считали опасной с тех пор, как первый реактор мощностью 1500 МВт вошел в строй в декабре 1983 г. Пуск второго реактора был намечен на 1986 г., но в тот год он работать не начал. Появились сообщения о том, что Игналинскую АЭС собираются закрыть по соображениям безопасности. Распространению таких сообщений способствовала шведская пресса. Так, 12 апреля 1987 г. шведская газета "Uppsala nya tidning" процитировала сотрудника Министерства атомного машиностроения СССР Евгения Ларина, который якобы сказал, что расширение станции, то есть строительство реакторов № 3 и № 4, остановлено из-за устаревшей технологии реакторов.

На следующий день радио Стокгольма передало сообщение своего московского корреспондента К.А.Абрахамссона о том, что реактор Игналина-4 не будет построен, как ранее планировалось, в частности из-за того, что в Литве возражают против строительства этой станции. Он также сообщил, что по Москве ходят слухи, будто бы реактор Смоленск-4 также не будет строиться. Шведские отчеты обращали особое внимание на факторы безопасности. По имеющимся сообщениям, шведский Институт оборонных исследований обнаружил шесть небольших утечек радиации с Игналинской АЭС в период начиная с 1983 г., и шведские эксперты утверждали, что Игналинская АЭС еще более опасна, чем даже Чернобыль.

Были некоторые сомнения и по поводу Игналины-2. Радио Москвы объявило 19 февраля 1987 г., что пуск этого реактора должен произойти в конце месяца, но февраль прошел, а сообщений о пуске не поступило. Сомнениям был положен конец в середине августа 1987 г., когда в СССР заявили, что реактор-2 все же пущен. Шестимесячное запоздание было объяснено введением дополнительных мер безопасности: изменений, гарантирующих безопасность операций в топливных каналах реактора, и мер, направленных на сокращение времени, требуемого для погашения реактора. Сходные изменения были предусмотрены и для Игналины-1. Игналина-2 был первым реактором РБМК, запущенным после Чернобыля, и его запуск во многом противоречил наметившейся было тенденции. Появились первые признаки того, что программа развития реакторов РБМК пересматривается.

В марте 1987 г. Валерий Легасов — первый заместитель директора Института атомной энергии им.Курчатова АН СССР и руководитель советской делегации в МАГАТЭ, дал интервью агентству АПН. Легасов утверждал, что когда в Волгодонске строился завод Атоммаш, который должен был производить оборудование для реакторов ВВЭР, планировалось, что в будущем в СССР будут производиться только реакторы этого типа. Теперь же, когда этот индустриальный гигант начал выпускать продукцию, было принято решение закончить возведение еще 8 реакторов типа РБМК и только затем перейти к строительству реакторов типа ВВЭР. Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что об Атоммаше много писали в советской прессе, до заявления Легасова не было признаков того, что такая перемена может произойти.

Однако комментарии Легасова были подтверждены А.М.Петросьянцем, главой Государственного комитета СССР по использованию атомной энергии. Петросьянц

очень осторожно комментировал ситуацию. Новые меры безопасности, введенные на советских РБМК, заявил он, сделали их работу безопасной и, следовательно, производство энергии, базирующееся на этих реакторах, "может расширяться и дальше". Единственной причиной, по которой производство реакторов типа ВВЭР задерживалось, по словам Петросьянца, была необходимость производить огромные стальные корпуса и мощные защитные купола. Атоммашу, заявил далее Петросьянец, удалось решить эти проблемы, и дальнейшее развитие ядерной энергетики в СССР будет базироваться на реакторах ВВЭР — решение, принятое еще до катастрофы в Чернобыле.

В то время как советские эксперты утверждали, что они завершают реализацию старых планов, реальность, даже для самых объективных наблюдателей, доказывала иное. Только за день до того, как интервью с Петросьянцем появилось в советской прессе, он заявил, выступая по московскому радио, что строительство реакторов № 5 и 6 в Чернобыле "не будет продолжаться". Это заявление противоречило всем заявлениям о будущем этих реакторов, сделанным раньше. И даже если допустить, что еще до всего этого существовала некая долговременная стратегия, этим нельзя объяснить, почему планы были столь резко изменены на полпути. Например, Чернобыль-5 был уже почти полностью готов к моменту катастрофы. Более того, если основной заботой была ситуация с радиацией, то почему все еще оставался в силе план запустить Чернобыль-3 в 1987 г.?

Что касается реакторов Чернобыль-5 и Чернобыль-6, то, возможно, тут сыграли роль факторы, не имеющие отношения к радиации. Но к октябрю 1987 г. было объявлено, что реакторы Кострома-1500 должны быть переделаны в реакторы типа ВВЭР-1000 "по экономическим соображениям". Таким образом, из первоначальных восьми реакторов РБМК, строительство которых должно было быть закончено, только два смоленских реактора и Игналина-2 продолжали строиться. Строительство же четырех других реакторов было остановлено, да и продолжение работ на Чернобыль-3 тоже, видимо, оказалось под вопросом. Таким образом, к концу 1987 г. программа РБМК, несмотря на объявленные усовершенствования мер безопасности, претерпела существенные изменения. Есть свидетельства того, что Чернобыль заставил советские власти обдумать заново всю свою стратегию ядерной энергетики. Но сказав об этом, следует подчеркнуть, что планируемое увеличение мощности ядерной энергетики не претерпело изменений в результате катастрофы в Чернобыле.

Новая энергетическая стратегия

Помимо упора на реакторы типа ВВЭР послечернобыльская программа развития ядерной энергетики предусматривала те же темпы строительства атомных электростанций, которые планировались и до Чернобыля. Такой ход событий несколько удивлял, если иметь в виду замедление строительства атомных электростанций во всем мире в результате чернобыльской катастрофы. Однако в течение 18 месяцев, последовавших за катастрофой, эта программа была подтверждена различными официальными источниками в СССР. Наиболее полно и конкретно советский взгляд на ядерную энергетику и общую энергетическую ситуацию в стране сформулировал Юрий Бублик — глава Всесоюзного научно-исследовательского Института проблем топливной энергетики Госплана СССР в интервью, данном им весной 1987 г. газете "Советская Россия".

Юрий Бублик отметил, что в то время как 75% потребителей энергии находятся к западу от Урала, 80% всех энергоресурсов страны расположены к востоку от него. 40% всех перевозок с востока на запад составляет топливо. Где же выход? Мы должны попытаться, заявил Ю.Бублик, перенести максимально возможное число энергоемких производств на восток и одновременно поднять эффективность потребления энергии в европейской части страны. "Но наши возможности не безграничны". Коэффициент использования гидроресурсов в европейской части СССР очень

высок, а перевозка угля из Сибири на запад сама по себе — "огромная растрата энергии". К тому же сибирский уголь не решит проблемы гарантированной поставки топлива национальной экономике. Таким образом, "нет никакой другой серьезной альтернативы, кроме ускоренного развития ядерной энергетики".

Масштабы советской атомной энергетики и темпы ее роста потрясают. В 1987 г. в СССР действовали 54 реактора общей мощностью в 34469 МВт. Еще 29 реакторов мощностью 31000 МВт находились в процессе строительства. Планировалось построить еще 27 реакторов, общей мощностью 28000 МВт. Целью программы было поднять производство энергии со 170 до 390 миллиардов киловатт-часов в период между 1985 и 1990 годами. Однако эта программа разрабатывалась задолго до катастрофы в Чернобыле. Чрезвычайно важно понять, какое влияние оказал Чернобыль на долгосрочные планы развития атомной энергетики в СССР.

На встрече стран — членов СЭВ в Бухаресте в ноябре 1986 г. председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков подчеркнул, что замедления в темпах строительства атомных электростанций ни в восточноевропейских странах СЭВ, ни в СССР не произойдет. На встрече была разработана перспективная программа развития атомной энергетики вплоть до 2000 года. Согласно этой программе, в странах СЭВ, не считая СССР, общая мощность атомных станций должна вырасти с 8000 МВт в 1986 г. до 50 тысяч МВт к концу века. В СССР же планируемый прирост мощности атомных электростанций должен составить 500—600%, а удельный вес электроэнергии, вырабатываемой на АЭС, в общем энергобалансе страны должен подняться с 11% до 30%. Кроме того, сказал Рыжков, будут построены тепловые атомные станции, которые позволят существенно экономить нефть и природный газ.

Эта политика была выработана, как было сказано, вслед за "тщательным анализом" ситуации в свете чернобыльской катастрофы. По словам Рыжкова, трагедия в Чернобыле не только не положила конец перспективам сотрудничества стран СЭВ в области строительства атомных электростанций, но, "фокусируя внимание на путях достижения большей безопасности, она увеличила важность атомной энергетики, как единственного источника, гарантирующего надежное снабжение энергией в будущем". По словам А.Петросьянца, значение атомной энергетики будет с течением времени возрастать. К 1990 г., если в СССР будут выполнены плановые задания, производство электроэнергии на АЭС возрастет на 70% и составит 21% всей вырабатываемой в стране электроэнергии. На второй стадии, в 1990—2000 годах, атомная энергетика должна будет давать основную долю всего прироста энергии. Новый министр атомноэнергетического машиностроения (министерство, образованное вскоре после катастрофы) Луконин также постоянно подчеркивал, что "стратегическая линия" в развитии атомной энергетики в СССР "остаётся неизменной, несмотря на Чернобыль". К 1990 г. производство электроэнергии на атомных станциях должно вырасти вдвое по сравнению с 1985 г., заявил он, и более чем в три раза увеличится к 1995 г. Луконин снова подтвердил советские планы, изложенные в Вене в сентябре-октябре 1987 г.

Украинская программа атомной энергетики

События в Чернобыле заставили специалистов и наблюдателей обратить внимание и на то, сколь велик в советской атомной энергетике удельный вес АЭС, расположенных на Украине. К концу 1987 г. здесь действовало 20 реакторов (из 58 по стране), которые вырабатывали 11880 МВт электроэнергии. Это означает, что украинские АЭС давали 31,6% всей атомной энергии, а доля ее в энергобалансе Украины равнялась 22%, а не 11%, как в среднем по стране. Тот факт, что Украина заняла ведущее место в планах развития атомной энергетики, объясняется прежде всего тем, что ее угольная промышленность увядает, а нефть, источники которой расположены за тысячи километров от Украины, не может считаться надежной энергетической базой для этой густонаселенной индустриальной республики.

Кроме того, из украинской энергосистемы снабжаются энергией восточноевропейские союзники СССР, и это также усиливает роль Украины в планах развития атомной энергетики страны.

Каковы же планы развития атомной энергетики на Украине? Как повлияла на них происшедшая именно здесь страшная чернобыльская катастрофа? Послечернобыльская энергетическая программа предусматривает, что к 2000 г. украинские АЭС должны увеличить выработку электроэнергии с 11880 МВт до 29100 МВт. Хотя предусмотренный прирост ниже, чем в целом по стране, тем не менее к началу следующего века доля атомной электроэнергии в энергобалансе Украины должна составить 60%, тогда как в целом по стране этот показатель будет равняться 30%. Однако реализация этих планов сталкивалась и продолжает сталкиваться с большими трудностями. В 1986 г. только два — Ровно-3 и Запорожье-3 — из трех запланированных реакторов ВВЭР-1000 вошли в строй. Длительные задержки произошли с пуском реакторов Хмельницкой АЭС и Крымской АЭС. К 1990 г. должно быть введено в строй по два реактора на Крымской, Запорожской и Южноукраинской атомных электростанциях. Атомные электро- и теплостанции строятся в Одессе и Харькове, кстати, довольно близко от центров этих городов. На первой планируется установить четыре реактора ВВЭР-500, а на второй — два реактора ВВЭР-1000. Атомную электростанцию предполагалось построить и вблизи Киева, но в октябре 1987 г. было решено превратить ее в обычную тепловую электростанцию. Нет данных о проектируемой мощности АЭС, строящейся в Чихирине Черкасской области. Предположительно ее средняя мощность будет равняться 4000 МВт.

Итак, катастрофа в Чернобыле отнюдь не привела к сворачиванию программы развития атомной энергетики на Украине, к сокращению количества строящихся здесь АЭС, к замедлению темпов их строительства. Цели послечернобыльской украинской программы почти ничем не отличаются от тех, которые были выработаны задолго до взрыва атомного реактора на реке Припять.

Качество строительства и безопасность АЭС

Хотя советская официальная точка зрения состоит в том, что катастрофа в Чернобыле явилась результатом комбинации почти невероятных обстоятельств, в СССР все же признают, что при строительстве атомных станций были допущены ошибки. Означает ли это, что после чернобыльской катастрофы в строительстве АЭС произошли серьезные перемены? Поняли ли власти, что по соображениям безопасности не только допустимо, но и необходимо задерживать строительство и пуск АЭС? Поняли они, что атомная индустрия не может подчиняться авральным планам?

В том, что касается безопасности реакторов и обучения персонала атомных станций, изменения действительно произошли. Но они не затронули всерьез ни темпов, ни качества строительных работ.

Из-за нехватки электроэнергии на Украине осенью 1986 г. первые два реактора Чернобыльской АЭС были введены в строй еще до того, как завершились работы по ликвидации последствий аварии. Третий реактор все еще был заражен. Временное поселение для операторов — Зеленый мыс — не было построено. Наконец, сами реакторы Чернобыль-1 и Чернобыль-2 не были усовершенствованы, хотя это было признано совершенно необходимым для всех реакторов РБМК-1000 второго поколения. Все происходило по сценарию, типичному для дочернобыльского периода: когда экономическая ситуация требовала, реакторы вводились в строй невзирая ни на что, даже на фактор безопасности!

Во время судебного процесса над работниками Чернобыльской АЭС на одном из закрытых заседаний разбирались аварийная ситуация, случившаяся на Ровенской АЭС. Каковы ее последствия, неизвестно, но случай сочли достаточно серьезным, чтобы сделать судебное заседание закрытым — даже в период гласности!

Но, быть может, самыми тревожными были вести с Хмельницкой АЭС на Западной Украине. Эта АЭС является совместным предприятием стран СЭВ, причем Советский Союз и Польша – самые крупные вкладчики и, следовательно, самые крупные потребители энергии. И все же особо важное значение электроэнергия с Хмельницкой АЭС имеет для Польши. Дело в том, что ее собственная Зарновицкая АЭС не была запущена в срок и в стране возникла нехватка электроэнергии. Почему поляки не сумели вовремя завершить строительство Зарновицкой АЭС, не совсем ясно. Советские руководители, видимо, решили ускорить строительство Хмельницкой АЭС, чтобы выручить польское правительство.

Однако дела со строительством Хмельницкой АЭС складывались крайне неблагоприятно. Хотя работы начались здесь еще в 1977 г., а пуск реактора Хмельницкий-1 намечался на пятилетку 1981–1985 гг., запустить реактор вовремя не удалось. В 1983 г. по решению ЦК КПСС станцию капитально "перетрясли" вслед за скандалом, связанным с "плохим руководством, кражей оборудования, срывами сроков сдачи работ" и т.д. Однако к 1987 г. ситуация, похоже, только ухудшилась. В результате Хмельницкий обком КПУ снял с работы заместителя начальника строительного отдела Н.Ахтянова, а начальник отдела Е.Баженов получил строгий выговор "за срыв срока пуска реактора Хмельницкий-1". В марте 1987 г. пятеро руководителей АЭС получили партийные выговоры. Наказания следовали одно за другим, но положение дел на строительстве не улучшалось. Оно и понятно, ведь проблемы заключались в постоянно меняющихся планах, сваливающихся на строителей, как обвал, в неритмичной поставке оборудования и материалов, а также в неразберихе с технической документацией. К тому же кражи, случавшиеся в 1983 г., продолжались и в дальнейшем. В 1986 г. из фонда строительства было украдено материалов на сумму 45 тысяч рублей.

О каком качестве строительства можно говорить в таких условиях! Но ситуация со строительством Хмельницкой АЭС типична и для других АЭС на Украине и в других республиках. Властям, как видно, не удается придерживаться намеченных сроков строительства АЭС, на стройках по-прежнему царит аврал, а контроль за качеством строительства оставляет желать лучшего. В этом плане Чернобыль, увы, ничего не изменил.

Итак, как же повлияла катастрофа в Чернобыле на советскую энергетическую программу?

Чернобыль заставил советских руководителей усомниться в надежности реакторов РБМК и отказаться от их производства. В будущем в СССР будут делать упор на реакторы ВВЭР.

Чернобыль, безусловно, заставил советских руководителей усилить меры безопасности при эксплуатации атомных станций, повысить требования к качеству оборудования и к подготовке обслуживающего персонала.

Но катастрофа в Чернобыле не заставила советских руководителей отказаться от грандиозных планов развития атомной энергетики и от ускоренных темпов строительства атомных электростанций. Принимая во внимание низкий уровень советской технологии, отсталость инфраструктур и ведомственную неразбериху, легко представить себе, что ускоренные темпы развития атомной энергетики по-прежнему будут приводить к срыву поставок материалов и оборудования на строящихся АЭС, к очередным авралам, к низкому качеству строительных работ и установке на атомных станциях несовершенного и устаревшего оборудования. А ведь именно это, а не "комбинация почти невероятных обстоятельств" явились первопричиной катастрофы в Чернобыле.

Валерий СОЙФЕР (Коламбус, США)

КОЛХОЗНЫЕ АКАДЕМИКИ

40 лет назад, в августе 1948 г., в Москве состоялась сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), на которой была окончательно запрещена генетика как наука, а представители ее объявлены вне закона.

Странная то была сессия. Присутствующие рукоплескали в ответ на самые грубые выпады против науки, на оскорбления крупнейших ученых России. С одобрением встречались нелепые по форме и совершенно недоказанные положения, подававшиеся тем не менее под видом последнего слова самой передовой науки — мичуринского учения.

Однако такое поведение людей, носящих высокие звания — академиков, членов-корреспондентов, профессоров, объяснялось просто. К 1948 г. среди членов ВАСХНИЛ почти не осталось ученых в подлинном смысле этого слова. В зале сидели люди, носившие высокие титулы, но титулами прикрывалось даже не отсутствие научных заслуг, а просто отсутствие элементарных знаний. Эти колхозные академики (опустим кавычки, иначе их слишком часто пришлось бы повторять) прошли селекцию в атмосфере политических репрессий сталинских времен, прошли школу особого рода. Их натравливали на интеллигенцию вообще и на ученых в особенности. Чтобы понять причины их поведения, нужно вспомнить многочисленные язвительные замечания В.Ленина в адрес интеллигенции и его знаменитую формулу: "Это не мозг нации, а говно", равно как и многочисленные упражнения Сталина в оскорблении "жрецов науки, замкнувшихся в свою скорлупу".

На фоне травли ученых разворачивалась кампания восхвалений Трофима Лысенко. Его предложения, фантастические по сути и не прошедшие никакой проверки, а лишь сменявшие друг друга, как только становилась ясной их ошибочность, преподносились в газетах и журналах как последнее слово советской науки. Начиная с первой статьи о нем в "Правде", опубликованной в 1927 г., шум о Лысенко становился все более громким. Его называли великим ученым, разрушающим вредные догмы буржуазных специалистов.

Но пока еще наука и научные учреждения не были разрушены, ученые старались использовать имеющиеся возможности для проверки его предложений. Первой такую проверку прошла яровизация (обработка холодом проростков) пшениц. Контрольные эксперименты велись в течение 5 лет на 54 сортах, расположенных по всей стране. Руководили работой выдающиеся селекционеры, профессора Тимирязевской сельскохозяйственной академии П.Н.Константинов и П.И.Лисицын. Обнародованный в 1936 г. вывод звучал убийственно: "В среднем по годам наблюдалось то снижение, то повышение (урожайности — В.С.) от яровизации, а в среднем за пять лет яровизация прибавки почти не дала". На деле это означало, что яровизация себя не только не оправдала, но принесла огромный вред. Ведь на постоянное многонедельное перелопачивание буртов намоченной и прорастающей пшеницы, на обливание их водой, на борьбу с плесенью и т.п. отвлекались силы колхозников (там, естественно, где яровизацию осуществляли на полях, а не на бумаге).

Как только надежно проверенные данные анализа яровизации были обработаны математически, П.Н.Константинов, П.И.Лисицын и болгарский ученый Дончо Костов, приехавший в СССР, чтобы работать вместе с Н.И.Вавиловым, написали большую статью с изложением результатов. После этого в лысенковском Институте

генетики и селекции в Одессе разразилась настоящая буря. Сам Лысенко написал несколько бездоказательных, но наполненных бранью в адрес ученых статей. То же проделал и его ближайший помощник, специализировавшийся на "философском" осмыслении идей Лысенко — И.Презент¹. Начали лысенковцы искать поддержку и у крестьян, выставляя их в качестве арбитров в научном споре.

На этом новом для научной полемики явлении — использовании в качестве самого весомого аргумента высказываний колхозников — я хочу остановиться подробнее.

Людям простым фантазии Лысенко могли показаться более правильными, чем положения ученых, именно в силу их примитивности. Отсутствующее в них научное ядро заменялось простенькой и поверхностной по сути, но зато легко объясняемой идейкой. Откуда, например, колхозникам было знать, сколь различны озимые и яровые сорта. Растения на первый взгляд неотличимые, пшеница и пшеница, просто одна растет с весны до осени, а другая — с осени до середины лета. Или — какое колхозникам было дело до того, что законы генетики *запрещают* вести селекцию новых сортов на нечистом материале, требуют сначала получать наследственно однообразные организмы (чистые линии), а затем уже скрещивать эти чистые линии. А почему, собственно говоря, только на чистых линиях? А может быть, даже лучше будет, если все эти чистые линии между собой скрестить, или переопылить сорта любой посторонней пылью? А может, такое переопыление приведет к "обновлению семян"?

Не вдаваясь в глубину вопросов, Лысенко просто и понятно утверждал, что все эти законы, запреты, правила выдуманы буржуазными специалистами, преследующими корыстные цели наживы и неизвестными с боевой, революционной работой самых передовых в мире крестьян — советских колхозников, а колхозники способны с помощью яровизации или "обновления семян" чудеса творить. Буржуазные же спецы вместо того, чтобы радоваться таким замечательным открытиям, пытаются их оспаривать и опровергать.

Конечно, к тому времени, когда Лысенко принялся именно так представлять критические взгляды и высказывания крупных ученых, он уже приобрел силу в среде партийных руководителей и сам получил (хоть и незаслуженно) титул академика — сначала Всеукраинской Академии наук, а затем и ВАСХНИЛ. Он уже был научным руководителем Института генетики и селекции в Одессе, главным редактором журнала "Яровизация", членом ЦИК и ВЦИК, дважды выступал перед Сталиным, заслужил его горячее одобрение и прочая, и прочая. Время, когда еще можно было чисто научными методами добиться пересмотра его предложений, ушло. Не следует забывать и того, что к политиканскому заигрыванию с колхозниками прибегали тогда многие. К той же колхозной массе не раз апеллировали и такие крупные ученые, как Н.И.Вавилов, тем самым вроде бы подтверждая правомочность такого подхода (например, на встрече колхозников со Сталиным в Кремле в декабре 1935 г. Н.И.Вавилов долго говорил, обращаясь к колхозникам, какое это счастье работать бок о бок с ними, учиться у них и т.п.).

Вместе с тем Трофим Лысенко сам уже во многом поднатюрел, оказавшись в научной среде, знал слова, неведомые крестьянам, и они за это чтили его как Бога. Но и он одарил их новыми возможностями, дал им право называть избку с десятком книжек, весами и термометром на столе — "хатой-лабораторией" (все, как в настоящей науке — своя лаборатория), величал их "колхозными академиками".

Решив обратить незнание этих людей себе на подмогу, Лысенко поступил крайне расчетливо. В Одессе, как уже упоминалось, организовали краткосрочные — от недели до трех недель — курсы для колхозников. Примитивным языком сам Лысен-

¹ И.И.Презент окончил трехгодичный факультет общественных наук Ленинградского университета им. Бубнова, а не был юристом по образованию, как утверждал Ж.А.Медведев.

ко, а чаще вместо него И.Презент или другие хлопцы из собравшейся вокруг Лысенко команды рассказывали доходчивые байки о том, как растет, как развивается растение, доходчиво излагали суть лысенковских предложений, а параллельно клеймили врагов лысенковской науки, объясняя, что эти люди зазнались и будут мешать жизни самих простых колхозников, раз высокомерно посягнули на самое святое для крестьянства – на замечательное учение товарища Трофима Денисовича Лысенко, нашего народного академика. (Благодаря этому изначально проповедовавшиеся идеи всеобщей справедливости и равенства возможностей изначально же стали перерастать в свою противоположность – и это было также фактором формирования лысенкоизма).

Затем Лысенко и Презент решили использовать в своих целях приглашенных на семинар в Одессе. 28 октября 1936 г. в Одесском институте провели открытое партийное собрание (дела научные нужно было теперь решать не иначе как на партийном собрании). Презент зачитал выдержки из критической статьи Константинова и соавторов, а затем, как сообщалось в отчете об этом собрании коммунистов, "горячее участие в обсуждении этих вопросов приняли прибывшие на курсы при институте заведующие хатами-лабораториями из Днепропетровской области". В журнале "Яровизация" были срочно напечатаны отрывки из их речей, насколько возможно стилистически подправленные редакторами, с неизменно факсимильным воспроизведением подписей-каракулей авторов выступлений. Эти люди, недавно познавшие грамоту, брались уверенно судить об ошибочности мнений ученых с мировым именем: ведь теперь им было предоставлено право на равное с академиками волеизъявление. Приговоры их были единодушными".

"Мы, колхозники, знаем пока единственного человека из людей науки, который открыл нам глаза... этот человек и есть академик Лысенко... И вот я узнаю, что в науке есть немало людей, старающихся очернить, оклеветать, работу того, кого колхозники больше всего из людей науки знают, кому больше всего из ученых верят. Выслушав зачитанные тов. Презентом выдержки из статьи, написанной акад. Константиновым, Лисицыным и Костовым, я прихожу к выводу, что да, есть еще ученые, которые смотрят не туда, куда советскому ученому смотреть следовало бы", – сказал Петро Козыряцкий из колхоза им. Кирова Запорожского района. А колхозник Юрченко из "Спілної праці" Васильковского района сделал такое заявление:

"Кое-кому становится непонятным, как объяснить такое явление, что против такой жизненной науки Лысенко выступают некоторые другие люди науки? Мне, как колхознику, этот вопрос кажется очень прост. Я его понимаю так: "факты" обвинений, которые выдвигаются против акад. Лысенко, родились из ревности, зависти, на базе собственного незнания того, что действительно надо колхозам. Только это и могло способствовать написанию такого рода статей, которые вызывают только смех и сожаление о том, что некоторые люди, не брезгая даже клеветой, решили выступить против работ Т.Д.Лысенко".

Н.Брижан из колхоза "Коминтерн" Красноармейского района говорил:

"Великий Сталин поставил перед нами задачу добиться высоких урожаев, сделать жизнь колхозника зажиточной... И мне лично довольно странными кажутся рассуждения академиков Константинова, Лисицына и доктора Костова о том, что будто бы яровизация дает снижение урожая".

Лысенко и Презент нашли прекрасный, по их мнению, выход из положения: раз уж люди из низов против академиков-критиканов, то людям на верхах должна быть ясной глубина их грехопадения. Нападки на критиков лысенковщины ширились.

Привлекая на свою сторону колхозников, для которых строй мыслей, факты и аргументация ученых были темным лесом, лысенковцы утвердили новый способ дискуссий: вместо аргументов в ход пошли окрики, вместо возражений – ссылки на отклики из колхозов и совхозов. Редактируемый Лысенко и Презентом журнал "Яровизация" запестрел письмами простых крестьян, которые, славя "народно-

го академика”, противопоставляли ему “кабинетных ученых”, “буржуазных приспособленцев”, якобы ставивших палки в колеса “народному герою” – Лысенко.

Шла цепная реакция. Лысенко подстегивал колхозников, а они, в свою очередь, прибавляли все больше смелости самому Лысенко и давали ему возможность козырять перед властями “откликами с полей”, ссылаться на “мнение народа”. Все, кто пытался хотя бы и в самой строгой академической манере изложить свои замечания или просто поделиться сомнениями, расценивались теперь Лысенко и его клеветами как враги советской власти, выступающие уже не против него лично, а против науки и общества в целом, а иногда и хуже – как буржуазные перерожденцы и классовые враги. Именно Лысенко был первым, кто во время встречи со Сталиным назвал ученых, возражавших против его идей, “классовыми врагами”, чем вызвал бурную радость Сталина.

Так формировался новый стиль борьбы с инакомыслящими в научной сфере, стиль шельмования, оскорблений, нетерпимости, политической подозрительности и доносов. Так воспитывалась молодежь, которую натравливали на уважаемых ученых.

Подбивая этих людей на такой путь, Лысенко подыгрывал партийной пропаганде, подлаживавшейся, в свою очередь, под Сталина, который утверждал сходный стиль в управлении страной.

“Осуществляется единение науки и труда”, – писала “Правда” в передовой статье 18 ноября 1937 г. То же самое, своими словами, твердил Лысенко. К двадцатилетию советской власти вышел специальный номер журнала “Яровизация”, в котором – также в передовой статье – говорилось:

“...смелая постановка и разрешение проблем и постоянное чувство ответственности перед социалистической родиной... массовость исследовательской работы, участие в ней тысяч колхозников-опытников... смелое выдвижение талантливых исследователей из среды масс опытников-колхозников... – вот замечательные черты советской агробиологической науки”.

В этом же номере Лысенко опубликовал большую статью “Колхозные хаты-лаборатории – творцы агронауки”. В ней он обсуждал две темы: вредоносность генетики и жизнеспособность создаваемой им агробиологии, которую, по его мысли, должны были развивать передовые колхозники:

“Трудно отделаться от мысли, – писал он, – что в нашей массовой, научно-исследовательской агрономической работе не столько ты учишь колхозников, сколько они тебя учат”.

В качестве образца он приводил такой пример подобного “обучения”. Он сообщал, что благодаря “опытам” колхозников по внутрисортному скрещиванию удалось повысить содержание белка в зерне пшеницы, и оказалось, что:

“Значительное увеличение в зерне пшеницы процента белка дает более вкусный и питательный хлеб. Это очень важное явление. Всего этого, до получения колхозных образцов, я не знал. А теперь это... является одной из проблем, в сути которой мне предстоит разобраться, – иначе какой же я буду исследователь и руководитель Института”.

Заявление это удивляло: человек, взявшийся руководить институтом, не знал элементарной истины о зависимости свойств клейковины (а значит, и свойств выпекаемого хлеба) от содержания белка. Истину эту открыли вовсе не колхозники, а ученые, притом – за несколько десятилетий до этого. И не гордиться надо было такими “откровениями”, а стыдиться собственной безграмотности.

Призывы Лысенко смело идти в науку, обращенные к малограмотным людям, не остались безответными. Нашлось немало смельчаков, решивших, это дело такое им вполне по силам.

Но одними призывами к колхозникам Лысенко не ограничивался. Ведь подходил к концу 1937 год. Сталинский террор достиг зловещих масштабов. Лагерь и

тюрьмы уже поглотили многих из тех, кто стоял на пути у Лысенко. И не без прозрачного намека скептикам он писал в этой статье:

"Кое-кто из ученых поспешил высмеять нас... Но бояться смеха нечего. Боятся смеха только тот, кто чувствует себя виноватым. Мы же, при участии многочисленных хат-лабораторий, делаем полезное для колхозов научное дело... Ведь кое-кто пробовал смеяться и по поводу яровизации, и по поводу летних посадок картофеля, и по поводу чеканки хлопчатника. А ВЕДЬ СЕЙЧАС, ПОЖАЛУЙ, ТЕМ, КТО ЗЛОБНО НАД ВСЕМ ЭТИМ СМЕЯЛСЯ, УЖЕ НЕ ДО СМЕХА" (выделено мной, В.С.).

Такие предостережения академика могли напугать и остановить многих.

Для изучения законов генетики нужны были и глубокие знания, и большая усидчивость. Даже многие сравнительно грамотные специалисты относились в те годы с недоверием к казавшимся им абстрактными выкладкам генетиков, не могли осилить их аргументацию и потому не признавали их правоту. В 1958 г. выдающийся русский генетик С.С.Четвериков рассказывал мне, как порой трудно приходилось ему в конце 40-х гг. (пока его еще не выгнали с работы) преподавать студентам генетику. С.С.Четвериков заведовал кафедрой генетики и селекции в Горьковском университете, куда ему разрешили переехать после многолетней ссылки.

"Студентам надо было здорово потрудиться, — говорил Сергей Сергеевич, — чтобы проникнуть в мир генетических знаний, а параллельно со мной, в соседней аудитории А.Н.Мельниченко, в соответствии с распоряжением Министерства высшего образования читал лекции по курсу "мичуринской генетики". А там все просто, понятно, доходчиво. Не надо знать ни генов, ни геномов, наследственность послушно изменяется, стоит лишь измениться внешней среде, никакой математики. И ходили самые тупые студенты в отличниках у Мельниченко, росла их неприязнь к другим профессорам университета".

Так вели себя студенты университета. Что же было говорить о безграмотных крестьянах, читавших по складам, ни дня не учившихся в институтах, но воспитывавшихся в духе возможности "выбиться в ученые", минуя систематическое образование? В том, что такое желание было у многих, можно убедиться на примере одного из крестьян, Терентия Семеновича Мальцева, работавшего заведующим хатой-лабораторией в колхозе "Заветы Ильича" в селе Мальцево Шадринского района тогда Челябинской, а теперь Курганской области. С 22 по 25 октября 1937 г. Т.С.Мальцев был на семинаре в Одессе, выступил с большой речью, которая сразу вывела его на первые роли в среде таких же, как он, крестьян-опытников.

"Школьного образования у Мальцева нет, — говорилось в лысенковском журнале "Яровизация" в статье "Таланты и самородки", — но по складу ума, по наблюдательности, по умению исследовать, анализировать и обобщать — это настоящий человек науки".

Сам Мальцев так рассказывал о себе на семинаре:

"Только в 1919 году, по возвращении из германского плена, мне случайно удалось прочитать ряд антирелигиозных, научно-популярных и политических брошюр, после чего и наметился в моем сознании поворот от предрассудков к знанию. А диалектический материализм, за изучение которого я взялся лишь два года назад, по-настоящему раскрыл мне глаза на природу. То был крепкий орешек, но я его раскусил, и плод оказался сладким. Раньше все в книгах ученых о природе казалось мне правильным, что бы я в них ни прочитал; теперь же я стал разбираться в литературе, и сейчас бросить науку для меня просто-таки невозможно. Какая-то внутренняя сила влечет меня все глубже и глубже распознавать все тайники жизни, все случайности, и эти случайности познать в качестве необходимости, с тем, чтобы уметь свободно пользоваться законами и явлениями природы на благо своей великой социалистической родины".

Высказал свое мнение Мальцев и по вопросу, который Лысенко теперь задавал каждому слушателю, требуя безоговорочного ответа: согласен ли он, что генетика — вредная для колхозников заумь? Лысенко твердил, что никаких генов нет, что число признаков организмов огромно и потому места в маленькой клетке не хватит, чтобы уложить внутри их ядра отвечающие за каждый признак гены. Он упрямо настаивал на том, что внешняя среда способна легко менять наследственные свойства организмов. Эти примитивные конструкции легко оседали в головах малоискушенных людей, в том числе — и Терентия Мальцева. В своем выступлении он об этом убежденно высказался:

”Большинство изданных до сих пор книг по генетике и селекции не помогало опытникам узнать всю сущность развития жизни организмов... По-моему, тысячу раз прав Т.Д.Лысенко, что он новыми методами своей работы, построением своей новой революционной теории, систематически, как камни в застоявшуюся воду, бросает вызов за вызовом представителям старой генетики”.

”Надо, чтобы нас, опытников, — продолжал он, — систематически в популярной форме держали в курсе событий передового научного фронта. Ведь мы, опытни-ки, также обо всем хотим знать, что нового приобретает наука. Только нам надо об этом рассказывать более понятным языком, но не упрощая содержания, н е в ы х о л а щ и в а я ” с а м о г о с л а д к о г о ”. Я про себя скажу, что мне прямо-таки сильно хочется познать жизнь растения и научиться хоть немного управлять им, чтобы послужить чем-либо делу покорения природы на пользу свободного человека нашей страны. Но мне самому с этим очень трудно справиться и во всем разобраться безошибочно. Ведь я же дня нигде не учился, даже в сельской школе дня не бывал, а всю жизнь достигаю знания лишь шаг за шагом своими собственными силами — самоучкой. А таких, как я, которым революция, советская власть открыла дорогу в науку, — немало в нашей стране. Ученые специалисты должны помочь нам, опытникам-колхозникам, все глубже и глубже входить в науку, и это дает нам богатейший урожай в виде сознательных и прилежных, своего рода ученых колхозных кадров”.

Это выступление Мальцева отлично отражало устремления, складывавшиеся в среде таких же, как он, колхозников-опытников. Не было ни капли стеснения, о пробелах в образовании или полном отсутствии такового говорилось спокойно и даже с вызовом: мол, вот какие мы лихие, до всего сами доходим! Никто не сомневался в том, что познать всякие там науки — проще пареной репы. Нужно только, чтобы эти там, которых на народные денежки раньше в гимназиях и университетах обучали, перво-наперво растолковали таким вот опытникам, что в науке сладкого и что горького уже наоткрывали, затем чтобы систематически держали в курсе всего нового (да чтобы никакой там зауми, сложности, терминов и формул: ”нам надо об этом рассказывать более понятным языком, но не упрощая содержания” — только так!). А уж там, после этого, мы и сами с любыми задачами справимся, нам эти книжные черви больше и нужны не будут. Эта безза-стенчивость и поражает больше всего.

Но еще и до овладения таким адаптированным знанием Мальцев посчитал своим долгом образумить генетиков, которые зашли в тупик и злонамеренно завели туда всю науку генетику:

”Я часто теперь задаю себе вопрос. Что было бы с генетикой и генетиками, если бы их не тревожили такие люди, как Т.Д.Лысенко. Нашли ли бы генетики выход из того тупика, в который их завела гипотеза независимости генов? Хотя я, повторяю, еще мало искушен в генетике, но все же понял, что не может быть никакого наследственного вещества, не зависящего от сомы... и я никак не могу понять генетиков, которые считают, что половые клетки живут только ”на квар-тире у сомы”, не перенимая никаких ”нравов” и ”навыков” у их хозяев — соматических тканей. Ведь всякий скажет, что так мыслить абсурдно. Генетика же утверждает, что на каждый признак или группу признаков есть ”ген” или

группа "ген". Я и спрашиваю, сколько же может быть у организма, тем более многоклеточного, признаков? Я думаю, что вряд ли можно для их подсчета набрать достаточно цифр, могущих выразить число, переваривающееся в человеческой голове... И вот, когда задумываешься над такими вопросами, то поневоле удивляешься фантазии генетиков, которые ведь должны принимать такое количество ген в хромосомах, которого не выдерживает никакая фантазия... Не вмещается в моей голове также учение генетиков о неизменности ген... Когда я читаю выступления генетиков (работы генетиков он прочесть просто не смог бы, а вот выступления читает! — В.С.), то насколько доступно моему понятию, я чувствую, что у генетиков сквозит метафизика, и путей к дальнейшему развитию их учения как-то не видится, а скорее они подходят к стене. Я бы хотел узнать от генетиков, каким образом у Ивана Владимировича Мичурина в его саду ген оказался непрочным? Чем это он его сумел раздобыть, или, по крайней мере, сделать эластичным, буквально ручным? Никто никогда из генетиков не пытался по-настоящему дать научное объяснение тому, что это за "чудесная" сила руководила знаменитым стариком. А ведь факт, что Мичурин оставил нам в наследстве сотни новых растений".

Последние фразы особенно показательны. Лысенко и Презент усиленно пропагандировали тезис, что Мичурин якобы добился в своей работе чудесных изменений наследственности плодовых растений путем изменения питания, условий выращивания и прочих доступных любому человеку манипуляций. Однако на самом деле все изменения наследственности яблонь, груш, слив, которые обнаружил Мичурин, были следствием рекомбинации имевшихся генов родителей, а попытки изменить наследственность путем чисто внешних воздействий (Мичурин, например, бился над выведением сладкоплодовых сортов яблонь с помощью впрыскивания под кору дерева растворов сахара!) окончились провалом. Сам Мичурин особенно и не настаивал на тезисе, что внешняя среда лепит организмы, и ни к генетике, ни тем более к лысенковщине он отношения не имел. Из оставленного наследства в виде сотен новых сортов (но никак не видов растений!) в садах России почти ничего не сохранилось. Его сорта оказались короткоживущими. Но упирая на существование этих сотен сортов, Лысенко и его подопечные намеренно вводили в заблуждение своих слушателей, а с их голоса в наступление на генетику шли такие люди, как Т.С.Мальцев, которые и о Мичурине знали что-либо только понаслышке. Кстати, обвинять генетиков в том, что они не могут дать объяснения методам работы Мичурина, было никак нельзя, ибо первое время они вообще не обращали внимания на эти работы, так как Мичурин прямого отношения к генетике не имел. Позже (начиная с 1939 г.), учтя эти постоянные ссылки "мичуринцев" на успехи "знаменитого старика", они подробно разобрали достижения и ошибки Мичурина.

Таких, как Мальцев, последователей у Лысенко было много. Подавляющему большинству из тех, кто почувствовал вкус к "науке" и "научной деятельности", нравилась горячность Лысенко, его показная смелость в отбрасывании авторитетов, декларации о связи его "науки" с практикой. Цели, провозглашаемые Лысенко, казались им близкими и понятными. "Полезную науку колхозник всегда поймет и оценит", — сказал на том же семинаре некто Кравец из молдавского колхоза имени XVII партсъезда.

Подлаживаясь под эти настроения, Лысенко задавал участникам семинара риторический вопрос:

"Почему такие люди, как Мальцев, Иванов, Литвиненко и сотни других... ставших подлинными учеными-исследователями, не могут работать на опытных станциях и в научно-исследовательских институтах, в том числе и всесоюзного значения? Практику такого выдвижения пора уже распространять на агробиологические научно-исследовательские учреждения..."

В опубликованном отчете об этой встрече говорилось про доклад Мальцева, выдержки из которого я привел выше: "Такой доклад сделал бы честь любому профессору генетики, если бы последний правильно понимал такую".

Пороча генетиков и науку, лысенковцы публиковали в журнале "Яровизация" фотографии колхозников и называли их на полном серьезе "народными академиками". А рядом с портретами Якова Иванова, Ивана Литвиненко и Терентия Мальцева можно было прочесть:

"У нас есть все основания утверждать, что подлинная наука о природе, о жизни не может мыслиться без людей... 30–20–10 лет назад еще темных, неграмотных... которые по-большевистски взялись за переделку в интересах социализма. Только кастовое высокомерие и политическая слепота, подчас прикрывающие нечто более худшее, мешают "жрецам науки" признать тот неоспоримый факт, что хаты-лаборатории – этот агрохимический мозг колхозного производства – представляют из себя неотъемлемое важнейшее звено советской агрономической науки, что достижения последней были бы невозможны без этих небольших, но многочисленных научных центров".

Последующая судьба Мальцева оказалась даже более счастливой, чем у Лысенко. К его чести, он не стал рваться к высоким постам, всю жизнь прожил в любимом селе, свою работу выполнял с прилежанием. Конечно, он часто выступал в печати, по радио, как и его учитель, специализировался на особо вдохновенном прославлении Сталина. Его рвение было вознаграждено: он стал сначала членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, а потом почетным академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Сталинской (сейчас называемой Государственной) премии, был депутатом Верховного Совета СССР, дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда. В честь 90-летия со дня рождения 13 ноября 1985 г. ему вручили шестой орден Ленина.

Мальцеву приписывают создание системы земледелия, позволяющей и сохранить землю, и получать устойчивые урожаи. Возможно, он в чем-то воспроизвел канадско-американский опыт, отчасти догадался сам, – как вести хозяйство в местах, где нередки засухи. Однако мальцевские приемы до мелочей схожи с разработанными Н.М.Тулайковым, в свое время изложенными академиком в газетах, журналах и книгах. Конечно, академик Тулайков гораздо глубже разработал свою систему, выводил ее из достижений всей современной ему науки, и тулайковская система более гибка. Однако и Мальцев в своем деле стал настоящим мастером.

Интерес к почвозащитным системам земледелия особенно обострился после катастрофы с черными бурями, унесшими плодородный слой земли с миллионов гектаров. Брежнев в книге "Целина" вспоминал, что когда эта беда стряслась, он специально поехал к полевому Мальцеву за советом – как пахать, когда пахать, чем пахать... Малограмотный, но мыслящий самобытно и обладающий богатым крестьянским опытом, Терентий Семенович заменил Леониду Ильичу опыт сельскохозяйственной науки. Недавно Т.С.Мальцев снова попал в фокус внимания, когда новый лидер М.С.Горбачев ездил в Сибирь разбираться с причинами недостатков и в промышленности, и в сельском хозяйстве и снова советовался не с учеными, а с Мальцевым, а потом ссылался на Мальцева во время совещания с руководителями Сибири.

Унижение науки в эпоху лысенковщины готовило платформу для последующего не менее опасного социального феномена, развернувшегося почти на столетия позже, когда науку объявляют ответственной за многие промахи. Принижение науки в угоду практицизму – прямое и трудно искоренимое следствие политики тех лет. Социальные просчеты, опасные своей долгоживучестью, трудностью вытравливания из сознания масс – одно из страшных последствий лысенковщины. Отношение к науке как к служанке общества, долженствующей утолять не жажду познания неведомого, а быть всегда и во всем лишь опорой практикам, – сохраняется. И не только в биологии. ●

Дэвид КОУТ (Лондон)

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА

Сейчас, в разгар перестройки, нелишне вспомнить опыт друзей — перестройку, которую пыталась осуществить в 1968 г. КПЧ во главе с Александром Дубчеком. Мы публикуем главу из книги английского политолога "Год баррикад: 1968". В следующем номере мы напомним читателям, как была сокрушена перестройка.

"По нашей собственной свободной воле"

Прага, 1 мая 1968 года. Огромная процессия, над которой колыхнется лес знамен, проходит через Вацлавскую площадь. "Впервые по нашей собственной воле", — гласит один из кумачевых транспарантов.

Идут члены организаций, которым двадцать лет затыкали рот, ветераны интернациональных бригад, ветераны Второй мировой войны, бывшие политзаключенные и даже группа мелких землевладельцев и ремесленников в традиционных костюмах своих гильдий. Официальный орган чехословацкой коммунистической партии газета "Руде право" отмечает праздник "весеннего расцвета и обновления общественной жизни, свежего ветра демократических свобод".

На демонстрацию с трибуны смотрят лидеры страны: первый секретарь КПЧ Александр Дубчек, президент Людвик Свобода, командовавший во время войны чехословацким корпусом в Советском Союзе, арестованный в 1952 году, позже реабилитированный и ставший Героем Советского Союза; динамичный либерал Йозеф Смарковский — президент Национальной ассамблеи, ключевая фигура Пражского восстания 1945 года, которого впоследствии обвинили в том, что он был "агентом гестапо", и посадили; Отто Шик — "мозговой трест" экономических реформ; премьер-министр Олдржих Черник. Тут же на трибуне знаменитый бегун, олимпийский чемпион — полковник Эмиль Затопек.

Пражская весна проходила в три этапа. Первый начался 5 января 1968 г. с ухода всемогущего Антонина Новотного, первого секретаря ЦК партии, и продолжался до начала марта, когда в стране практически перестала существовать цензура (хотя влияние сторонников Новотного все еще было достаточно сильным, чтобы препятствовать либерализации). 21 марта Новотный ушел с поста президента страны, это стало началом второго этапа Пражской весны — периода "Программы действий" и самой стремительной либерализации. Наконец, в июне начался третий этап (оборванный советским вторжением 20—21 августа), когда режим Дубчека одновременно пытался и сдержать либерализацию, и парировать советские угрозы.

К тому времени парламентской демократии в Чехословакии не существовало уже двадцать лет. С ней было покончено в 1948 г., когда двенадцать министров, не состоявшие в компарии, подали в отставку в знак протеста против засилья коммунистов в Министерстве внутренних дел и в полиции. Коммунисты ответили на это военным переворотом в феврале 1948 г., подчинив себе все средства связи, а затем организовав дутые выборы с единственным списком кандидатов. По распоряжению лидера коммунистов Клемент Готвальда проводились чистки, в ходе которых были арестованы тысячи "буржуазных националистов" и задавлена католическая церковь. Промышленность была национализирована, сельское хозяйство — коллективизировано. Словом, все прошло по классической схеме, и через двадцать лет Чехословакия все еще корчилась в путах, пытаясь сбросить их и заново открыть для себя "социализм с человеческим лицом". Лишь немногие чехи ясно представляли себе его контуры.

Полицейский террор обрушился и на саму партию. В 1951—52 гг. одиннадцать партийных лидеров были казнены за так называемый титоизм. В Чехословакии число репрессированных коммунистов было в три раза больше, чем во всех остальных странах-сателлитах, вместе взятых. Циклы истерии, обличений и признаний следо-

вали один за другим. По данным Владимира Кусина, между 1948-м и началом 60-х гг. более ста тысяч человек отбывали заключение по политическим обвинениям. Десятки тысяч были подвергнуты пыткам. Тысячи умерли в тюрьме. И около 300 человек были казнены. В 1955 г. приемник Готвальда Антонин Новотный торжественно открыл на Пражских высотах над рекой Влтавой огромный памятник Сталину, считавшийся самым большим в мире.

Антонин Новотный руководил партией по-сталински. Функции высшего партийного органа — Пленума ЦК — сводились к механическому утверждению решений, принятых Президиумом ЦК или самим Новотным. Критика рассматривалась как "угроза единству", потенциальным критикам просто не давали говорить.

Писатели и студенты

Первый серьезный вызов системе бросили писатели и студенты. На IV съезде чехословацких писателей, состоявшемся в июне 1967 г., молодой писатель Людвик Вацулик, автор повести "Топор", заявил, что "в стране за двадцать лет не была решена ни одна человеческая проблема". Он говорил о власти, которая "становится все более и более гомогенной, отбрасывая все чуждое до тех пор, пока каждая ее часть не станет точной копией целого, а все ее части — взаимозаменяемыми". С невероятной смелостью он добавил: "Этот съезд состоялся не потому, что так решили члены нашей организации, а потому что наш хозяин... нам это милостиво разрешил. Он ждет, что за это мы, как истари повелось, восславим его династию". Искусство и власть, сказал Вацулик, не могут "петь в унисон", они "несовместимы друг с другом".

Милан Кундера, автор "Шутки", публикация которой была задержана из-за придинок цензуры, сказал на съезде: "Мне иногда становится жутко при мысли, что наша цивилизация теряет тот европейский характер, который был всегда так по сердцу чешским гуманистам и просветителям". Он говорил и о свободе: "...Охрана границ все еще считается у нас большей добродетелью, чем переход через них".

Представитель официальной культуры Иржи Хендрих бросился в яростную контратаку. Культурный еженедельник ЦК КПЧ "Культурни творба" обвинил Вацулика и других писателей, высказавшихся на съезде, в том числа Павла Когоута, Александра Климента и Вацлава Хавела, в демагогии и анархизме. Вацулик, А.Й.Лим и Иван Клима были исключены из партии. Милан Кундера, Когоут и Ян Прохазка получили партийные взыскания (последнего изгнали из ЦК), других писателей перестали печатать. Национальная ассамблея получила указание осудить писателей-диссидентов. Это было прелюдией к наказанию всех писателей: еженедельник Союза писателей "Литерарни новини" перешел в ведомство Министерства культуры.

От Новотного к Дубчеку

30 октября 1967 г. открылось заседание Пленума ЦК КПЧ. Александр Дубчек, бывший в то время первым секретарем компартии Словакии, подверг критике (под предлогом защиты словацких национальных интересов) господствующий консерватизм: "Ни эмигранты, ни агенты империализма не могут причинить нам серьезного вреда. Поэтому мы не должны направлять против них орудие мощной и необъективной пропаганды, наносящей ущерб нам самим".

Хотя выступление Дубчека было выдержано в обычных для него умеренных тонах, оно явилось первой серьезной критикой линии партии — и самого Новотного. Дубчек потребовал разделения партийных и государственных функций: Новотный был не только первым секретарем ЦК КПЧ, но и президентом страны и командующим ее вооруженными силами и народной милицией. На это Новотный, неспособный избавиться от психологии "ледникового периода", резко бросил: "В нашей жизни больше

чем достаточно демократии!" "Слишком словак", — отозвался он о самом Дубчеке.

И вот на политическую арену выступили студенты. Прежде всего — Карлов университет, на двенадцати факультетах которого училось около 20 тысяч студентов, самый большой и самый радикальный в Чехословакии. Режим Новотного осуществлял жесткий контроль над студентами с помощью Союза чехословацкой молодежи (СЧМ), состоять в котором для них было обязательным. В стране не было ни одного независимого студенческого журнала, и только в 1966 г. появился первый такой еженедельник — "Студент". Заправляли в СЧМ партийные карьеристы, которым перевалило за тридцать.

Студенческие волнения начались как обычно во время майских шествий ("май-лес"), представляющих собой что-то вроде карнавала с аллегорическими масками, юмористическими плакатами и афишами, с импровизированными представлениями. В 1965 и 1966 гг. эти празднества кончились беспорядками. В 1965 г. студенты короновали "майским королем" Аллена Гинзберга. Власти незамедлительно исключили его из университета.

В 1965 г. в студенческий комитет Пражского университета (один из филиалов СЧМ) вошли радикалы: Любомир Холечек, Иржи Голуб, Ян Каван, Карел Кованда, Иржи Мюллер, Мирослав Тиль и другие. На студенческой конференции в декабре 1965 г. Мюллер предложил, чтобы "СЧМ, если потребуется, взял на себя роль оппонента партии". Власти забились тревогу. В декабре 1966 г. Мюллер был исключен из университета и призван в армию. Холечек постигла та же участь.

1 мая 1966 г. студенты, мастеровые, служащие и рабочие, в большинстве молодежь, прошли из Петржина через мост в центр города, скандируя: "Хотим свободы, хотим демократии!" и "Хороший коммунист — мертвый коммунист!". Колонна из нескольких сот человек двигалась, задерживая трамваи, и остановилась около конной статуи на Вацлавской площади. Муниципальный суд Праги отправил двенадцать участников демонстрации в тюрьму.

Участники V съезда СЧМ в 1967 г. поддержали бунтарские настроения писательского съезда. Радикально настроенные студенты открыто солидаризировались с авторами и издателями опального журнала "Литерарни новини". Однако поворотным моментом в распространении духа воинствующего протеста стал "электрический" марш. Студенты давно возмущались перебоями в подаче энергии, из-за которых большое и мрачное здание студенческого общежития в Страховском районе Праги постоянно погружалось во тьму. Во вторник 31 октября, на следующий день после стычки Дубчека с Новотным на Пленуме ЦК, в общежитии снова погас свет. Раздались обычные в таких случаях крики и свист, из окон общежития полетели комки горячей бумаги. Но на сей раз дело этим не кончилось. Студенты со свечами в руках вышли на улицу, выстроились в колонну, обошли площадь, а затем направились к Длабачеву, выкрикивая: "Хотим света! Хотим учиться!".

Когда толпа вступила в верхнюю часть Малостранске намести, ее остановила милиция. Студентам предложили выбрать несколько делегатов для подачи официальной жалобы. Предложение было встречено саркастическим смехом — студенты хорошо знали этот трюк. Тогда, вызвав подкрепление, милиционеры ринулись на студентов с дубинками и гранатами со слезоточивым газом, крича: "Вот вам свет!". Студенческий комитет Пражского университета, поддержанный советами нескольких факультетов и общежитий, потребовал объективного расследования и наказания милиционеров, покалечивших нескольких студентов.

20 декабря заседание Пленума ЦК началось с контратаки Новотного, но закончилось его разгромом. Наиболее дальновидные консерваторы сразу же оценили ситуацию: карьера Новотного окончена. Утром 5 января 1968 г. Новотный подал в отставку с поста первого секретаря ЦК. Его преемником был единогласно избран Дубчек, фигура компромиссная. Новотный остался президентом государства и членом Президиума КПЧ.

Александр Дубчек родился в 1921 г. в Западной Словакии в семье красnodерев-

щика-коммуниста, который еще до 1914 г. эмигрировал в США, а потом, в 1925 г., переехал в СССР. Александр учился в средней школе г. Фрунзе. В 1938 г. вместе с семьей вернулся в Словакию. Там он вступил в компартию и работал подручным слесаря на военном заводе в Шкоде. Когда в августе 1944 г. началось словацкое национальное восстание, он вступил в партизанскую бригаду им. Яна Жижки и сражался с немцами в горах, был дважды ранен, его брат Юлиус погиб. С 1955 по 1958 гг. Дубчек учился в Высшей партийной школе в Москве. Пятью годами позже он был избран первым секретарем компартии Словакии и членом Президиума КПЧ. Тихий, застенчивый, довольно молчаливый человек, целеустремленность которого не бросалась в глаза, а идеализм прикрывался рутинной фразеологией партийного аппаратчика, Дубчек был не очень известен широкой общественности за пределами Словакии.

В январе в Президиум ЦК были избраны четыре сторонника Дубчека. Самыми известными из них были Йозеф Шпачек, ставший секретарем по вопросам идеологии, и Йозеф Павел, который в марте занял ключевой пост министра внутренних дел. Впрочем, в первые недели дубчеховской эры общественность не ощутила никаких признаков грядущих реформ. Казалось, движущую силу либерализации надо искать вне партии — в культурных еженедельниках, на радио и телевидении.

В действительности в ЦК возникло состояние неустойчивого равновесия: силы реформаторов и окопавшихся консерваторов были примерно равны. И тут грянул скандал. 27 февраля пражское радио сообщило, что генерал Ян Шейна, самая могущественная фигура в Министерстве обороны, близкий соратник Новотного, бежал из страны, опасаясь обвинений в растрате. Из сообщения явствовало, что Шейна, генерал-полковник Владимир Янко (заместитель министра обороны) и другие генералы вели переговоры с Новотным о расправе над его противниками в ЦК. Шейна, закадычный друг сына Новотного, скоро объявился в Вашингтоне и стал таким образом самым высокопоставленным офицером войск Варшавского пакта, бежавшим на Запад. 14 марта генерал Янко застрелился в служебной машине.

Этот скандал был манной небесной для Дубчека и реформаторов. Из различных партийных организаций посыпались петиции, требовавшие ухода Новотного с поста президента страны и члена Президиума. В конце концов 21 марта Новотный сложил с себя обязанности президента, началась чистка среди его ближайших соратников.

Первые цветы Пражской весны распустились в апреле. 4 апреля был избран новый Президиум ЦК, а 9 апреля была опубликована "Программа действий" партии, содержащая анализ пороков прошлых лет. Партия, говорилось в программе, должна отказаться от роли "стража" общества, она не должна больше "регламентировать" организации и каждый шаг жизни общества своими инструкциями". И хотя многие пункты "Программы действий" были сформулированы косноязычно, само желание партии провести подлинные реформы было несомненно.

"Необходимо бороться с показухой, извращениями, неполнотой информации, покончить с неоправданной секретностью в политике и экономике, публиковать ежегодные балансовые отчеты предприятий... увеличить импорт и продажу зарубежных газет и журналов. Партийная пресса должна в первую очередь отражать ход и развитие партийной жизни, в том числе критику и различные мнения среди коммунистов... ее не следует принуждать во всем поддерживать официальную точку зрения правительства."

Общественность встретила "Программу" с осторожным одобрением. Старая гвардия не знала, куда все это может завести, а новые либеральные силы, не в последнюю очередь студенты, желали гораздо большего.

5 апреля журнал "Тайм" дал на обложке портрет Дубчека и посвятил свой основной обзор Пражской весне. Анализируя "Программу действий", журнал писал, что власть партии дала "большую усадку", Национальная ассамблея отныне станет реальным законодательным органом, гарантируется свобода слова, люди получают право ездить за границу и эмигрировать, экономика уже либерализована, а новая

федеральная конституция дает словакам большую свободу в решении собственных дел. Цензуры, в сущности, уже нет, и "пресса, телевидение и радио пируют на празднике свободы слова". Давным-давно запрещенные фильмы, пьесы, книги "расцвели теперь пышным цветом".

В эти дни проявилось истинное отношение народа к милиции. 7 мая коммунисты из отдела уголовного розыска пожаловались на "недружелюбие" населения. Несколько бывших работников суда, прокуратуры и Министерства внутренних дел, "отличившихся" в сталинских чистках, покончили с собой. В конце мая было объявлено, что двадцать девять следователей государственной безопасности уже наказаны. У Генеральной прокуратуры теперь появилась собственная "программа действий": на нее была возложена задача определять меру персональной ответственности за совершенные в прошлом незаконные действия.

Новый министр внутренних дел Йозеф Павел обнаружил, что в системе контрразведки действует множество советских агентов. В большинстве это были чехословацкие граждане, передававшие "отчеты" советским "советникам", прикрепленным к пражским министерствам. На протяжении лета было отстранено от должности 150 человек — однако с сохранением зарплаты. 7 июня последовало сообщение об увольнении 250 сотрудников государственной безопасности.

Русские встревожились. Разве Дубчек во время первой встречи в январе не заверил Брежнева, что серьезных перемен не будет? Не радовала и "новая метла" в Министерстве обороны — генерал Дзур. Офицеры, передававшие русским информацию в обход официальных каналов, были или сняты со своих постов, или переведены на другую работу.

Пока Новотный оставался хозяином, правда о сталинских чистках не могла выйти наружу. Работа комиссий по расследованию либо свертывалась, либо сводилась к фикции. Теперь народ настоятельно требовал реабилитации жертв и наказания обвинителей и палачей. Для подготовки отчета о судебных процессах и терроре 1950—54 годов была создана комиссия Пиллера¹.

Одновременно была организована комиссия по расследованию обстоятельств смерти премьер-министра Яна Масарика, сына основателя Чехословацкой республики, который 10 марта 1948 г. был найден мертвым под окном своей квартиры в здании министерства. Судьба Масарика как бы символизировала судьбу всей нации: самоубийство или убийство? И если самоубийство, то почему? Параллельно чехословацкое телевидение начало собственное расследование. Газеты были заполнены письмами о судьбе тех, кто был незаконно осужден, брошен в тюрьму или казнен. В конце июля министр юстиции Богуслав Кучера объявил, что "около 60—70 тысяч чехов — жертвы политических процессов пятидесятых годов и бывшие узники концлагерей будут реабилитированы в соответствии с программой, рассчитанной на десять лет". Незаконно репрессированным или их родственникам была установлена компенсация в размере до 20 тысяч крон (это соответствовало примерно среднегодовой зарплате).

В начале мая Дубчек заявил: "Ясно одно — мы не должны останавливаться и не остановимся на полпути. Если мы хотим добиться успеха, нам нужно сплотить демократические силы..." Однако старая гвардия еще была сильна — в ЦК оставалось около 40 приверженцев Новотного. "Мы говорили с этими товарищами и просили их уйти, — сказал народу Дубчек. — Но они не поняли нас".

На самом деле они все прекрасно поняли и пытались выиграть время, рассчитывая на Москву. Тогда Дубчек объявил, что 9 сентября состоится чрезвычайный съезд партии. В поддержке съездом своей программы Дубчек не сомневался. Не сомневались в этом и в Москве.

¹ Комиссия энергично взялась за работу, но советское вторжение в августе привело к тому, что ее отчет не увидел света. Первоначальный вариант отчета был тайно вывезен из страны и опубликован Иржи Пеликаном.

Слишком далеко, слишком быстро

"Мы не должны останавливаться и не остановимся на полпути", — сказал Дубчек. Надо ли было понимать это как полную свободу печати в коммунистическом государстве? Почти двадцать лет издатели были обязаны представлять цензорам рукописи, прежде чем отправлять их в типографию. В середине марта Центральный издательский совет при МВД призвал покончить с "превентивной политической цензурой" и подверг критике репрессивную политику, проводимую секретарем ЦК Хендрихом и министром внутренних дел Кудрной. Через несколько дней Новотный был смещен с поста президента. Вместе с ним ушли Хендрих и Кудрна.

Однако в мае и июне правительство несколько раз призывало либералов "не заходить слишком далеко и слишком быстро". На заседании ЦК в конце мая печать обвинили в погоне за сенсациями, субъективизме, негативном отношении к прошлому, выискивании скандальных историй, восхвалении буржуазной демократии, разжигании антисоветских настроений и пропаганде идеи создания легальной оппозиционной партии. Генерального директора телевидения Иржи Пеликана и генерального директора Национального агентства печати Мирослава Сулека специально вызвали на заседание, чтобы объявить им об этих претензиях. Глава идеологического отдела партии Честмирж Цисарж обвинил прессу в том, что она ставит под удар отношения Чехословакии с братскими странами и нагнетает "определенного рода массовый психоз". Контрольная комиссия словацкой компартии заявила: "Свобода слова и создания общественного мнения не означает свободу любого слова и создания любого общественного мнения".

Тем не менее 27 июня Национальная ассамблея смело отменила цензуру. Любые помехи свободе слова были признаны незаконными. Ни старая гвардия, ни Москва уже не могли этого проглотить. Дебаты в ассамблее были оживленными, подчас даже яростными. Но лишь незначительное меньшинство (тридцать человек) проголосовали против закона о свободе печати.

Интеллигенция

Вопрос о цензуре прямо связан с позицией интеллигенции. Как далеко она собиралась зайти? Еще 1 апреля Дубчек рекомендовал отменить жесткие решения, принятые в 1967 г. после памятного съезда писателей. В их числе — решения о передаче журнала "Литерарни новини" Министерству культуры, об исключении из партии Климы, Вацулика и Лима, выговоре Павлу Когоуту и дисциплинарных мерах против Милана Кундеры.

До того, как журнал фактически закрыли, "Литерарни новини" выходил тиражом в 160 тысяч экземпляров. Когда он появился снова под названием "Литерарни листи" (это произошло 1 марта 1968 г.), спрос на него был так велик, что тираж пришлось увеличить до 260 тысяч. И все равно тираж расхватавали за несколько часов. Шофер такси как-то сказал З.А.Б.Земану: "У нас на работе теперь не говорят о футболе..."

Молодежная газета "Млада фронта" приобрела такую популярность, что ее трудно было достать в центре Праги. Когда один из журналов опубликовал перевод эссе Альбера Камю о смертной казни, весь тираж его был распродан мгновенно. Чехословацкая печать становилась все смелее. В статье "Еще одна годовщина", опубликованной 13 июня в "Литерарни листи", Освальд Махатка напомнил о закрытом процессе и казни венгерского руководителя Имре Надя, схваченного советской охранкой, едва он покинул свое убежище в югославском посольстве в Будапеште. Воздавая должное независимой позиции, занятой югославскими коммунистами, Махатка писал об "уроке, очевидном для страны, стоящей перед лицом все нарастающего советского нажима".

К "ереси", доселе немыслимой, теперь относились снисходительно. Новый журнал "Информационные материалы" перепечатал отрывки из манифеста Четвертого интернационала, адресованные чехословацким рабочим, а "Литерарни листи" поместил статьи Трощако и Бухарина и начал из номера в номер публиковать фрагменты последней работы Исаака Дейчера "Неоконченная революция". Все это, конечно, аккуратнейшим образом фиксировалось в советском посольстве и передавалось лично Брежневу.

4 апреля "Литерарни листи" напечатал статью Вацлава Хавела "К вопросу об оппозиции", в которой драматург утверждал, что "демократия — это вопрос не веры, а *гарантий*", обеспечивающих "легальную общественную борьбу за власть". (Хавел был автором "Меморандума" — тонкой сатиры на манипуляции языком и ультраконформизм бюрократов, мгновенно приспособившихся к любой линии партии). Демократизация правящей партии, писал он, сама по себе не является гарантией демократии: "Если Коммунистическая партия не пойдет на то, чтобы над ней был как можно скорее установлен усиленный внешний контроль, нельзя поручиться за то, что она не начнет вскоре снова перерождаться". Хавел высмеивал кукольный плюрализм Национального фронта. "На мой взгляд, единственным, по-настоящему логичным и в наших обстоятельствах истинно эффективным путем... к достижению идеала демократического социализма... была бы преобразованная социалистическая общественная формация, основанная на *двухпартийной системе*. Ясно, что эти две партии как таковые не будут опираться на классы".

Советская пресса обрушилась на Хавела, подчеркнув, что "Меморандум" и его автор были недавно очень тепло встречены в Нью-Йорке. (Вот если балет Большого театра тепло принимают в Линкольн-центре, это, конечно, совсем другое дело!)

6 июня в здании Союза писателей на Народной улице собралась группа партийных писателей. Многим было уже за сорок и за пятьдесят. Это были люди, измученные впустую потраченными годами и кафкианской борьбой с бюрократией. Некоторые были тяжелыми сердечниками. На собрании обсуждался подготовленный Хавелом манифест, отвергавший мысль о том, что коммунисты от природы одарены высшими моральными качествами. Отказываясь принять свободу, пожалованную за страдания, Хавел настаивал на демократических выборах. Многие из присутствующих кивали головами, но мало кто верил, что это реально.

Новым председателем Союза писателей стал профессор литературы Эдуард Гольдштюкер — еврей, чья семья погибла в Освенциме. Гольдштюкер, вернувшийся после войны в Прагу, был одно время послом Чехословакии в Израиле. Во время антисоциалистской кампании в начале 50-х годов он был арестован, но ему повезло — он выжил. В 1956 г. его реабилитировали, а несколько позже он стал ректором Карлова университета. Гольдштюкер проводил кампанию на то, чтобы Франц Кафка был принят в "пантеон прогрессивных писателей", признаваемых марксистами. Однако либерализм Гольдштюкера был не настолько широк, чтобы включать плюрализм и свободные выборы, которых требовал Хавел. В начале июня Гольдштюкер поддержал линию Дубчека и даже после советского вторжения еще раз повторил: "Коммунистическая партия твердо держит власть в своих руках. Она несла ответственность за развитие общества в течение двадцати лет. Кто еще, кроме коммунистов, может предложить новые идеи, новую программу?.. Мы не могли в одночасье перейти к полностью свободным выборам. Это же очевидно." Возрождение социал-демократической партии было бы, по мнению Гольдштюкера, "вредным шагом", потому что эта партия "может опираться только на одно — на неудовлетворенность в обществе, вызванную ошибками, неудачами и даже преступлениями коммунистического руководства в течение последних двадцати лет".

Активно добивались либерализации студенты и ученые. После смещения Новотного в авангарде реформистского движения оказались такие студенческие лидеры, как Холечек, Каван, Кованда и Мюллер. В марте 1968 г. двадцатитысячное собрание приняло "Манифест пражской молодежи", призывавший к гуманному, демократиче-

скому социализму, опирающемуся на принятую ООН Декларацию прав человека. Среди прочего Декларация провозглашала свободу слова, печати, собраний и ассоциаций. Ян Каван писал: "Мои друзья в Западной Европе часто говорят мне, что мы боремся лишь за буржуазно-демократические свободы. Но я как-то не вижу разницы между свободами капиталистическими и социалистическими. Я выступаю за основные человеческие свободы".

Ветер перемен пронесся по Карлову университету. Студентам, изучающим философию, стали доступны работы Хассерла, Хайдеггера и экзистенциалистов вообще. Майский номер "Международной политики" поместил снимок девушки, нежащейся в бикини на солнце, под вопросом: "Не все ли людям равно?" На факультете политических наук тоже происходили многозначительные перемены: в учебный план были включены работы Харольда Ласки, С.Райта Миллса и Раймона Арона. В списке работ, рекомендованных для изучения национального вопроса, появились имена не только чешских либеральных государственных деятелей Т.Г.Масарика и Эдуарда Бенеша, но и Ататюрка, Ганди и Неру. В центре внимания оказалась Югославия, ее политическая структура, сопротивление Сталину.

В области марксистских наук чехи следовали направлению, проложенному поляками во время краткой оттепели 1956 г., причем основной упор делался на вопросы антропологии и экзистенциализма. Феномен отчуждения теперь не приписывался исключительно капиталистическому обществу. Пристальное внимание уделялось проблемам злоупотребления властью при социализме, разобщения рабочих и неучастия их в принятии решений.

Тем не менее определенные рамки все-таки были установлены. Книга Милована Джиласа "Разговоры со Сталиным" считалась приемлемой для студентов, но его основная работа — "Новый класс" — была отвергнута как ошибочная, хотя ее американский аналог — книга С.Райта Миллса "Элита власти" — была рекомендована как объективная. (Ошибку Джиласа усмотрели в утверждении, что коммунистическая система неизбежно создает новый привилегированный класс функционеров, директоров предприятий и интегрированных в систему интеллектуалов. Дубчек же и его коллеги винили во всем "искажения" и "злоупотребления", поскольку сама система безукоризненна.) Программа обучения оставалась в рамках господствующей партийной линии, и в этом смысле профессора-реформисты едва ли были большими либералами, чем их предшественники. Один профессор-политолог, либеральный марксист, сказал мне как-то, что "догматики" старой школы должны были, естественно, уйти — ведь они не были "объективны"...

В апреле в Праге был создан Студенческий парламент, в мае — независимый Союз университетских студентов (СВС), порвавший стесняющие узы с Союзом молодежи, контролируемым партией. Чехословацкое студенческое движение было менее шумным и более ответственным, чем движение "новых левых" на Западе. Чешские студенты вели себя как взрослые люди и не ссорились со старшими. Когда началась Пражская весна, многие из них сочли, что достаточно будет чисто организационных реформ — разрыва с комсомолом, которым распоряжалась партия, и создания автономных студенческих союзов в Богемии, Моравии и Словакии.

Популярный студенческий еженедельник "Студент" печатал статьи о политических движениях на Западе, обсуждая суть полярных идей, выдвинутых такими социалистами, как Гюнтер Грасс и Руди Дучке (последний выступал в Карловом университете перед большой и напряженно слушавшей его аудиторией всего за неделю до того, как в Западном Берлине было совершено покушение на его жизнь). Однако студенческие волнения в Германии, последовавшие за этим покушением, и майские события в Париже вызвали слабую сочувственную реакцию в Праге. Чехи не могли не испытывать некоторого раздражения по поводу горячих голов, которые понятия не имели, как добиваться своего, работая внутри системы.

В университетах не слышно было требований "студенческой власти". Вот чего студенты действительно хотели, так это широкой учебной программы, доброжела-

тельных преподавателей, свободы слова и таких библиотек, которые бы имели право так называться.

В отличие от своих западных сверстников, чешские студенты не столь страстно интересовались Третьим миром и не черпали вдохновение в идеях Гевары, Фаноне и Дебре. У маоизма было мало последователей, а Культурная революция решительно отвергалась.

В центре Праги был большой магазин кубинской книги, где можно было купить журналы и гравюры на дереве на революционные сюжеты, но особым успехом он не пользовался. Когда же студенты получили возможность съездить на Запад, то отправились туда в несметном количестве. (Во время советского вторжения в одну только Британии застряло полторы тысячи студентов!) Драматург Давид Мерсер, посетивший в то лето Чехословакию, отмечал, что чешские студенты не видят смысла в парижских баррикадах и слишком глубоко заняты вопросом свободы, чтобы беспокоиться по поводу технократического отчуждения. Капитализм "поставил им товар", но они апатично покорялись своей социалистической судьбе. Чешский ученый Милан Хаунер сказал об этом так: "Их опыт маневрирования гораздо более примитивен, чем могут даже вообразить себе их западные сверстники... студенческая критика теперешнего чехословацкого общества и его институтов никогда не доходила до бесцельного разрушения".

Урок понимания международного студенческого движения чешские студенты получили на Всемирном фестивале молодежи, состоявшемся в конце июля — начале августа в Болгарии. На фестивале столкнулись три категории участников. Специально подобранные и организованные члены молодежных бригад и комсомольцы Советского Союза, опынявшие от либерализма чехи, которых энергично поддерживали югославы, и, наконец, "новые левые" из Западной Европы. Поведение организаторов фестиваля и болгарской милиции (темы дискуссий и председательствующие назначались заранее, а милиционеры в штатском преследовали и избивали недовольных) вскоре привело к тому, что вместо трех лагерей образовалось два: чехи вместе с западногерманским Союзом студентов, молодыми либералами из Британии, голландцами и югославами стали проводить свои собственные учебные семинары.

Теперь отпечаль ощущалась и в разнообразии увеселений в Праге. В моде была поп-музыка, хотя западных пластинок было очень мало. В олимпийском клубе подростки с волосами до плеч попивали фруктовые соки и расходились по домам еще до ночи. Юбки поднялись выше колен — но в пределах благоразумия. Противозачаточные таблетки достать было трудно, но доктора обычно отказывались ставить незамужним девушкам диафрагмы. На пражских экранах в конце мая шли в основном западные коммерческие фильмы: "Клеопатра" с Элизабет Тейлор, американские фильмы "Рио-Браво" и "Розовая пантера", западногерманские "Фокус-покус" и "Аляска", французский "Виват, Мария!" с Бриджит Бардо.

Местная культура, чувствительная к широкому брожению умов, предлагала гораздо более интересные вещи. В Театре на балюстраде Ладислав Фиалка, мастер миманса, поставил "Кнопки" — очаровательный спектакль, в котором смешались и здоровый юмор, и язвительная сатира. Незадолго до этого спектакли Фиалки "Клоуны", "Куклы" и "Король Убу" прошли в Лондоне. Смысл "Кнопок", передаваемый только мимикой и жестами, был тем не менее ясен: человек может порвать с удушающей ортодоксией и снова получить свободу только в том случае, если проявит достаточно мужества.

Воздействие западного авангарда было одновременно и живительным, и обескураживающим. В 1962 г. выставка, на которой экспонировались работы кубистов и экспрессионистов, была закрыта через час после открытия, но в 1963—64 гг. власти капитулировали перед модернизмом. Многие работы чешских художников, выставленные в 1968 г., напоминали крайне эротические образцы американского антиискусства. Работы М.Возняка, выставленные в Галерее Вацлава Спали, оглушивали зрителя изображениями кинозвезд, франкенштейнов, половых органов, потоками крови,

эксцентричностью в духе Чарльза Адамса и футбольными шлемами. В этом был азарт эксперимента, вопль облегчения — но выглядело это все-таки как беспорядочная мешанина товаров в беспешинном магазине в каком-нибудь аэропорту.

Плюрализм

По мере того как развивалась Весна, заходили все дальше в своих требованиях народная и социалистическая партии — истощенные призраки, влачившие в течение двадцати лет жалкое существование в витрине Национального фронта. В Национальной ассамблее каждой из них были выделены двадцать мест — словно по месту за каждый год бесплодного существования. Численность социалистической партии, насчитывавшей в 1947 г. 652 тысячи членов (не путать с социал-демократами, отпраздновавшими кровавую свадьбу с коммунистами в 1948 г.), сократилась к 1967 г. до 10705 человек. Но теперь эти партии осмелели. 22 марта орган социалистической партии газета "Свободное слово" опубликовала открытое письмо Дубчеку, призывавшее к установлению многопартийной системы. Два дня позже "Лидова демократия" заявила, что народная партия "должна как можно скорее избавиться от комплекса подчинения и постепенно занять позицию независимой полноправной организации..."

Некоторые группы, поднявшие теперь голову, были чисто "буржуазными", и правительство относилось к ним с острой подозрительностью. Но при всем том их не преследовали, а их представители свободно выступали на собраниях и появлялись на телевидении. "Клуб 231" (К-231), основанный 31 марта и открытый для всех, кто был брошен в тюрьму по закону 231 от 1948 г., возглавили Яромир Бродский (которого в СССР заклеймили "фашистом"), Вацлав Палечек ("бывший буржуазный генерал") и Отакар Рамбусек ("агент империалистической разведки"). Согласно советской Белой книге — обвинительному акту пражской "вседозволенности", опубликованному после советского вторжения в Чехословакию, — "Клуб-231" насчитывал более 40 тысяч членов и вобрал в себя бывших нацистов, коллаборационистов военных времен и представителей реакционного духовенства. К-231 заявлял, что его единственной целью является реабилитация членов клуба, возвращение их к нормальной жизни и наказание тех, кто нес ответственность за превращение задачи "обороны Республики" (закон 231) в предлог для массовых репрессий.

Клуб беспартийных активистов (КАН), основанный 5 апреля в Праге на собрании, куда пришло около 150 человек, возглавлял популярный и прямодушный Иван Свитака — философ, которого в СССР именовали "ярым реакционером, работающим в Академии наук и ранее исключенным из партии". Его помощниками, по словам советской пропаганды, были "агенты международной сионистской организации Рябек, Мусил и Клементьев". Другими группами, возмущившими русских своим фактом существования, были Кружок независимых писателей, Клуб критически мыслящих индивидуумов и Группа защиты прав человека.

Лекции Ивана Свитака, пламенного апологета демократии, прочитанные им в Карловом университете и опубликованные в "Студенте", продолжали социал-демократическую традицию и обвиняли коммунистическое руководство в том, что оно цепляется за сто тысяч элитарных рабочих мест в государстве. Только свободные и тайные выборы могут помочь избавиться от "тоталитарной диктатуры". Свитака беспощадно обличал коммунистических руководителей и в особенности Честмиржа Цисаржа, который 27 апреля предостерег, что плюралистическая политика подрывает основы социализма и может повлечь за собой необходимость защищать его силой. Лидер словацкой компартии и заместитель премьер-министра Густав Гусак предупредил тысячи коммунистов, собравшихся на митинге в Праге, что если "определенные элементы" попытаются возродить систему, существовавшую до 1948 г., их ждет "новый февраль 1948 года". "Как вам будет угодно", — откликнулся на это Свитака. И вот уже почти два десятилетия Гусак отвечает ему...

Революция среднего класса?

А что же общественное мнение? 13 мая газета "Руде право" поместила вопросник, подготовленный редакцией вместе с Институтом политических наук. Ответы прислали 38 тысяч человек. 90% беспартийных одобряли идею создания свободных оппозиционных партий и 75% отвергали мысль о том, что коммунистическая партия одна может добиться социалистической демократии. Даже среди членов партии была значительная разногласия: 55% из них были за равный легальный статус для всех политических партий, а одна треть полагала, что социализм с человеческим лицом можно построить... *и без компартии!*

На первый взгляд, опрос подтверждал смелое утверждение писателя-эмигранта Павла Тигрида: "Большинство населения требует не демократизации системы, которая доказала по меньшей мере свою неэффективность, а открытого плюралистического общества, которое было бы и социалистическим, и демократическим".

Однако картина была не столь определенной. Другой опрос показал, что чуть больше половины населения (53%) считало, что либерализация принесет пользу всему обществу, тогда как 21% полагал, что интеллигенции она выгодна больше, чем простым людям.

Общество фактически разделилось по классовому признаку. Победа Дубчека была революцией среднего класса, который добивался прежде всего экономических реформ. Неосталинистская система — централизованная, бюрократическая, игнорирующая рыночные отношения внутри страны и за границей, все больше воспринималась как препятствие на пути прогресса. Значительная доля доходов промышленных предприятий уходила на субсидирование сельскохозяйственного сектора, все еще топтавшегося на уровне 1937 г.

Технократическое крыло партии выступало за децентрализацию и большую инициативу директоров предприятий. Однако реформы Отто Шика не предусматривали ни участия рабочих советов в принятии решений, ни права рабочих на забастовку. Рабочие отнеслись к этим реформам с недоверием, опасаясь, что власть директоров настолько возрастет, что они смогут по своему усмотрению увольнять рабочих, менять нормы и ужесточать "дисциплину".

Оплата труда была еще одним яблоком раздора. При Новотном разница в оплате была необычно низкой. Если принять средний индекс зарплаты за 100, то молодой инженер мог получать максимум 130-140. На громадном заводе СКД (Шкода) в предместье Праги средняя зарплата рабочих в мае 1968 г. составляла 1800 крон в месяц, в то время как специалисты с ученой степенью, работавшие там, получали всего 2500 крон. Я неоднократно слышал от представителей среднего класса, что это несправедливо, что квалификация, образование и длительный срок обучения должны компенсироваться. Это мнение было учтено в партийной "Программе действий": "Применяя принцип вознаграждения за качество, количество и социальную полезность труда, мы должны положить конец уравниванию доходов".

Либеральный генеральный директор телевидения Иржи Пеликан, будучи сам ультрареформистом, признал, что с идеологической точки зрения систему зарплат, введенную в 1955 г., следует считать прогрессивной. "Однако в переходный период развития социалистического общества я полагаю необходимым применять принцип моральной и материальной заинтересованности. Именно потому, что социалистическое общество должно поддерживать идею технического и научного развития общества больше, чем капиталистическое, техническому и научному персоналу нужно соответствующим образом платить".

"Восстание интеллигенции" при Дубчеке было направлено в частности против прежней иерархии, обеспечивавшей лояльность рабочих путем стирания разницы в оплате труда (только, конечно, не своего!). Характерно, что самыми состоятельными членами чехословацкого общества были партийные руководители с их черными "Татрами", просторными квартирами и спецраспределителями, в которых продава-

лись заграничные товары. Секретарь партии Зденек Млинарж как-то признался, что его жалование было в десять раз больше средней зарплаты в стране, а первый секретарь компартии и премьер-министр получали почти вдвое больше него — 25 тысяч крон в месяц! В распоряжении Млинаржа всегда был автомобиль с шофером, даже для его личных нужд. "Когда мне было хоть что-нибудь нужно — от нового костюма до любой парижской мелочи, — достаточно было утром обмолвиться об этом помощнику или секретарю. А уж обо все остальном позаботился бы директор Дома моделей или чехословацкий посол в любой стране мира".

Когда высшие партийные функционеры выезжали в инспекционные поездки, директора предприятий осыпали их дорогими подарками. К их услугам были особые дома, дачи, медицинское обслуживание по сугубо номинальной цене. Источник богатства в советской системе — власть. Чтобы поднять свой уровень жизни, специалисты и технократы добивались власти в партии и на промышленных предприятиях.

Рабочие наблюдали за происходящим с подозрением и негодованием. Новотный постоянно уверял их, что именно они являются послереволюционной аристократией. Теперь они боялись экономической контрреволюции. Особое недовольство вызвали перемены у неквалифицированных рабочих. На заводе СКД в Праге рабочие литейных цехов оказались яркими сталинистами, машинисты локомотивов осторожно приветствовали перемены, инженеры-электрики поддерживали их горячо.

Если технократы и интеллектуалы были едины в требовании большей дифференциации оплаты труда, то в вопросе о плюрализме единства не было. Многие инженеры, требовавшие экономических реформ, отвергали плюрализм, считая его путем к капитализму. Они были "хорошими коммунистами" — несмотря на всю выгодность торговли и соглашений о кредитах с Западной Германией, куда многие из них ездили в 1968 г. либо в составе делегаций, либо сами по себе. (В ГДР за этим наблюдали с кислой миной, продолжая осуждать любые соглашения с "силами реваншизма".) Для технократов, выросших при коммунизме, плюрализм оказался менее привлекательным, чем для студентов и представителей старшего поколения, помнивших Т.Г.Масарика и старую буржуазную республику.

Для того, чтобы рабочие полностью поддержали программу реформ и Дубчека, понадобилось советское вторжение. Только тогда либерализация стала для них синонимом национальной независимости.

Две тысячи слов

Павел Тигрид был прав, сказав, что реформисты, возглавлявшие теперь партию, пытались обновить систему с помощью той самой идеологии, которая вызвала ее склероз: "Они пытаются лечить следствия, а не причины болезни... Они хотели бы нормировать свободу."

Действуя именно в таком духе, Президиум ЦК пытался воспрепятствовать возрождению независимой социалистической партии, проглоченной компартией после февральского переворота 1948 г., но все еще представлявшей самую большую потенциальную угрозу монополии КПЧ на власть. 1 июня "Лидова демократия" прокомментировала запрет, наложенный Министерством внутренних дел на новые политические партии. Автор комментария В.Павличек, преподаватель юридического факультета Карлова университета, напомнил, что конституция не ограничивает создание новых партий и не дает Министерству внутренних дел права запрета. Таким образом, Дубчек, как и его предшественники, использовал полномочия, которых конституция ему не давала.

Обращаясь в ЦК в начале июня, Дубчек подчеркнул, что КПЧ позаботится обо всем. "Партия в целом не несет ответственности за искажения в прошлом... Именно коммунисты начали теперешнее возрождение социализма и поэтому именно они и в моральном, и в политическом смысле имеют право претендовать на ведущую роль... Партия является основной гарантией добрых взаимоотношений с другими социалисти-

ческими странами. Партия — сила, объединяющая два наших народа... Подавляющее большинство лучших творческих сил в стране — с партией. Партийные кадры составляют костяк административной структуры общества... Партия будет решительно бороться с оппозиционерами, требующими пересмотра исторического объединения коммунистов с социал-демократами. Мы будем всеми силами препятствовать образованию любой оппозиционной партии вне рамок Национального фронта."

Однако плюралисты не сдавались. В заявлении социалистической партии, опубликованном 12 июня и разошедшемся по всей стране, говорилось, что по прошествии двадцати лет партия снова возвращается к жизни. Насильственное объединение с компартией в июне 1948 г. было объявлено недействительным.

Самый значительный вызов ущербной либерализации дубчековского режима прозвучал 27 июня со страниц "Литерарни листи". Этот документ, озаглавленный "Две тысячи слов рабочим, крестьянам, ученым, художникам и всем", был составлен Людвиком Вацуликом. Его подписало 70 человек, в том числе несколько членов ЦК КПЧ. Документ сразу же стал событием, привлечшим внимание не только широкой общественности, но и самого Брежнева, который в ярости позвонил Дубчеку.

Вацулик обвинял "в настоящем положении дел" тех, кто служил орудием партийного произвола, выдаваемого за волю рабочих. "Каждый рабочий знает, что на практике рабочие не решают ничего". А кто хозяйничает в партийном аппарате? Эгоисты, жаждущие заполучить власть, трусы, выискивающие шанс занять место сброшенных. "Инструменты власти все еще в их руках, время потрясающих откровений, отставок с высоких постов и пылких речей, блистающих необычайной отвагой, — все это позади".

В манифесте отчетливо ощутимы отзвуки "Нового класса" Милована Джиласа. Однако сила документа не столько в его доказательности, сколько в эмоциональности. Это был голос чешского Орвелла. Власть, объясняет партийный босс О'Брайен в романе Орвелла "1984", замыкается сама на себя...

За анализом ситуации следовали предложения. Именно эта, заключительная, часть манифеста более всего разъярила Кремль. Речь шла о власти. "Нужно найти способы заставить их уйти. Вот некоторые: общественная критика, резолюции, демонстрации... забастовки и пикетирование их парадных подъездов. Но мы должны отказаться от всяких незаконных, безнравственных или грубых методов".

"Две тысячи слов" открыли дорогу массе статей, выдержанных в том же духе, а то и просто диссидентских. Иозеф Смрковский, самый большой либерал из ближайших соратников Дубчека, опубликовал в "Руде право" ответ, примечательный умеренным тоном. В личной беседе с авторами манифеста Дубчек сказал, что у него нет иного выхода, как отречься от них. 29 июня Президиум ЦК осудил "Две тысячи слов" за призыв к конфликтам, которые "могут подвергнуть опасности процесс нашего духовного возрождения и дальнейшее развитие социалистического строительства". Но в добрых намерениях подписавших никто не сомневался, и никаких мер против них принято не было. В Москве кипели.

10 августа вышел в свет новый проект устава Чехословацкой коммунистической партии. Хотя устав подтверждал, что основным принципом деятельности партии остается демократический централизм, меньшинству теперь гарантировалось право формулировать собственную позицию, право придерживаться этой позиции даже после того как решение принято, право требовать периодического пересмотра решений с учетом новой обстановки. Это был радикальный отход от той партийной модели, которая была принята на X съезде ВКП(б) в 1921 г. и требовала — под угрозой исключения из партии — роспуска групп, отстаивающих иную платформу.

Русские надвигаются

Наибольшую тревогу Пражская весна вызвала в брежневском СССР, гомулковской Польше и ульбрихтовской ГДР. Каждый из этих режимов имел свои основания ненави-

деть "либеральную заразу". Но все они были согласны в том, что коммунизм в странах народной демократии не выживет, если дело дойдет до свободных выборов, все молчаливо верили в формулу "домино", высказанную когда-то администрацией Джонсона: если хоть одна страна Варшавского договора "уйдет", могут "уйти" все.

Первую порцию оскорблений Дубчек получил 23 марта, когда лицом к лицу встретился в Дрездене со всей компанией лидеров советского блока. Вернувшись в Прагу, чехословацкий лидер предпочел скрыть от собственной общественности масштабы и тон обрушившейся на него критики. 27 марта орган коммунистической партии Восточной Германии газета "Neues Deutschland" напечатала речь члена Политбюро КПП Курта Хагера, в которой тот обрушился на Йозефа Смрковского. Оказывается, дошло до того, что западногерманские "пропагандистские центры" цитируют высказывания чешских писателей и журналистов о роли партии, ЦК и аппарата.

Отношения между Прагой и Варшавой уже давно были натянутыми. Чехословацкая пресса открыто критиковала антисемитскую кампанию в Польше и чистки в Варшавском университете, последовавшие за студенческими волнениями в марте. Двух пострадавших — профессоров Лешека Колаковского и Бронислава Бацко — пригласили читать лекции в Карловом университете. 6 мая польский посол в Чехословакии заявил официальный протест по поводу "антипольской кампании". Тот факт, что среди ведущих либералов Пражской весны были евреи, не остался незамеченным ни в Москве, ни в Варшаве. Разумеется, это обстоятельство учли и сторонники Новотного в Чехословакии. Председатель Союза писателей Эдуард Гольдштюкер получил несколько анонимок. Одну из них 23 июня напечатала "Руде право": "Господин Гольдштюкер, паршивый сионистский ублюдок!.. Почему бы тебе не организовать какую-нибудь другую партию — израильскую? Но твоё время ещё придет, сатрап — твои дни сочтены, грязный еврей!"

В комментарии к этим анонимкам Гольдштюкер заметил, что антисемитизм — та "патологическая сфера", которую использует не только нацизм, но и аппарат государственной безопасности коммунистических стран. "Я знаю их лексикон... Это тот язык, на котором говорили мои следователи в Ружине в 1951—53 гг. и мои надзиратели в Панкраце, Леопольдове и Яхимове в 1953-55 гг."

В отличие от "новых левых" на Западе и "черных пантер" в США интеллигенция в Чехословакии хорошо понимала суть антисемитизма. 1 мая пражские студенты вышли на демонстрацию с израильскими плакатами, а журнал "Студент" поместил призыв Академического совета студентов философского факультета Карлова университета к восстановлению дипломатических отношений с Израилем.

11 мая в "Известиях" появилась статья В.Степанова о легальных оппозиционных партиях, жаждавших стать "крикливыми заднескамеечниками в социалистическом парламенте и, если подвернется удобный случай, выступить против социализма". О том же постоянно писали и другие газеты, хотя до поры, до времени советская печать избегала прямых нападок на новых лидеров Чехословакии. Но уже 14 июня "Правда" выразила раздражение по поводу того, что Честмирж Цисарж осмелился говорить о "некоторых негативных чертах ленинизма". Такую критику, писала "Правда", мы слышали и раньше — от меньшевиков и социал-демократов.

20 июня на территории Чехословакии начались военные маневры стран Варшавского договора. 2 июля в Праге было объявлено об их окончании. Но советские войска не ушли. Напряжение росло. В конце концов вывод все-таки начался, но проходил он демонстративно медленно. Кризис назрел к середине июля, когда советские, болгарские, восточногерманские, венгерские и польские руководители потребовали, чтобы Дубчек и его соратники явились на экстренную встречу в Варшаву.

Допустить столь наглое нарушение национального суверенитета Дубчек не мог. Сославшись на "диктат", Прага отклонила требование. В тот же день вывод советских войск был остановлен. 18 июля лидеры пяти стран обратились в ЦК Комму-

нистической партии Чехословакии с резким письмом: "Мы глубоко озабочены ходом событий в вашей стране. Наступление реакции против вашей партии и основ социалистической системы, поддержанное империализмом, ...угрожает интересам всей социалистической системы в целом".

19 июля Президиум ЦК КПЧ в своем ответе на это письмо отверг обвинения. Президент Свобода вновь подчеркнул верность Чехословакии Варшавскому договору. (В отличие от премьер-министра Венгрии Имре Надя чешские лидеры никогда не ставили вопрос о нейтралитете.) 20 июля руководители итальянской и французской компартий, встревоженные все нараставшей угрозой, прилетели в Москву, чтобы предостеречь Брежнева от военных действий. Луиджи Лонго и итальянская компартия связывали успех чехословацких реформ с собственными планами в Италии. И когда Советский Союз все-таки прибег к силе, КПИ резко осудила эту акцию. Даже неосталинистская французская компартия совершила исторический шаг, выразив свое "неодобрение".

23 июля Дубчек, уступая советскому нажиму, сместил с поста начальника отдела обороны и безопасности ЦК генерал-лейтенанта Вацлава Прхлика. Именно Прхлик разработал чрезвычайный план на случай советской интервенции, а 15 июля дал пресс-конференцию, на которой призвал к истинному равенству стран-членов Варшавского договора. Сместив Прхлика, Дубчек ясно дал понять Москве, что чехи не будут защищать свой суверенитет силой оружия.

26 июля "Правда" выразила опасения, что Чехословакия находится накануне реставрации "буржуазного режима". Через три дня бронированный поезд доставил верхушку советского руководства в Чierna-над-Тиссой — железнодорожную станцию на границе Словакии и СССР. Маленький клуб железнодорожников был спешно переоборудован под зал заседаний. "Там, среди потускневших зеркал и длинных красных гардин чешские и советские руководители сидели друг против друга за узким длинным столом... Брежнев заявил, что опасается покушения контрреволюционеров на свою жизнь, и настоял на том, чтобы русские сели лицом к окнам, неусыпно охранявшимся... чехословацкими и советскими солдатами".

Брежнев начал встречу с ругани. Он перечислил преступления "контрреволюционеров", цитировал "возмутительные" статьи в чехословацкой прессе, осыпая оскорблениями таких "буржуазных ревизионистов", как Отто Шик, Гольдштюкер и Цисарж. Он требовал отложить XIV съезд партии, который неизбежно привел бы к тому, что из Президиума и ЦК были бы выведены последние просоветские консерваторы. Тревогу, которую вызывал этот съезд, откровенно высказала "Правда". Выбор делегатов на съезд, писала газета, сопровождался "клеветой на кадры", отказом признавать старую гвардию.¹

Оставалось разобраться с проблемой чехословацкого суверенитета. В июльском письме пяти держав была изложена новая теория, получившая название доктрины Брежнева: теория "ограниченного суверенитета". После вторжения эта доктрина была сформулирована достаточно четко. Оказывается, законы и юридические нормы подчиняются интересам классовой борьбы, интересам социализма. Классовый подход к проблемам является определяющим...

Русские в самом деле надвигались. ●

¹ Москва не могла открыто выступить в поддержку уволенных сотрудников госбезопасности, хотя генерал Котов — главный "советник" при чехословацком Министрстве внутренних дел — не скрывал своего недовольства. Сразу же после советского вторжения сотрудник КГБ Винокуров появился в здании пражской госбезопасности и выразил возмущение тем, что дубчеховский министр внутренних дел Йозеф Павел уволил целый ряд "ответственных сотрудников".

ВТОРАЯ ОТТЕПЕЛЬ В БУДАПЕШТЕ

Темпы, которыми Венгрия движется по пути демократизации, впечатляют. Но еще большее впечатление оставляют сами по себе преобразования в политической, социальной и (увы!) в меньшей степени в экономической областях. Похоже, Венгрия станет первой многопартийной страной в Восточном блоке. Во всяком случае, набирающая силу внепартийная оппозиция и оппозиция старому порядку со стороны рядовых членов партии вынуждает руководство ВСРП идти на уступки, которые совсем недавно казались немислимыми.

В феврале на двухдневном чрезвычайном пленуме Центральный Комитет ВСРП принял решение о постепенном переходе от однопартийной системы к многопартийной. Уже летом этого года Национальное собрание ВНР примет закон о порядке учреждения политических партий, а в конце года состоятся выборы в местные органы власти с участием новосозданных партий. В начале следующего года должна быть принята конституция, закрепляющая политические преобразования в стране. Новой конституцией в частности предусматривается пост президента республики, выборы которого намечены на весну 1990 г. Летом этого же года планируется провести выборы в парламент — первые свободные выборы в Венгрии с 1945 г. Это в будущем, а пока что уже принято решение наделить Национальное собрание правом выражать недоверие правительству, а также выносить решения о проведении национальных референдумов. Правительство Венгрии решило сократить государственные субсидии на содержание аппарата ВСРП и венгерского комсомола. Венгрия стала первой страной Восточного блока, где правительство начало выплачивать пособия по безработице. ВСРП отменила цензуру всех газет и журналов, за исключением своих собственных.

Эти преобразования, перечень которых увеличивается чуть ли не каждую неделю, начались год назад, причем начало "венгерской весны" было положено на майской партийной конференции, на которой старая гвардия во главе с Я.Кадаром потерпела сокрушительное поражение и вынуждена была уйти с политической сцены.

Годовщине этого, как многие считают, исторического события посвящена статья известного венгерского философа и одного из лидеров оппозиции Яноша Киша. Хотя с момента написания статьи в стране произошли важные перемены, в частности, из Политбюро ВСРП выведены "сильные личности" Я.Лукач и Я.Береш, тем не менее анализ причин кризиса в партии и задач, стоящих перед страной, остается актуальным.

Конец старой гвардии

В последний год своего пребывания у власти первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар лишь оттягивал неизбежное. Его политическое прошлое легло тяжким грузом на его будущее. Кадар оказался не в состоянии взглянуть в лицо тому кризису, в который свергло страну его 30-летнее правление. В новой ситуации ему изменило и его знаменитое тактическое чутье. Кадар, всегда искусно лавировавший между различными группировками и политическими тенденциями, стал в конце концов пленником слабейшей из группировок — немощной геронтократии. Те, кто раньше составляли ядро его руководства, и те, кто еще чего-то хотели, практически все оказались в оппозиции к нему, начали искать союзников и создавать оппозиционные группировки. У Кадара не было будущего: даже аппаратчики, жаждущие порядка и дисциплины, не поддержали его. Миф Кадара потерял свою привлекательность и за рубежом — московское руководство мало-помалу перестало его поддерживать, а финансовые и политические круги на Западе, принимающие решения о предоставлении кредитов, утратили веру в него.

Кадар, однако, не желал признавать, что его карьере пришел конец. Даже в самые последние недели перед партконференцией он продолжал убеждать себя, что сможет остаться у власти, если пожертвует кое-кем из своего окружения.

Он заявил о своем уходе буквально за несколько минут до открытия конференции — и то только после того, как старый Центральный Комитет в полном составе подал в отставку.

Своей длительной арьергардной борьбой Кадар более кого бы то ни было повлиял на ход партийного кризиса, хотя и не так, как ему бы хотелось. Он в большой степени повинен в том, что реакцией партии на растущее беспокойство общественности стал развал партийного аппарата, что общее недовольство распространилось и на членов партии. Именно благодаря его неуклюжей тактике стал возможен временный альянс между членами партии, выступающими за обновление и реформы, и партийным аппаратом, заинтересованным только в том, чтобы положить конец брожению. Всем смертельно надоели старые "кадаровцы".

Мы, возможно, никогда не узнаем всей правды о том, что предшествовало голосованию на партийной конференции, но, как бы там ни было, старой гвардии пришел конец. Ее падение стало событием исторического значения. Период, начавшийся в 1956–57 гг., завершился унижительным поражением бывших победителей. И, несмотря на то, что конец правлению Кадара был положен отнюдь не усилиями общественности, впервые за 32 года реорганизация власти стала не только внутренним делом партийной верхушки: в устранении правящей группировки заметную роль сыграли брожение в обществе и разброд внутри самой партии.

Новая расстановка сил

Сегодня перед нами встает вопрос: каковы будут взаимоотношения общества и властей на новом этапе? Как показала партийная конференция, оппозиция, состоящая из людей более молодого поколения, уже расторгла свой временный союз с аппаратом. То, о чем делегаты говорили и чему аплодировали с наибольшим энтузиазмом, позволяет заключить, что они скорее склонны поддерживать идеи либерализации, нежели призывы к восстановлению порядка. Однако успехи партийной оппозиции невелики. Ей лишь удалось добиться того, что в Политбюро были введены два новых человека — Реже Ньерш и Имре Пожгаи. Резолюция же, принятая конференцией, не включает ни одного из предложений оппозиции. В результате появился мертворожденный, никого ни к чему не обязывающий документ. Что касается "сильных личностей" в Политбюро — Гросса и Береша, то они не делают секрета из того, что считают своей первостепенной задачей восстановление партийного единства и укрепление руководства. Третья "сильная личность" — секретарь ЦК Янош Лукач, ответственный за оргработу в партии и, похоже, дирижировавший за сценой интригами на партийной конференции, будет скорее всего защищать интересы аппарата, настаивающего на "восстановлении порядка".

Может ли появиться сила, способная противостоят попыткам навязать старый порядок? Если этому суждено случиться, сила эта, видимо, родится на свет не из рядов членов партии. Падение кадаровцев не смогло, при всем том, скрыть прискорбной слабости, проявленной оппозиционно настроенными делегатами партийной конференции в борьбе против махинаций руководства. Они даже не сумели настоять на голосовании за каждое внесенное предложение в отдельности!

Конечно, партийная конференция и членство в партии — разные вещи: ведь делегатов на конференцию отбирали наверху. Но сплотившись ли рядовые члены партии, недовольные существующим положением, в силу, способную навязать делегатам свое мнение? Сделали ли они попытку создать горизонтальную организацию, объединив тех, кто выступал за реформы? Налицо был гнев рядовых партийцев, налицо было и смятение партаппаратчиков. Но все это не вылилось в консолидацию рядов оппозиции, в создание альтернативного механизма внутри партии, способного влиять на принятие решений руководством.

И все же, несмотря на то, что партаппарат перестроил свои ряды, ни руководители партии, ни партаппаратчики, ни партийная оппозиция не успокоились. Все

они чувствуют себя неуверенно. Почему? Да потому, что понимают — кризис поколений в руководстве партией преодолен, но общий политический кризис в стране продолжается. И вот здесь-то мы переходим к проблемам, с которыми новое руководство партии столкнется в ближайшее время.

Проблема № 1

Общественное мнение не склонно поддерживать идею восстановления старого порядка. Смена лиц в руководстве на некоторое время умиротворила, обнадежила общественность. Во всяком случае, население заняло выжидательную позицию. Однако долго общество ждать не может. Вот уже с десятков лет пропасть между посулами властей и реальностью, с которой сталкивается население, все расширяется. Времени на реформы, программы развития и обещанное обновление остается все меньше. И если новому руководству не удастся убедить общественность, что теперь, в отличие от 1978, 1982, 1984, 1985, конца 1986 и середины 1987 гг., произойдут реальные перемены, кризис очень скоро разразится вновь. А руководство Гросса заложило основы для этого кризиса в самый момент своего прихода к власти.

Действительно, хотя новому руководству удалось сгладить противоречия, возникшие на партийной конференции по поводу заключительной резолюции, принятая резолюция не убедила население в том, что произошли хоть какие-то изменения в политическом курсе партии. Тот факт, что новый первый секретарь не ушел с поста премьер-министра, вызвал общее изумление. Лишь немедленно отказавшись от поста главы правительства, Гросс мог бы рассеять атмосферу общего недоверия. Но и назначить на этот пост политически зависимого администратора (вроде Петера Мэгеша) было бы недостаточно. Общественность можно было бы успокоить только в том случае, если бы премьер-министром стал человек, способный сделать правительство политически независимым (каким, например, был сам Гросс в последние годы пребывания Кадара у власти).

Проблема № 2

Тяжелое экономическое положение не оставляет времени новому политическому руководству. Перемены в составе руководства, правда, вернули доверие западных финансовых кругов, и Венгрия снова может получить кредиты. Есть указания на то, что правительство Гросса намерено воспользоваться этой возможностью. Тем самым оно, возможно, выиграет время. Но если новые кредиты не пойдут на проведение необходимых фундаментальных экономических реформ, они только подтолкнут страну еще ближе к краю долговой пропасти. Однако такие фундаментальные перемены в экономической политике потребуют трудных политических решений. А именно:

- Субсидирование убыточных промышленных предприятий должно быть резко сокращено. Это приведет, с одной стороны, к конфликту с могущественным руководством промышленности, а с другой — повергнет общество в состояние шока из-за внезапного роста безработицы.

- Придется отказаться от некоторых больших дорогостоящих проектов, навязанных Венгрией СЭВ. Сделать это необходимо, невзирая на осложнения, которые могут возникнуть в отношениях с СССР и другими странами СЭВ.

- Нужно резко сократить финансирование из государственного бюджета правительственного и партийного аппарата, а также так называемых общественных организаций. Эти меры разозлят партаппаратчиков и государственных чиновников и повлекут за собой неприятные беседы с советскими лидерами.

- При выработке решения об оплате труда и ценах, перемещении капиталов, импорте и экспорте руководству придется пренебречь социально-политическими соображениями. Это усилит трения в обществе.

Если руководству не удастся в ближайшее время осуществить эти реформы, развал экономики будет продолжаться, политическая ситуация обострится до предела. С другой стороны, если руководство решится на эти шаги, станет неизбежным движение в сторону открытой политической системы – у властей уже не будет силы справиться с теми конфликтами, которые эти фундаментальные перемены за собой повлекут.

Проблема № 3

Движение в открытой политической системе не может ограничиться одним лишь признанием идеи плюрализма, а также независимых организаций и собраний, формирующих общественное мнение. Мало говорить о необходимости диалога, о дальнейшей эволюции существующей системы и о терпимом отношении к несогласным. Мало безоговорочно признать независимые общественные движения и группы. Мало отказаться от запрета на публикации, выражающие независимые мнения.

О реальности политических реформ общественность будет судить в первую очередь по отношению партийного руководства к Лиге молодых демократов и к Демократическому союзу научных работников. Образование этих двух независимых союзов – самый сильный вызов руководству, и оно отказывается признать первый и не оставляет попыток вытеснить с общественной арены второй.

О реальности перемен будут судить и по тому, признает ли партийное руководство Венгерский демократический форум и Сеть свободных инициатив – организации, объединившие большое число независимых группировок. Именно эти объединения набирают реальную силу и претендуют на то, чтобы стать мощной внепартийной оппозицией.

Чтобы продемонстрировать, что официальная гласность – не пустой звук, власти должны изменить отношение к печатному слову. Сегодня вся печать, от самиздата до периодических газет, бурлит, и попытки вернуть ее к временам агитпропа будут расцениваться как лицемерие со стороны руководства (не говоря уже о том, что такие попытки вряд ли увенчаются успехом).

В настоящее время готовится ряд новых постановлений, которые могут в конце концов закрепить законом отношение властей к развивающемуся плюрализму в обществе. В сегодняшней ситуации власти не могут снова безнаказанно прибегнуть к уловкам вроде закона о печати 1986 г. и заставить парламент, прикрываясь именем политических реформ, принять законы, нарушающие права граждан.

Проблема № 4

Партийному руководству придется бороться с экономическим и политическим кризисом на фоне серьезного идеологического кризиса. Оно вынуждено признать, что рыночная экономика со смешанной собственностью на средства производства более эффективна, чем плановая экономика, базирующаяся на государственной собственности. Они бессильны парировать доводы критиков о законности многопартийной системы – в отличие от власти одной партии, не ограниченной законом.

В те времена, когда еще казалось, что система, навязанная стране в 1947–48 гг., обеспечит венгерскому народу сносное будущее, власти еще могли прибегать к доводам типа "уж так сложилось"¹. Сегодня они уже не могут оправдываться ссылками на историю. В обществе растет убеждение в том, что оправдываться ссылками на историю. В обществе растет убеждение в том, что теперешний кризис – кризис самой системы, который и вызывает необходимость перехода к экономическому и политическому плюрализму. Между тем прошлое тоже

¹ Кадар многие годы утверждал, что власть одной партии в Венгрии ни в коем случае не была неизбежной – просто так уж получилось.

станет объектом пересмотра. Партийному руководству не удастся помешать публичному расследованию той роли, которую коммунисты сыграли в формировании сегодняшней "исторически случайной" Венгрии. Переоценка обществом поворотного момента в истории страны в 1947—48 гг. откроет путь к переоценке и событий 1956—57 годов.

Что бы партия ни противопоставила плюралистической Венгрии будущего и переоценке ее прошлого, этого все равно будет недостаточно, чтобы признать законным правление одной партии даже в глазах ее собственных членов и аппарата. Поэтому те, кто воображал, что разрешение кризиса поколений в руководстве положит конец общественно-политическому кризису в стране, будут разочарованы.

Во что может вылиться этот кризис? События могут развиваться в двух направлениях. Либо развал пойдет еще дальше, руководство партии начнет манипулировать предрассудками и противоречиями, раскалывать общество с целью сколотить лагерь своих сторонников... Либо начнется что-то вроде процесса переговоров в направлении установления конституционной демократии и смешанной рыночной экономики. Дальше нам видеть не надо. Однако можно быть уверенным в одном — переговоры возможны лишь в том случае, если у властей будет с кем их вести.

Таким образом, необходимо, чтобы недовольство настоящим положением дел не оставалось всего лишь неким аморфным общим настроением. Политическая организация общества имеет несколько точек кристаллизации. Движение внутри партии не проявило в первом раунде достаточной решимости. Тем не менее не следует терять надежды на то, что оно еще возникнет вновь и вырастет в настоящую силу. В данный момент, однако, реальную силу представляют движения вне партии. Они тоже далеки от того, чтобы принять решительное участие в политическом процессе, даже как партнеры по переговорам или выразители общественного мнения. И все-таки исход кризиса в немалой степени зависит от того, смогут ли они сплотиться и расширить свое влияние или их смогут "обезвредить" и парализовать с помощью интриг, запугивания, пустых обещаний и подкупа.

Государство-партия может вернуться к роли правящей партии, только если у нее будет независимая оппозиция, сознающая свои обязательства перед обществом.

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА

СВОБОДА РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ ИЛИ СТАРЕЦ МАКАРИЙ И АРХАНГЕЛ МИХАИЛ

С просьбой рассказать о духовных традициях монастыря, о старчестве мы обратились к монаху-старцу отцу Макарию, который живет недалеко от монастыря.

МАКАРИЙ. Старчество — это великое дело, служение народу. Старец не должен думать о себе — он же отдан на служение народу, должен жизнь полагать за всех. И молиться, утешать, ободрять, вдохновлять, возрождать потерянное — вот в этом заключается старчество. В старцах должна быть любовь нелицемерная, истинная, твердая, крепкая любовь к страдающему человеку.

ВОПРОС. Отец Макарий, как вы относитесь к переменам, происходящим сегодня в стране?

МАКАРИЙ. Сейчас наступили благодатные минуты для матушки-России нашей. Она воскресает. Но воскресает она через испытания, через страдания. Нам страшиться испытаний не нужно — наступит благочестие! Лиховетья не будет, а благочестие будет. А чтобы благочестие было, нужно потрудиться над этим!

Сегодня мы видим начало воскресения России. Об этом было сказано воспитанницей Оптиной пустыни схимомонахиней Серафимой Белоусовой. Вот она еще в 60-х годах говорила, что придет время, когда во главе России встанет Михаил, Богом благословленный. В его правление будет очень много скорбей, но скорби обратятся воскресением России.

*Центральное телевидение,
29 апреля 1989 г.
"До и после полуночи"*

Владимир МОРОЗОВ (Нью-Йорк)

БЫЛ РАБОЧИМ, СТАЛ КАПИТАЛИСТОМ

Наш журнал неоднократно обращался к вопросу о самоуправляющихся предприятиях на Западе (1984, № 1, 1985, № 7, 11). Мы в частности подробно рассказывали об опыте американского сталелитейного предприятия Weirton Steel Corp. (1985, № 7). О том, как обстоят дела на этом предприятии, сегодня рассказывает американский журналист.

Сталелитейное предприятие "Weirton Steel Corporation" знают сегодня по всей Америке. Это седьмое по величине металлургическое предприятие Соединенных Штатов, самая большая в стране корпорация, хозяева которой — сами рабочие. До 1983 г. предприятие в городе Вейртоне (штат Западная Вирджиния) принадлежало "National Steel Corporation". Его владельцы не смогли выдержать конкуренции с изготовителями более дешевой импортной стали, завод стал убыточным, его собирались закрыть. И тогда 7800 рабочих и служащих купили свое предприятие. Для этого им пришлось занять солидную сумму в банке и понизить свою собственную зарплату на 32 процента.

Оправдана ли была такая жертва? Как идут дела в Вейртоне сегодня? Много ли в Америке предприятий, которыми владеют сами рабочие? Каково будущее этой несколько необычной формы собственности? Эти и многие другие вопросы я задал двум десяткам человек. Вот наиболее интересные ответы.

Кит Блюм, разнорабочий в горячем цехе, на заводе 17 лет.

— Шесть лет назад рабочие купили завод. Что с тех пор изменилось в вашей жизни?

— Ничего не изменилось. Так и живу. Делаю то же самое, что и раньше.

— Не чувствуете себя капиталистом?

— Какой я капиталист! Как ходил в грязном комбинезоне, так и хожу. Делаю, что прикажут.

— Но теперь вы владеете акциями.

— А что толку! Продать их я не могу. У меня даже права голоса нет, как у обычного акционера. За меня все решают наверху.

— А заработок стал больше или меньше? Сколько выходит в год?

— Получаю столько же, 30 тысяч долларов в год.

Эрни Кремер, сварщик, стаж 24 года.

— Получаю 38 тысяч, это больше, чем раньше. Работаем теперь гораздо лучше. И прав у нас больше.

— Каких же прав у вас прибавилось?

— Начальство сейчас нас больше слушает. Мы принимаем участие в решении разных производственных проблем. У нас и специальные занятия проводятся — мы учимся, как эти проблемы решать.

— Но все это могло быть и до того, как рабочие купили завод. Считается, что вы им владеете, но ведь вы никак не можете повлиять на решения, которые принимает, например, президент компании?

— Почему не можем? При покупке завода мы поставили условие, чтобы в совете директоров компании были три представителя от нашего профсоюза. Они-то и отчитываются перед нами.

Боб Патерсон, сварщик высокой квалификации, стаж 33 года.

— Получаю 45 тысяч. Значительно больше, чем раньше. Вы спрашиваете, что изменилось. Вот вы машину напрокат берете, и вам ее не жалко. А если вы ее покупаете, то вы за ней, как за своим ребенком, смотрите. Так же и завод. Мы на себя сейчас работаем. Поэтому и результаты лучше. Вы в конторе спросите, вам цифры назовут.

В "конторе" со мной разговаривал вице-президент "Weirton Steel Corporation" Аллен Проссуиммер.

— Главный итог нашей деятельности — более четырех с половиной лет мы получаем прибыль. Помимо основной зарплаты работники завода (они же держатели акций) получили в 1986 г. 20 миллионов долларов, в 1987 — 15 миллионов, в 1988 — более 40 миллионов.

— 40 миллионов! Не слишком ли много? Тогда вашим рабочим в пору виллы на Лазурном Берегу покупать и морские яхты...

— Ну, до яхт еще не дошло. И 40 миллионов не такие уж большие деньги. На одного человека в год выходит что-то около четырех с половиной тысяч долларов. Еще один важный итог нашей работы — мы расширяем производство. Со времени покупки завода создано 300 новых рабочих мест. Сегодня у нас работает уже 8100 человек. Причина успеха в том, что рабочие трудятся с большей производительностью, так как завод принадлежит им.

— Но, может быть, успех вашей корпорации вызван просто повышением спроса на сталь? Улучшилась конъюнктура на рынке, и ваши доходы увеличились?

— В принципе такое может быть, но в нашем случае дело обстоит по-другому. Последние годы американская металлургическая промышленность несла колоссальные убытки. Компании, подобные нашей, сокращали персонал, закрывались. Мы же работали стабильно и успешно.

— Вы говорите, что рабочие теперь хозяева. Но я был на заводе, беседовал с рабочими и служащими. С тех пор, как они купили завод, в их жизни ничего не изменилось. Они делают то же, что и пять, и десять лет назад. Прав у них не прибавилось.

— Но теперь они владеют акциями. Работник корпорации имеет в среднем около 500 акций стоимостью по 50 долларов каждая. Рабочим и служащим принадлежит не 51 процент, а все 100% акций, то есть все предприятие.

— Ваши работники владеют акциями, но они не имеют права их продать.

— Да, такое условие оговорено при покупке завода. При уходе работники продают свои акции предприятию. Получают солидную сумму! Приходящие на их место работники эти акции покупают, получая в соответствии со специальным законом льготы в банке. За такое условие работники завода проголосовали при его покупке 23 сентября 1983 г.

— В чем смысл такого условия?

— В противном случае акции оказались бы через некоторое время в руках людей, не работающих на заводе. Либо в руках ушедших на пенсию работников или их семей, детей, либо в руках посторонних, скупивших акции. Судьба предприятия вновь стала бы зависеть от интересов владельцев или колебания цен на бирже. А сейчас работники завода и жители города спокойны за свое будущее. Кроме того, что работники делают дивиденды, как хозяева!

— Какие права в управлении заводом имеют сейчас рабочие и служащие? Предположим, им не нравится, как работаете вы, вице-президент. Могут ли работники завода вас переизбрать?

— Нет, не могут. Но они могут поставить об этом вопрос. У нас есть линия так называемой "горячей" телефонной связи. Любой наш работник всегда может связаться по ней с представителями администрации. Президент корпорации Герберт Элиш и мы, его заместители и помощники, регулярно встречаемся с рабочими, отвечаем на их вопросы. Чтобы расширить участие рабочих в управлении производством, существует специальный курс обучения. Его прошли уже 2 тысячи 200 человек. Группы по 10—15 человек собираются и под руководством опытных инструкторов учатся решать производственные и организационные проблемы, которые могут возникнуть на рабочем месте.

— Но подобное обучение существует и на некоторых других предприятиях, которые в отличие от вашего не принадлежат рабочим. Какие дополнительные права получили ваши люди? Могут ли они, например, избирать, если не президента или вице-президента, то хотя бы бригадира или мастера?

— Нет, не могут. Мы считаем, что при таких выборах верх может одержать не самый квалифицированный, а самый популярный человек. Получится не демократия на производстве, а анархия. Что касается выборов, то именно путем голосования и был решен вопрос о покупке завода. 23 сентября 1983 г. за это проголосовали 5273 человека, против — 731. С 1989 г. рабочие и служащие корпорации получают право выбирать совет директоров. Сейчас членов совета назначают те банки, которые одолжили нам деньги на покупку предприятия.

— Вы знаете, в Вейроне мне постоянно рассказывают о росте активности рабочих, называют цифры, проценты... Все это очень интересно, но, честно говоря, я ожидал чего-то большего. Может быть, мои ожидания несколько наивны?

— Мне кажется, вы ждали какого-то чуда, больших социальных перемен. Но ведь они происходят медленно. Чудес не бывает. А экономических перемен мы уже добились. Судите сами. С учетом участия в прибылях в прошлом году заработок наших рабочих был самым высоким в металлургической промышленности Америки. Я финансист и привык все измерять в долларах, в том числе и активность людей. Так вот,

средняя зарплата американского металлурга составила 25 долларов в час, а у нас в Вейроне 26—26,5 доллара в час. В прошлом году рабочий нашего завода в среднем получил 37 тысяч долларов, или более 3 тысяч долларов в месяц.

После беседы с Алленом Проссуиммером я говорил с президентом независимого профсоюза металлургов Уолтером Бишем.

— Г-н Биш, когда вы начали работать на заводе?

— В 1965 г. Был рабочим, потом стал профсоюзным активистом. В 1982 г. меня впервые избрали президентом независимого профсоюза металлургов нашей корпорации.

— Что изменилось в деятельности вашего профсоюза после того, как завод стал собственностью его работников?

— Проблемы у нас пока, до выплаты долгов, в основном те же, что и прежде, — трудовой договор, сверхурочные, безопасность труда и т.д. Но теперь мы решаем эти проблемы в более тесном сотрудничестве с администрацией.

— Мне кажется, новая форма собственности лишила вас возможности объявить забастовку. Ведь теперь забастовка принесет убытки самим рабочим. Значит, профсоюз стал слабее?

— Почему же! Напротив, наши возможности значительно возросли. По условиям договора, из 13 мест в совете директоров 3 занимают представители нашего профсоюза, в том числе я. Поэтому ни один значительный вопрос не может быть решен без нашего участия и согласия. После 89 года, после выплаты долгов, все директора будут избираться трудовым коллективом или наниматься по конкурсу.

Так обстоят дела в Вейроне. А что делается на других таких же предприятиях? Насколько характерна эта форма собственности для современной Америки? Изучением опыта предприятий, принадлежащих рабочим и служащим, в Соединенных Штатах занимаются несколько организаций. Одна из них "ISOP Association". На мои вопросы отвечал ее директор Дэвид Биннс.

— Скажите, мистер Биннс, давно ли существуют в Америке предприятия такого рода?

— Если мы заглянем в Америку 20-х годов, то обнаружим, что уже тогда некоторые компании продавали своим работникам небольшое количество акций. Но настоящее развитие новой формы собственности началось только с 70-х годов. Был проведен целый ряд законов, которые поощряли частные компании продавать акции рабочим и служащим. И число таких компаний стало быстро расти.

— Получается, что государство стало вмешиваться в дела частного сектора? А как же свободное предпринимательство, которым так гордятся американцы?

— Наше предпринимательство не стало от этого менее свободным. Частный сектор так и остался частным. Ведь правительство и конгресс не национализировали какой-то завод, а лишь способствовали тому, что владельцем этого завода стал не один человек, не одна семья и не сто человек акционеров, а, скажем, три тысячи людей, то есть практически все, занятые на этом предприятии.

— А зачем это понадобилось правительству и конгрессу?

— Завод, принадлежащий рабочим и служащим, как правило, работает производительнее, выпускает продукцию более высокого качества. Увеличение числа таких заводов укрепляет экономику всей страны.

— Каким же образом федеральное правительство и конгресс способствуют развитию новой формы собственности?

— Для этого есть несколько способов. Один из них — налоговые льготы. Если компания продает или передает акции не на сторону, а своим работникам, то она платит меньше налогов. Например, какая-то компания имеет годовой доход в миллион долларов. В соответствии с действующими в стране законами, эта компания должна заплатить 34 процента налога, то есть 340 тысяч долларов. Если же компания продаст или передаст своим работникам акций на 100 тысяч долларов, то с этой суммы налог не взимается. Общая сумма налога составит в этом случае уже не 340 тысяч долларов, а лишь 306, то есть уменьшится на 34 тысячи. Это выгодно компании еще и потому, что акции остаются в руках своих людей. Ведь чужие акционеры, люди со стороны, могут продать акции кому угодно, и неизвестно, кто в конце концов станет контролировать компанию. Свои рабочие и служащие не имеют права продавать акции. Если они уходят из компании, то уносят с собой не акции, а денежную компенсацию.

— Но если рабочий, владеющий акциями своей компании, не имеет права их продавать, то это же прямое ограничение его свободы?

— Таков закон. Таковы правила игры. Рабочий волен их принимать или не принимать, покупать или не покупать акции. Если он хочет их купить, то опять-таки в соответствии с законом получает для этого ссуду в банке на льготных условиях. Это еще один стимул для развития новой формы собственности.

— И насколько американскому правительству и конгрессу удалось стимулировать эту новую форму? Много ли американских предприятий находится сегодня в руках рабочих и служащих? И сколько людей занято на таких предприятиях?

— В начале 70-х годов было несколько сотен таких предприятий. Сейчас их около 9 тысяч. На них занято 9 миллионов человек. Эти люди полностью или частично владеют предприятиями, на которых работают.

— И вы считаете, что новая форма собственности будет продолжать расти такими же темпами и со временем охватит большую часть американской индустрии?

— Я бы не стал делать таких радикальных предположений. Хотя число компаний нового типа, конечно, будет расти. В Америке существуют различные формы собственности, и у каждой из них есть свои сторонники и противники. Невозможно предположить, чтобы все американские бизнесмены вдруг встали бы на нашу сторону.

— Стало быть, у вашей идеи есть и противники? Каковы же их доводы?

— Я сказал, что предприятия, принадлежащие рабочим и служащим, имеют налоговые льготы. Так вот, наши оппоненты подсчитали, сколько денег недополучает из-за этого американское правительство, и назвали нас захребетниками, что, на мой взгляд, явно несправедливо. Второй довод наших оппонентов состоит в том, что, приобретая предприятие, рабочий рискует, как всякий владелец собственности. Случаи банкротства таких компаний не часты, но при таком банкротстве человек не просто становится безработным, он теряет не только зарплату, но и значительную сумму накоплений, теряет свою собственность.

— Получается: хочешь стать богаче — рискуй!

— Да, именно так.

Заводы, принадлежащие рабочим и служащим. Что это — какие-то элементы социализма в недрах современной Америки, которую в соответствии с несколько устаревшей терминологией продолжают называть капиталистической страной? Я задал этот вопрос доброй дюжине американцев: рабочих, инженеров, ученых, менеджеров. Отвечали мне по-разному, часто не очень определенно. Было видно, что мой вопрос никогда прежде не приходил в голову этим людям, он им был попросту неинтересен. Капитализм или социализм — а какая, собственно, разница? Признаюсь, что в конце концов меня стали раздражать эти неопределенные ответы. Точнее сказать, меня раздражала моя собственная неспособность понять, что же произошло, дать точную оценку, сформулировать однозначный вывод. Со временем я понял, что это срабатывала приобретенная за годы жизни в Советском Союзе привычка непременно вешать на все политические ярлыки. Но зачем он, ярлык? Так ли уж важно, как назвать опыт Вейртона: социализмом или капитализмом? Дело, видимо, вовсе не в новой форме собственности и не в том, как мы новое назовем. Главное — свобода эксперимента, неограниченная возможность создавать новые формы собственности. Ведь именно такая возможность и спasila в свое время завод и город Вейртон. И если брать шире, то, наверное, эта свобода и сделала Америку Америкой. ●

Алексей ОРЛОВ (Джерси-Сити, США)

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ПРОФСОЮЗОВ

3 августа 1981 г. в 7 часов утра профсоюз авиационных диспетчеров объявил забастовку. Авиадиспетчеры потребовали введения 32-часовой рабочей недели, увеличения среднегодовой зарплаты до 33 тысяч долларов, права выхода на пенсию после двадцати лет работы, причем размер пенсии должен равняться зарплате за последний год работы.

Авиационные диспетчеры в Америке — государственные служащие, их работодатель федеральное правительство США, так что руководитель профсоюза Роберт Поли и его ближайшие помощники вряд ли ожидали, что их требования будут пол-

ностью выполнены. Они ставили перед собой другие цели: проверить, каков характер новой администрации в Белом доме, и добиться хотя бы частичного удовлетворения своих требований.

В недолгой — 13 лет — истории профсоюза эта забастовка была шестой. В прошлом авиадиспетчеры всегда добивались успеха. Забастовщики прекрасно знали: объявленная ими стачка, как и все предыдущие, была незаконной. Во-первых, в контракте, подписанном каждым из них, содержалось обязательство не бастовать. Во-вторых, федеральные законы запрещают стачки в тех отраслях государственного сектора, бесперебойная работа которых необходима для повседневной жизни страны. Профсоюзы нередко нарушают эти законы, отделиваясь незначительными наказаниями. Так, в 1970 г. те же авиадиспетчеры провели частичную забастовку. На работу тогда не вышли 2200 служащих. Уволили же только 67, из которых 27 были потом прощены.

В 1981 г. профсоюз умело выбрал время стачки. Август — пора отпусков. Миллионы американцев летят за границу, в южные и приморские штаты своей огромной страны. Аэропорты в это время переполнены авиапутешественниками. Так что если рейсы начнут повсеместно задерживаться, случится столпотворение в национальном масштабе. Этого правительство допустить не захочет и пойдет на уступки. Расчет, казалось бы, был точен. Но случилось непредвиденное.

В 11 утра, через четыре часа после начала стачки, президент Рейган объявил забастовщикам: вам дается ровно двое суток для возвращения на работу. Тот, кто не вернется, будет уволен!.. Правительство направило в наиболее загруженные аэропорты военных диспетчеров и объявило набор на курсы авиадиспетчеров. Из 19 тысяч диспетчеров, не вышедших на работу 3 августа, 11 тысяч были уволены — за нарушение закона и принятых по договору обязательств. 8 тысяч вернулись на работу, подчинившись распоряжению президента. Федеральное авиационное управление получило 120 тысяч заявок на курсы авиадиспетчеров: эта профессия — одна из самых высокооплачиваемых в государственном секторе. 7500 заявок были удовлетворены. Все военные диспетчеры вернулись к исполнению своих обязанностей к середине 1983 г. С забастовкой было покончено.

Я не случайно начал заметки о профсоюзах в США с рассказа о забастовке авиадиспетчеров. То, что произошло в августе 1981 г., дает возможность взглянуть на профсоюзное движение с разных точек зрения, распознать его положительные и отрицательные стороны. Хочу оговориться: во-первых, мои заметки ни в коей мере не претендуют на подробный анализ положения профсоюзов в Соединенных Штатах; во-вторых, американский опыт, как опыт любой страны, уникален и вряд ли годится для копирования.

К середине семидесятых годов профсоюзное движение находилось на спаде. Правда, и в прошлом профсоюзы переживали взлеты и падения. Так, еще в 1929 г. авторы социологического исследования американской жизни 20-х годов Р.С. и Х.Р.Линд писали: "Фордовский автомобиль повсюду наносит удар по профсоюзам. Стоит рабочему скопить достаточно денег, чтобы купить подержанный "Форд", как он перестает обращать внимание на профсоюзные собрания". Пол Джонсон в книге "Новое время: мир с 20-х по 80-е годы" приводит данные о численности созданной в 1866 г. Американской федерации труда (АФТ): в 1920 г. в нее входило 4078740 человек, в 1932 — 2532261.

В первой половине 30-х гг. начинается возрождение профсоюзов. Президент Рузвельт берет курс на сотрудничество с профсоюзным движением. Набирает силу созданный в 1932 г. профсоюз автомобильных рабочих. Со времени вступления США во Вторую мировую войну представитель АФТ входит в правительственный Совет по военному производству. После победы союзников Государственный департамент обращается к АФТ с просьбой помочь восстановить профсоюзы в Европе. В декабре 1955 г. происходит слияние АФТ с Конгрессом производственных профсоюзов (КПП) и образуется мощное объединение АФТ/КПП, насчитывающее почти 20 миллионов

членов. Это был расцвет. Во многом благодаря поддержке профсоюзов, Джон Кеннеди выиграл в 1960 г. избирательную кампанию. При прямом участии профсоюзов его преемник Линдон Джонсон начал проводить в жизнь социалистические реформы Великого общества. Но уже в конце 60-х влияние падает, постепенно они сдают одну позицию за другой, сокращается количество профсоюзов, падает процент охваченных профдвижением.

Как это ни парадоксально, но в падении роли профсоюзов за последние два десятилетия отчасти виноваты они сами. Зарождение профсоюзного движения во второй половине прошлого века происходило при классическом, "марксовом" капитализме. Тогда действительно имела место нещадная эксплуатация: 12-14-часовой рабочий день, использование детского труда, зарплата, едва позволявшая сводить концы с концами. Рабочий целиком зависел от работодателя. И профсоюзы были подчас единственной защитой интересов тружеников. Установление 8-часового рабочего дня, гарантированных отпусков, выплат по болезням — во многом заслуга профсоюзов. Рузвельтовский Новый курс в 30-е гг. добавил к этим социальным благам и другие — пособия по безработице, пенсии социального обеспечения. А реформы Великого общества в 60-х обеспечили пособиями уже не только тех, кто работал и потерял работу, но и тех, кто никогда не работал и, быть может, не собирался работать.

Принятые в значительной степени под нажимом профсоюзов законы гарантируют сегодня вполне приличное существование каждому американцу. Теперь рядовой труженик просто-напросто не нуждается в профсоюзной поддержке, поскольку сплошь и рядом государство дает ему все необходимое. И не только государство.

Сегодняшний капиталист напоминает капиталиста из марксовского "Капитала" не больше, чем "кадиллак" или "мерседес" — карету XVIII века. Нынешний предприниматель обеспечивает своего рабочего массой благ и делает это без всяких профсоюзов. Более того, очень часто сами рабочие говорят: "Без профсоюзов — лучше". Разительный пример представляет собой автомобильный завод в городке Фремонт, расположенном по соседству с Сан-Франциско.

Этот завод принадлежит американской компании "Дженерал Моторс" и японской компании "Тайота". Образовался он четыре года назад на месте завода "Дженерал Моторс", закрытого из-за того, что в начале 80-х годов упал спрос на выпускаемые им автомобили. Закрытие завода было прямым следствием неспособности американских автомобилей конкурировать с японскими, которые превосходили американские не только по качеству, но и были дешевле. Дело в том, что в Японии не существует могущественных профсоюзов, типа американского профсоюза автомобилистроителей, и рабочая сила там дешевле. А связь между размахом профсоюзного движения и стоимостью рабочей силы прямая. Иллюстрирует это следующий пример.

По закону 1935 г. в США была создана система страхования по безработице. С тех пор все без исключения компании обязаны делать отчисления в страховой фонд — будь то компании-гиганты, такие, как "Эксон" и "Дженерал Электрик", или крохотные фирмы с числом рабочих от десяти и меньше. Закон для всех один. Человека, потерявшего работу, фонд обеспечивает пособием, составляющим от 50 до 60% его последней зарплаты. Профсоюз автомобильных рабочих посчитал, что этого недостаточно. И по его настоянию гиганты автомобилестроения "Дженерал Моторс", "Форд", "Крайслер" стали делать дополнительные отчисления, с тем чтобы безработные автомобилестроители получали пособия размером в 95% зарплаты. Но если растут отчисления в фонд безработицы, то растет и себестоимость продукции. Себестоимость американского автомобиля становилась выше еще и по другим причинам. На большинстве американских фирм и компаний число больших дней, оплачиваемых рабочему, редко превышает 7–10. Автомобилистроителям же разрешено — опять-таки благодаря профсоюзу — "болеть" почти неограниченное время. Результат тот же — себестоимость машин растет. Кроме того,

профсоюз добился, чтобы рабочие заводов "Дженерал Моторс", "Форда" и "Крайслера" трудились, не перенапрягаясь: заводской конвейер движется там медленнее, чем на соответствующих японских предприятиях. Это сказалось на производительности труда. В японских компаниях она почти в полтора раза выше. Стоит ли удивляться тому, что в начале 80-х гг. японцы стали теснить американцев даже на внутреннем американском автомобильном рынке! В результате закрылся не один американский завод. И это при том, что Соединенные Штаты в законодательном порядке ограничили импорт японских машин, искусственно взвинтив на них цены.

Вернемся, однако, в Фремонт, где четыре года назад "Дженерал Моторс" и "Тайота" начали совместное производство малолитражных автомобилей. Это предприятие живет по законам, неподвластным тем, что установил профсоюз автомобильных рабочих и три гиганта американского автомобилестроения. В Фремонте каждому рабочему конвейера гарантирована зарплата 15 долларов в час. На "традиционных" (скажем так) предприятиях автомобилестроения такая зарплата не гарантируется, там она может быть и больше, но чаще — меньше. Хозяева завода в Фремонте обещают (и держат свое слово) не увольнять рабочих. Если исчезнет необходимость в рабочих какой-то профессии, их перечисляют — с сохранением зарплаты, тех же 15 долларов в час. На "традиционных" предприятиях от увольнения никто не гарантирован. На заводе в Фремонте нельзя болеть больше четырех дней в году (заболевания, связанные с госпитализацией, не в счет). Здесь нет также бесконечных перекуров и перерывов "на кофе".

Где работать лучше, где хуже?

Автомобилестроители Фремонта знакомы с обоими режимами — американским и американско-японским. Как свидетельствует корреспондент газеты "Нью-Йорк таймс" Джон Холуша, беседовавший с десятками рабочих, абсолютное большинство высказывается за установленную в Фремонте систему, хотя почти все признают, что работать по-новому стало тяжелее. Профсоюз автомобилестроителей не протестовал против системы, принятой в Фремонте. Его руководителям приходится считаться с конкуренцией на международном рынке. Они понимают: лучше в чем-то потерять, чем настаивать на прежнем порядке и тем самым способствовать закрытию завода.

Перед ними примеры, взятые и из других отраслей промышленности: хиреют и закрываются пошивочные предприятия, обувные фабрики, сталелитейные заводы. А продолжающим работать все труднее конкурировать с зарубежными компаниями, выпускающими более дешевую продукцию. Так профсоюзы учатся на собственном горьком опыте, убеждаясь, что непомерные требования к владельцам предприятий приводят к закрытию заводов и фабрик, к массовым увольнениям. Или еще пример. У многих жителей Нью-Йорка осталась в памяти забастовка работников газет в 1968 г. После забастовки сохранились только три массовые англоязычные газеты — "The New York Times", "Daily News" и "The New York Post". Восемь же других закрылись. На улице оказались тысячи журналистов и печатников. Владельцы газет предупреждали профсоюзных вожаков: если стачка продлится долго, производство станет нерентабельным, его придется свернуть. Владельцев не послушали... Горький опыт, однако, был учтен зимой 1988 г., когда "New York Зщье" переходила от одного владельца к другому. Потенциальный владелец предупредил, что покупает убыточное предприятие в надежде поставить его на ноги, но сделает это только в том случае, если профсоюзы пойдут на уступки. И профсоюзам пришлось уступить.

Уступают они сегодня почти повсюду. Жизнь подсказывает: это самый благоразумный, выгодный для обеих сторон, путь. Жизнь также показывает, что тысячи вновь возникающих компаний и фирм обходятся без профсоюзов, и служащие не хотят в них вступать. Компании электронной промышленности и всевозможные службы сервиса не знают, как правило, что такое профсоюз. Они не желают, чтобы их права кто-то защищал, поскольку получают от владельцев и бесплатные

медицинские страховки, и оплачиваемые отпуска, и отчисления в пенсионные фонды (в добавление к государственному фонду, созданному законом еще при Рузвельте; таким образом, весьма часто американец получает не одну пенсию, а две, а то и три-четыре, если успел их заработать на разных фирмах), и ежегодные прибавки к зарплате, и премиальные, и участвует (правда, далеко не всюду) в дележе прибыли. В то время как рождаются тысячи новых компаний, где нет профсоюзов, нередко умирают компании, где профсоюзы существовали десятилетиями. В конце 70-х гг. 25% работающих американцев состояли в профсоюзах, в 83-м — уже 20%, в конце 88-го — 17%... В декабре 1955 г. при слиянии АФТ и КПП в этом объединении было 20 миллионов, в 88-м г. — только 14 млн.

Что ждет профсоюзы в дальнейшем? Согласно прогнозу журнала "National Review", они будут все в большей степени становиться оплотом социалистов, неквалифицированных (по стандартам века) рабочих и рабочих-эмигрантов. Я не склонен разделять столь крайнюю точку зрения, но соглашусь с утверждением: взлета 30–50-х гг. профсоюзам ожидать не приходится. Их престиж падает. Деятельность профессиональных союзов все чаще вступает в конфликт с обществом. Взять хотя бы забастовку авиадиспетчеров в августе 1981 г. Она была не только противозаконной, но и направленной против народа: против миллионов пассажиров, отправлявшихся в отпуска. Разве такая стачка могла прибавить профсоюзам популярности? А повторяющиеся ежегодно стачки учителей — всегда в сентябре, в начале учебного года! Эти забастовки тоже противозаконны, поскольку бастуют люди, живущие за счет налогоплательщика. Ведь речь идет о государственных школах, где работу учителей оплачивают не "бьяки"—капиталисты, а рядовые труженики из своего кармана.

Вот еще пример: весной прошлого года объявили забастовку около 3 тысяч рабочих и служащих Лонг-айлендской железной дороги, доставляющей каждое утро 150 тысяч жителей нью-йоркских пригородов на работу в город. 150 тысяч человек оказались во власти 3 тысяч, которые не могли или не желали уладить частные вопросы с работодателями. Способна ли такая стачка прибавить популярность профсоюзам?

Ранней осенью 1987 г. объявили забастовку профессиональные футболисты. Симпатии американской общественности были на стороне не футболистов, а их хозяев—мультимиллионеров. Средний американец, зарабатывающий 20–25 тысяч долларов в год, был не в состоянии понять, чего не хватает футболистам, рабочий год которых длится только четыре с небольшим месяца и которые получают за это время от 300 тысяч до миллиона долларов и больше. Многочисленные опросы общественного мнения показали, что не менее 65–70% американцев поддерживают хозяев футбольных команд...

Престиж профсоюзов падает также и потому, что со времен Рузвельта они делают ставку на демократическую партию. Профсоюзные лидеры вносят десятки миллионов долларов в избирательные фонды кандидатов, которых необязательно поддерживают рядовые члены профсоюза. За последние 20 лет — с 1968 г. по 88-й — в пяти выборах из шести демократы проигрывали, а с ними проигрывали в глазах большинства американцев и профсоюзы.

Невозможно отрицать положительную роль профсоюзов в борьбе с "марксовым" капитализмом, в проведении социальных реформ Рузвельта, в поддержке борьбы за равные права негров. Но все это в прошлом. Сегодня многие американцы задают вопрос: а будет ли вообще место профсоюзам в американском обществе в 21 веке?

АНТИСЕМИТИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Открытое письмо В.Сендерову

Осенью прошлого года парижская газета "Русская мысль" (№ 3750) поместила под заголовком "Христианство и антисемитизм" открытое письмо москвичу Сергею Лезову, присланное из Москвы же Валерием Сендеровым. Письмо представляло собой отклик на опубликованную в нашем журнале, в № 1/43 за 1988 г., заметку С.Лезова "Новый Завет и Голокауст" — предисловие к русскому переводу доклада английского историка Х.Маккоби "The Origins of Anti-Semitism" ("Истоки антисемитизма", 1986). Напомним кратко, о чем идет речь в этих публикациях.

По мнению Х.Маккоби, историческое христианство послужило каналом, по которому ненависть к евреям, достаточно распространенная еще в античном мире, проникла в средневековый мир, а оттуда — в современное общество. Автор доклада ставит вопрос о специфическом христианском антисемитизме: что это — результат извращенного толкования христианского учения или существенная часть самого учения? Анализ гностических и иных источников христианского мифа, а также ссылки на канонические (в том числе новозаветные) тексты и документы истории церкви дают ему основания утверждать, что миф о евреях-богубийцах принадлежит к основам исторически сложившегося вероучения.

В своем введении к докладу Маккоби С.Лезов подчеркивает, что концепция Маккоби "более полемична, нежели научна": по его мнению, ее нетрудно было бы опровергнуть. Тем не менее отместил упрек в том, что христианство по меньшей мере подлило масла в огонь и несет свою долю ответственности за Катастрофу европейского еврейства, не так просто. С.Лезов напоминает о необходимости нелицеприятного анализа христианского антисемитизма с подлинно христианских позиций.

Письмо В.Сендерова, адресованное Лезову, фактически имеет в виду и Лезова, и Маккоби. Автор письма считает неприемлемым самый термин "христианский антисемитизм": христианство, поясняет он, внационально. Кроме того, С.Лезов неправомерно соединил разные исторические эпохи — Средневековье и наше время; казни евреев совершались не по букве Нового Завета, но вопреки ему; фраза "Они распяли нашего Христа" — девиз не христиан, а погромщиков. Сендеров пишет о том, что он не знаком с работами о христианских источниках антисемитизма, вышедших в последние десятилетия (на которые ссылается Лезов), но "все мы хорошо знаем, что современная наука часто теряет чувство перспективы".

Ниже публикуется полученное редакцией письмо И.Мировича — ответ Вал.Сендерову.

*И также в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они Бога распяли.*

Вл.Высоцкий

Глубокоуважаемый Валерий!

В газете "Русская мысль" за 11 ноября 1988 года я прочитал ваше открытое письмо С.Лезову "Христианство и антисемитизм" — ваш ответ на его статью "Новый Завет и Голокауст" в журнале "Страна и мир". После ознакомления со статьей С.Лезова я и решил написать это открытое письмо.

Суть вопроса можно сформулировать следующим образом: возможен ли был Голокауст — Катастрофа европейского еврейства — без христианства? С.Лезов утверждает, что Голокауст вырос на почве христианского антисемитизма, а вы считаете, что никакой связи между ними нет, потому что не может быть никогда, и вообще понятие "христианский антисемитизм", если вдуматься в него, абсурдно. (Интересно, где и в чем вы видите корни Голокауста?)

Вот уж верно: нет в мире ничего очевидного. Столь противоположные точки зрения на одну и ту же проблему возможны лишь потому, что вы и Сергей Лезов совер-

шенно различно воспринимаете Новый Завет. С.Лезов исходит из буквального смысла текстов, из реальной массовой психологии простых людей, которые читают черным по белому написанное в Новом Завете, не мудрствуя лукаво, воспринимают прочитанное и, что еще важнее, готовы слушать соответствующие проповеди, для каковых при желании можно найти достаточное количество нужных ссылок. Во всех четырех Евангелиях, особенно в Евангелии от Иоанна и Деяниях святых Апостолов, есть места, которые не изошренными в тонких богословских материях или людьми, преследующими определенные цели, могут быть поняты как антииудаистские. Приведу несколько, на мой взгляд, достаточно ярких цитат.

Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды, и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших. (МФ.27. 24—25).

Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. (Ин. 18.35).

Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе. (Ин. 19. 11).

Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! (Ин. 19. 15).

Но Иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзованием сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам. (Деян. 13. 45—46).

А теперь можно вспомнить несколько исторических фактов. Полуторатысячелетнее проживание евреев среди христиан оставило кровавый след от почти непрерывных гонений и казней. Можно сопоставить две линии. Первая — исторические события: преследование евреев в первые века Средневековья — крестовые походы — Богдан Хмельницкий — гайдамаки — погромы в России конца XIX и начала XX века — Голокауст. Конечно, я не свожу все эти события лишь к национальному аспекту, но их антисемитская составляющая находит идеологическое оправдание в другой линии: Новый Завет — писания отцов Церкви — “научный” расизм и антисемитизм XIX—XX вв. — окончательное решение еврейского вопроса в нацистской Германии. Я считаю, что без второго ряда первый был бы невозможен.

В эпоху раннего Средневековья лишь после того, как та или иная страна, где проживали евреи, принимала христианство, там начинали преследовать евреев. Например, государство франков до и после принятия христианства. Напротив, в нехристианских (например, мусульманских) странах массовых преследований не было.

Не сомневаюсь, что эти факты вам хорошо известны. Однако вы склонны рассматривать христианство с абстрактных позиций утонченного и верующего во Христа интеллектуала, в идеальной сфере духовности, которая во всех веках доступна, к сожалению, лишь меньшинству. И вы совершенно правы: при таком прочтении Нового Завета ни на какие преследования евреев (как и других инакомыслящих) христиане были бы неспособны. Мне жаль, что реальность не такова. Но тут встает сразу несколько вопросов. Во-первых, как все-таки вы объясняете существующие расхождения между тем, что вы называете духом учения, и наличием в Новом Завете мест, ему противоречащих? И во-вторых, как объяснить с ваших позиций “позорнейший факт частых преследований евреев в христианской Европе”, которые вы, правда, несколько ниже называете “лишь ограниченным по масштабам своего времени антииудаизмом”?

Охотно верю, что ваше христианство с газовыми камерами несовместимо, и понимаю, что уже одно это сопоставление вызвало у вас законное возмущение. Но всем нам не повезло: история победно шествовала под другими знаменами. От них можно пренебрежительно отмахнуться, но боюсь, что ни к чему хорошему это не приведет; мы, люди двадцатого века, в этом убедились.

По поводу терминов антисемитизм и антииудаизм. В Новом Завете, без сомнения, есть лишь антииудаизм. Но могло ли в жизни отношение к евреям в христианском

мире сводиться только к антииудаизму и не нести в себе антисемитские моменты? Думаю, что лишь в виде исключения и чем ближе к нашим дням, тем антисемитизм занимал сравнительно с антииудаизмом все больше места.

Никакая трактовка христианства не может заслонить очевидный факт: в Новом Завете поведение иудеев, не уверовавших во Христа, мягко говоря, не одобряется. Вы полагаете, что "иудеи, избранный народ прошлого, не могут по собственной, свободной воле не обратиться к Христу". А если это не так? Ведь обращение к Христу, как это понималось полторы тысячи лет назад и понимается многими сейчас, означает отказ от еврейства, аннигиляцию, исчезновение. И то, что вы называете "наивным" убеждением церкви (кстати, какой? Разве что православной) в необходимости массового обращения евреев в христианство, отнюдь не наивность, так как речь идет пусть о добровольном, но — этноциде. Ассимиляция — смерть этноса, и не зря русский историк Л.Н.Гумилев, не имеющий отношения к евреям, назвал ее "оскорбительной и унижительной". Может быть гуманисты, подобные вам, способны терпеливо ждать, когда же, наконец, евреи "одумаются" и осознают свою "ошибку", но история помнит слишком многих не желавших ждать ни минуты. В конце концов, любая идеология, претендующая на абсолютную истинность и считающая всякое иное мировоззрение ошибочным и подлежащим обязательному исправлению, порождает рьяных активистов, готовых применить к еретикам — ради их же блага — самые решительные меры.

Осуждая евреев за их "заблуждения", христианство в теории оставляет для них возможность перестать быть самими собой, растворившись в общности, где "нет уже Иудея, ни язычника" (Гал. 3.28). Но многовековые обвинения иудеев в "неправильном поведении" к XX веку настолько слились с самим существом евреев, что стали их плотью, а избавиться от плоти возможно лишь вместе с выпускаемой из нее кровью, благо желающих осуществить эту процедуру оказалось достаточно.

Желание попросту отмахнуться от исторических параллелей и прецедентов есть следствие вашего общего подхода. Конечно, вы можете считать, что между отличительными метками на одежде евреев в Средние века и нацистской желтой звездой вовсе нет никакой связи, нет из-за того, что недопустимо сравнивать законы и установления XIII и XX столетий. Эта мысль кажется вам очевидной. Для меня она не очевидна. Я полагаю, что в истории мало что проходит бесследно, особенно живучи традиции и предрассудки.

Ваша гипотеза о том, что "всякая религия является "анти" по отношению к религиям иным", требует доказательств. Множество восточных культов мирно уживаются друг с другом. Именно к этому и призывает замечательная притча Рамакришны о слоне и слепых. Кстати, иудаизм тоже отнюдь не требует, чтобы все стали иудеями. Наоборот, каждого нееврея, решившего стать евреем, отговаривают от этого шага, напоминая ему, что быть евреем значит добровольно выполнять довольно многочисленные обязанности; к тому же можно быть праведным и не будучи иудеем. Наконец, самоестораживающее в вашем подходе: если твердо и последовательно стоять на позиции, что быть кем-то обязательно предполагает быть против кого-то, то о каком диалоге может идти речь?

Ваше замечание о принципиально ненасильственном обращении в православие (в отличие от католичества) не совпадает с тем, что рассказывают русские летописи о крещении Руси, и с целым рядом других фактов, например, из времен Ивана Грозного.

И уж извините, не иудеи заявили о том, что "кровь Его на нас и на наших детях", а евангелист, который именно таким образом распределил роли в этой драме, представив евреев богоубийцами. Дело в том, что независимых источников, подтверждающих это сообщение, нет. Во все это можно верить, можно не верить. Не мешало бы также принять во внимание, что в современном иудаизме наследственная вина не признается: каждый человек лично отвечает за свои грехи.

Событие такого масштаба, как Голокауст, требует непредвзятого анализа его причин. Именно к этому стремится христианин С.Лезов. Можно не соглашаться с его

трактовыми, но объяснять его позицию вмешательством "беса антихристианства" — как-то уж очень наивно. Необходимо понять, где корни зла, дающие такие чудовищные всходы.

Отсутствие враждебности между людьми, народами, религиями возможно лишь на основе признания права каждого на свой собственный путь, не разрушающий пути других; безоговорочного отрицания коллективной ответственности за любые деяния предков; преодоления вековых предрассудков вообще и в особенности в отношениях "они" и "мы". Две тысячи лет христианской и еврейской истории должны быть оценены обеими сторонами честно и нелицеприятно.

И.Мирович (Израиль)

НЕ ПРОИЗНОСИ ЛОЖНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

Сегодняшнюю Москву удивить трудно. Пресса, телевидение, радио полны такого... Всякого и разного. Самое же поразительное заключается в том, что все у нас, оказывается, не хуже, чем у людей. В смысле — у западных. Коррупция и наркомания, бандитизм и проституция. Все это, представьте себе, у нас имеется, и не так чтобы совсем уж в малых количествах.

Так что, повторяю, удивить нас теперь трудно. Даже литературными именами, еще недавно запрещенными. Нынче вот известный наш кинорежиссер "Чонкина" снимать собирается, а мы и эту новость — сообщенную московским радио в ряду новостей агропрома и жилищного строительства — воспринимаем спокойно, как должное. Да опубликуй мы завтра наиболее значительные произведения Солженицына — я полагаю, особого удивления это бы не вызвало.

К хорошему привыкают быстро.

Но вот появилась в Москве рукопись книги. Она пошла по рукам, вызывая у одних вполне понятное восторженное удивление, у других — тоже удивление, но по большей части недоуменное, и даже с некоторым оттенком брезливости. Чувства эти были вызваны не столько содержанием книги (о нем речь пойдет ниже), сколько именем ее автора. Ибо на титульном листе, над заглавием "Русофобия", значилось: Игорь Ростиславович Шафаревич.

Знаменитый математик, член советского Комитета защиты прав человека (не теперешнего, коим руководит ранее застойно молчавший Ф.Бурлацкий, а прежнего — гонимого и преследуемого) — автор откровенно антисемитской, расистской книги?.. Есть от чего прийти в изумление.

Вероятно, сама по себе она не заслуживает серьезного отношения: мало ли их было, всевозможных "трудов" за многовековую историю гонений? Но — имя! Шок, скандал, эпатаж. Мало того. Знаменитое ныне общество "Память" до недавнего времени было вынуждено довольствоваться такой сомнительной теоретической базой, как сочинение некоего Ушкунника, в котором совершенно серьезно утверждается, что Сталин был марионеткой в масонских руках Лазаря Моисеевича и что последний — прямой потомок хазарского кагана (отсюда, дескать, и фамилия: КАГАНОВИЧ). Зато теперь на знамени этого почтенного "неформального объединения" аршинными буквами несмыслаемо засияло: ШАФАРЕВИЧ.

А посему промолчать все-таки нельзя. Предлагаемые ниже заметки написаны в форме открытого письма автору "Русофобии". Они отнюдь не исчерпывают темы, но, вероятно, смогут дать представление об иере ума прославленного математика и патриота.

М.Дейч (Москва)

Если не я для себя, кто за меня? Но если я только за себя, зачем я? И если не теперь, то когда?

Талмуд. Пиркей Авот 1, 14. Гиллель.

Уважаемый Игорь Ростиславович!

Недавно я прочел вашу работу "Русофобия", которая — по-видимому, не без вашего ведома — ходит по рукам. Настоящее письмо не ставит целью повлиять на вас, очевидно, вполне сложившиеся убеждения. Ваша нелюбовь, даже ненависть к моему народу — простой биологический факт. Этот факт вызывает у меня сожаление, но я должен считаться с ним,

хотя никакого ущерба моему национальному самоощущению и чувству собственного достоинства он не причиняет. И если я все же пишу вам, то просто для того, чтобы вы, со свойственной вам свободой интерпретации, не приняли молчание за согласие.

Прежде всего я хочу отделить ту часть вашего сочинения, которая касается собственно проблем русского национального самосознания. У меня нет ни морального права, ни желания вмешиваться в обсуждение этих проблем. Хочу лишь подчеркнуть мое глубокое уважение к духовной красоте и мощи русского народа, мою веру в то, что он найдет свой самобытный путь, достойный его высокой души и его места в мировой культуре. И я вполне сочувствовал бы вашим тревогам, если бы чувства эти не были омрачены ненавистью к другим человеческим существам.

Теперь я перехожу к "предостерегающей" части вашего труда. В ней легко обнаруживаются два компонента: роковая роль евреев в судьбе России (с проекцией на возможное будущее других народов) и критический (правильнее будет сказать — клеветнический) очерк национальных традиций евреев. Что ж, в недавнем периоде русской истории участие евреев действительно было непропорционально. Это обстоятельство представляется мне трагическим для моего народа в той же мере, как и для вашего. Не отрекаясь от своего кровного родства с этими людьми, хочу все-таки заметить: все они выпали из нашего национального русла, для которого Жаботинский все-таки характернее, нежели, скажем, Троцкий. Вопреки вашему мнению (подкрепляемому нарочито выбранными из моря литературы цитатами), национальное самосознание евреев вовсе не сосредоточено на русофобии, да и на России вообще. И совсем не из-за еврейского высокомерия и презрения, столь болезненно переживаемых вами. Просто у нас есть свои заборы, свои идеалы и свой мир, — как, впрочем, и у многих других народов, для которых Россия отнюдь не является средоточием их духовной жизни. Не является ли призрак русофобии, обступивший вас со всех сторон, проявлением чувства вашей национальной исключительности?

Безусловно, Россия занимает значительное место в наших мыслях. Так уж случилось, что заметная часть моего народа прошла длинный отрезок исторического пути рядом с русским народом. Нам пришлось многое пережить вместе и многое — друг от друга. Но и евреям нельзя пожаловаться на отсутствие внимания, свидетельством чему, в частности, является ваше фундаментальное сочинение.

Я думаю, что сейчас наступает пора нашего национального расставания, и затягивается оно не только по вине евреев. Я уверен: абсолютное большинство моих соплеменников расстанется с Россией с чувством печали и благодарности, с искренним желанием счастья вашему многострадальному народу. Я твердо убежден в этом, ибо человеческая совесть не позволяет рисовать портрет народа с выродков и маньяков.

Я считаю необходимым сказать: мне стыдно и больно за многих моих соплеменников — за их глупость, бестактность, за вольные и невольные их злодеяния. За все это я ощущаю свою моральную ответственность, свою вину. Но теперь я хочу спросить вас, Игорь Ростиславович: неужто в а ш а совесть совсем спокойна? Попытка подвести итог взаимоотношениям двух народов — опасное и, пожалуй, глупое занятие. Именно поэтому мне бы не хотелось сбиваться на ваши выражения типа "что они сделали нам". Слишком уж конкретны эти местоимения: *мы, они*. За ними мне видятся многие живые, добрые люди. Ведь любое человеческое существо не может быть охарактеризовано в терминах совокупности, к которой оно отнесено. Чувство стыда, ответственности, вины, о котором я только что говорил, может возникнуть только в результате добровольного, внутренне необходимого движения души. И я по-человечески спрашиваю: вполне ли спокойны ваше сердце, ваша совесть, когда вы думаете о евреях в России? Хотя бы о той части совместной нашей истории, которая предшествует известным событиям и в которой "вина" наша состояла единственно в том, что мы породили религиозную концепцию, тысячелетие принятия которой вы недавно отметили.

А вообще-то история отличается от математики, и прежде всего тем, что историк прикасается к человеческой плоти, к ее нервным, болевым узлам. Умение ощущать страдание другого существа, как свое собственное, абсолютно необходимо для него. Полное отсутствие этой способности — вот что более всего поражает в вашем сочинении. При всей его внешней обстоятельности оно, без сомнения, не слишком научно и убедительно. Достаточно вспомнить ваши игривые упоминания о погромах. Ведь до чего же злопамятны эти евреи: подумать только — они затаили недобрые чувства после известных пасхальных увеселений в Кишиневе! А Мартов (Цедербаум!) с трех лет не может забыть погрома, хотя казаки разогнали толпу, не дойдя до его дома. Представьте себе, что бы он затаил, если бы это произошло не *до, а после*... А Бялик? — пишет полные горечи послепогромные стихи!

Позвольте сообщить вам: мы ощущаем боль так же, как и вы; мы так же любим своих детей, и нам так же невыносимо видеть, как им забивают гвозди в глазницы, что и вам,

если бы, не дай Бог, это были ваши дети. Не подумайте, однако, будто я пишу все это для того, чтобы пробудить в вас сочувствие. Мы готовы отозваться на любую — даже минимальную — человеческую симпатию, но мы ее не домогаемся. Я просто сообщаю вам некий естественно-исторический факт — видимо, не вполне вами создаваемый. Возможно, он пригодится вам для цитирования в дальнейших трудах. Дело в том, что подобные вещи надолго остаются и в личной, и в национальной памяти. Мы не в силах забыть наших матерей и отцов, совсем недавно на глазах цивилизованного мира отправленных в газовые камеры.

Вызывает изумление опереточное легкомыслие, с которым вы трактуете историю и традицию еврейского народа. Прежде всего — о ваших манипуляциях со Священным писанием. Трудно отрицать, что Библия составляет одну из основ европейской цивилизации. Книга эта сложна, как сама жизнь, и так же, как жизнь, оставляет каждому, кто обращается к ней, свободу выбора. Можно сосредоточиться, скажем, на следующих словах:

Почитай отца твоего и мать твою. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не производи ложного свидетельства на ближнего твоего (Исход, 20. 12—16).

Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды (Исход, 23. 2).

Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя. Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской (Левит, 19. 18, 34).

Когда будешь снимать плоды в винограднике твоём, не собирай остатков за собою; пусть останется пришельцу, сироте и вдове (Второзаконие, 24. 21).

Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего. Пусть он у тебя живет среди вас на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его (Второзаконие, 23. 15—16).

Если и иноплеменник, который не от твоего народа Израиля, придет из земли далекой ради имени твоего, — ибо и они услышат о твоём имени великом и о твоей руке сильной и о твоей мышце простертой, — и придет он и помолится у храма сего: услышь с неба, с места обитания твоего, и сделай все, о чем будет звать к тебе иноплеменник (Третья Книга Царств, 8. 41—43).

И Он будет судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать (Исайя, 2. 4).

Можно было бы продолжать без конца. Трудно удержаться и не воскликнуть вместе с вами (но с противоположной интонацией): "У кого еще можно встретить подобные чувства?" Такие ценности мы внушаем нашим детям и предлагаем всем, кто хочет разделить их с нами. А вот ваши любимые места:

Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал... (Второзаконие, 6. 10-11).

Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их — служить тебе... Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, — погибнут; и такие народы совершенно истребятся... И придут иноземцы, и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями (Исайя, 60. 10—12; 61. 5).

И будут цари питателями твоими; и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих... (Исайя, 49. 23).

Что ж, возможен и ваш выбор. Можно упиваться подобными местами, вырванными из теологического, психологического, исторического и художественного контекста. Но сколько же мрака нужно иметь в душе для этого. Привет вам, кстати, от Ем.Ярославского (Губельмана), Игорь Ростиславович!

Наш выбор совсем другой, и детей мы учили и учим не по этим, выбранным вами рецептам. Что же касается мрачных, загадочных аспектов Библии, то мне кажется, что здесь мы сталкиваемся с тайной, восходящей к стиху 4 гл. 1 Книги Бытия: "И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы". Но тьму оставил. Зачем? Любое приближение к постижению этой тайны может основываться только на любви и откровении, а не на произвольном манипулировании цитатами, составляющем основу вашего творческого метода.

Отмечу фактическую неточность, неожиданную для такого, казалось бы, скрупулезного исследователя, каковым вы являетесь. Третья Книга Ездры, которую вы пространно цитируете, не входит ни в еврейский, ни в православный канон. Этот апокриф, созданный приблизительно в конце первого века н.э., дошел до нас только в переводах (в греческих и латинских рукописях подразумеваемый автором мессия прямо назван Иисусом Христом). Третья Книга Ездры всегда привлекала внимание именно христиан: о ней высоко отзывались отцы церкви, а еще в прошлом веке — митрополит Филарет Московский. Ваше упоминание о ней в контексте воспитания еврейских детей выглядит поэтому совсем уж смехотворным.

Той же поразительной недобросовестностью, исключающей возможность серьезного обсуждения, отмечено ваше упоминание о Талмуде. Здесь вы даже изменяете обычной своей академической манере и не приводите точных цитат. Подозреваю, что это связано с уровнем владения предметом. Чтобы внести заметную лепту в многовековую клевету на Талмуд, одного-двух терминов маловато.

Что же касается волнующей проблемы осквернения могил (евреями, конечно), не худо бы вам — в соответствии со взятой на себя миссией духовного наставника — обратиться с пастырским словом к некоторым своим соотечественникам, след вандализма которых вы без труда найдете на еврейских кладбищах и в подмосковной Малаховке, и в Ленинграде, и в Орше. Читая ваши пассажи, кажется, что вот-вот появятся и пресловутые христианские младенцы; похоже, лишь какая-то остаточная стыдливость удержала вас от этого соблазна. Во всяком случае, это ощущение подкрепляется вашим, достаточно выразительным упоминанием о деле Бейлиса.

Весьма своеобразна ваша трактовка праздника Пурим. Поверьте: содержанием Пурима (одного из древнейших праздников в нашей — и не только нашей — истории) является радость по поводу спасения, избавления народа. Ведь и 9-го мая мы радуемся не гибели миллионов немцев (в том числе женщин и детей) и не разрушению их домов, а совсем другому, не так ли?

А ваше упоминание о Варфоломеевской ночи! Непонятно, как вам удалось после этого удержаться и не вспомнить о многочисленных праздничных аутодафе. Или о праздновании Пасхи Христовой в Варшаве, милитаризованной горящим гетто. Что же касается числа погибших от рук евреев, — вы потрясаете цифрой 75000, взятой из Священного писания, — ваш нарочитый примитивизм в обращении с Библией просто бросается в глаза. Библейские цифры все-таки не следует принимать за сводки Госкомстата. Восточное, да и любое летописное мышление носит весьма своеобразный, преувеличенный характер. Иное понимание древних документов попросту опасно, ибо невежество и предрассудки будут только множиться.

Несколько слов о терминологических спекуляциях. Я имею в виду истерическое восприятие словосочетания "избранный народ". Может быть, этот термин для современного слуха не слишком удачен, так как предполагает достаточно редко встречающуюся способность воспринимать терминологические конструкции в качестве цельных образований. Скажем, обращение "уважаемый товарищ" не является буквальной суммой составляющих его слов. Товарищ может быть отнюдь не уважаемым, и даже не товарищем. Прилагательное "избранный", вырванное из языкового и семантического контекста, одним дает повод думать о каких-то привилегиях, другим (обычно недобросовестным читателям) — долго и со вкусом рассуждать о национальном высокомерии евреев, их презрении к другим народам и т.д. В действительности же смысл сочетания "избранный народ" в контексте Библии состоит в простой констатации факта: скрижали с заповедями были вручены на Синае еврейскому народу, и ему же назначено было стать тем проводником, через который высокие моральные принципы иудео-христианства достигнут других народов. Каждый, кто хоть немного знаком с историей моего народа, понимает, во что обошлась ему эта "привилегия". Да, мы гордимся нашей исторической миссией; но это гордость, а не гордыня. И в этой гордости высокомерия не больше, чем в чувстве русского человека, сознающего, что Достоевский — русский писатель. Вы считаете, что мы были упрямыми и надменными, поддерживая в течение двух тысяч лет свое национальное существование в условиях невероятных, нечеловеческих. А я вижу в этом прекрасную, гордую верность своим отцам, своей вере, своему собственному пути. Разве не того же хотите вы и для вашего народа?

Хочу напомнить вам в этой связи прекрасные слова Моисея, составляющие одну из основ нашей веры: "Люби ближнего твоего, как самого себя". Согласно нашей традиции, все люди, подчеркиваю: *все* — сотворены по образу и подобию Божьему, все они — дети Божьи. Праведники всех народов имеют свою долю в грядущем мире, говорит наша традиция (Талмуд, Синед. 105 А). И в этом отношении она идет даже дальше христианства: достаточно вспомнить Апостола Павла или католическую формулу *extra ecclesiam nulla salus*¹. Еврей не имеет никаких привилегий перед иноверцем с точки зрения спасения. Напротив: в отличие от последнего, обязанного соблюдать только семь Заповедей, предписанных сынам Ноя, еврей должен исполнять все 613 Заповедей Торы.

Еще одна легенда, всецело разделяемая вами, — религиозная замкнутость евреев. Человек, любого происхождения, принявший иудаизм и согласившийся выполнять его предписания, причисляется к "детям Авраама, отца нашего", к "сынам Израиля", словом, к "избранному народу". Кстати, один из знаменитых наших законоучителей р.Акива Бен-Иосиф был неевреем.

Несколько слов о так называемой русофобии. Непринужденность, с которой вы вычитываете эту угрозу из дискуссии с несколькими, видимо, раздражающими вас авторами, вызывает почти восхищение. Согласен: некоторые из приводимых вами высказываний в адрес русского народа возмутительны. Непонятно только, как могут эти слова (не имеющие, кстати, широкого хождения) угрожать духовному здоровью и уж тем более самому существованию великого народа. Думаю, русский народ решит стоящие перед ним проблемы, даже не заметив воображаемой опасности, опираясь не на ненависть, а на свет, живущий в человеческой душе.

Если же говорить об истинной фобии, то она в вашей работе, несомненно, присутствует. И прежде всего — как вы сами удачно отметили — в виде смеси ненависти и страха. Я говорю о юдофобии. И если о ненависти мы уже говорили, то присутствие страха представляется мне загадочным. Читая ваше сочинение, невольно думаешь о его авторе как о представителе маленького, забытого народа. И это при соотношении 40 : 1 (или даже более того)! При таком-то соотношении — не стыдно ли о евреях говорить со страхом? Не слишком ли велик лелеемый вами комплекс неполноценности? И не слишком ли велико ваше неверие в собственный народ?

Что-то болезненное есть в вашей склонности считать антирусскими манифестами некоторые литературные произведения. Воистину: не делай другому того, чего не хотел себе (кстати, это тоже из Талмуда). Взгляните, например, на сочинения Достоевского: каким презрением к полякам и другим инородцам они проникнуты! А "Тарас Бульба" — с его апологией национального высокомерия, ненависти, поэтизацией кровавого разгула! Вместе с тем все (или почти все) прекрасно понимают, что творчество любого крупного мастера к одной лишь — даже черной — стороне не сводится.

В заключение еще несколько слов. Вы подчеркиваете свое гражданское мужество, открытость своей позиции. Вы — трагичны, вы завершаете свой труд упоминанием о смерти ("Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать"). Возможно, это связано с личными обстоятельствами, не знаю, но похоже, что вы имеете в виду всемирный сионизм, который изведет вас "атомной бомбой антисемитизма" (ваша терминология). Но не беспокойтесь: худшего, скорее всего, не произойдет. Во всяком случае, образец такого же бескомпромиссного гражданского мужества преспокойнейшим образом и много лет процветал на ваших глазах². Конечно, вполне вероятно, что кто-то из ваших знакомых не сможет преодолеть естественное чувство брезгливости и не подаст вам руки. Не беда. Живите долго и счастливо, Игорь Ростиславович. Возможно, Бог вернется к вам и вложит в ваши уста слова, более достойные великого народа и вашего собственного ума и таланта.

Б.А.Кушнер (Москва)

¹ Вне церкви нет спасения (лат.).

² Имеется в виду ныне покойный академик И.М.Виноградов (в течение многих лет — директор математического института им. Стеклова АН СССР), прославившийся своим патологическим антисемитизмом. — М.Д.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ

Трактат члена-корреспондента Академии наук СССР И.Р.Шафаревича "Русофобия" представляет собой машинопись объемом около ста страниц; судя по всему, он написан уже довольно давно, но лишь в последнее время получил распространение в самиздате. Теперь он опубликован в мюнхенском русском журнале "Вече" и в скором времени выйдет отдельной книгой.

*

Вот краткое содержание этого труда.

Духовная жизнь нашего народа оживилась, возникло множество идейных течений, но на этом фоне обозначилось течение совершенно особого рода. Оно сплотило множество авторов в стране и в эмиграции и даже подчинило себе общественное мнение на Западе. Течение это носит нигилистический и деструктивный характер: оно представляет собой концентрированное выражение ненависти к России, к ее истории и государственности, к русскому народу, существование которого вдобавок отрицается. Задача книги, как ее формулирует автор, — разобрать эти взгляды и выяснить, кто их распространяет (с. 2—7 машинописного текста).

Доказать несостоятельность подобных инсинуаций нетрудно. Ненавистники России считают, что русский человек — прирожденный раб. Ничего подобного. Пушкин, например, так не считал. Русофобы сводят всю дореволюционную историю нашей страны к произволу Грозного и Петра I, но это ложная схема. К тому же и в Европе было достаточно деспотов. Дело в том, что все худшее в русской истории, если оно и было, пришло к нам с Запада (с. 8—15). Р.Пайпс и другие недруги утверждают, будто Советский Союз многое унаследовал от царской России, — это тоже неправда. Эти люди ополчаются на русский мессианиззм, хотя всем известно, что Мессия изображен еврей. И, наконец, большой вопрос о революции и социализме: откуда они явились? Опять-таки целиком и полностью с Запада. Итак, клевета, распространяемая русофобами, к которым, по сведениям автора, относятся кроме Пайпса А.Янов, Б.Шрагин, Г.Померанц, А.Краснов-Левитин, публицист, выступавший в "Вестнике РСХД" под всевдонимом Горский, а также классик ивритской литературы Бялик, певец Александр Галич и многие другие, — не выдерживает критики (с. 15-22).

Но если яд этой клеветы впитается в национальное сознание, наступит духовная гибель. Хуже всего то, что русофобы отрицают собственный национальный путь России и хотят навязать ей демократию западного образца. Однако демократия совсем не так хороша, какой нам хотят ее представить. Переход от авторитарного правления к демократическому — насилие над народом. Вообще демократия во всем мире терпит крах и уступает место однопартийным режимам; она не может быть альтернативой коммунизму и в Советском Союзе. То, к чему толкают Россию ее враги, есть не что иное, как чужеземная оккупация (с. 24—30).

*

Такова экспозиция; далее автор переходит к главной теме: кто такие эти люди? Кто этот "малый народ", стремящийся диктовать свою волю великому народу? Найти ответ И.Р.Шафаревичу помог малоизвестный писатель, "один из самых интересных исследователей Французской революции" Огюстен Кошен.

По его мнению, решающую роль во Французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого слоя заключалась в том, что они в своем собственном интеллектуальном и духовном мире — "Малый Народ" среди "Большого Народа". Можно

было бы сказать — антинарод среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго. Именно здесь выработывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей... (с. 36).

Параллель напрашивается сама собой. Выдающийся мыслитель Кошен нашел разгадку не только Французской, но и нашей отечественной истории.

Мне кажется, эта замечательная концепция применима не только к эпохе Французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же "Малый Народ", все жизненные установки которого противоположны мировоззрению остального народа. Будучи отрезан начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку — как на чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения — образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам "архитекторов" (с. 38).

Присутствие "малого народа", следы его разлагающего влияния в России обнаруживаются еще в XIX веке в сочинениях Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Зайцева, Ткачева и многих других: так, Чернышевский "объявил Пушкина, Лермонтова, Гоголя бездарными писателями" (с. 39), а Варфоломеей Зайцев, по данным автора, был евреем. Именно с этой губительной силой спорит Достоевский в своем "Дневнике писателя" (с. 39—40). К этому народу, к людям, которые "ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все..." (с. 40), естественно, принадлежали и народовольцы.

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь четкого комплекса идей не может быть случайным — очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определенным социальным явлением, возникающим всегда в устойчивой, стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа (с. 41).

Переходя к современным представителям Малого народа — интеллигентам, диссидентам и эмигрантам, автор констатирует, что и в их выступлениях общий знаменатель — русофобия. Все они буквально состязаются друг с другом в ненависти к русскому народу и русскому государству. Не кровные интересы Большого народа, а интересы разного рода меньшинств, инородцев, мелких подрывных групп, политических заключенных и иных отщепенцев — вот что волнует Шрагина, Янова, Манделя, Амальрика, Померанца, вот чем подогревается их злоба. Более же всего пекутся они о праве евреев на эмиграцию. А что такое эмиграция? Измена родине, — той самой России, которую они клянут, которой пророчат гибель, России, которую они разрушают извне и изнутри (с. 43—50).

Спрашивается, чем же все это можно объяснить.

Ненависть к одной нации скорее всего связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять такой тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не поможет ли она понять все явление.

Если принять эту гипотезу и спросить, ЧЬИ ЖЕ национальные чувства здесь проявляются? — то для человека, знающего жизнь страны, ответ, думаю, не вызовет сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых,

вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не при каждом разговоре (с. 57).

*

После этого все становится проще и яснее, широкий круг явлений получает убедительное истолкование, ибо оказывается следствием единой общей причины. Ведь все перечисленные выше авторы — евреи, и не зря, например, Янов,

...излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России западным интеллектуальным сообществом, не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится "новый Барух или Маршалл" (еврейская фамилия Маршалл происходит от слова "маршелик" — шут в гетто) (с. 62).

Итак, типология и состав Малого народа установлены с научной точностью: это еврейские националисты-русофобы и близкие им по духу отщепенцы, утратившие связь с Большим народом. Решив главную задачу исследования, академик Шафаревич предлагает далее рассмотреть вопрос о "влиянии беспрецедентного прилива еврейских национальных сил" на судьбы России. Влияние это следует оценивать как безусловно отрицательное. В конце XIX века евреи порвали с местечковой замкнутостью и, движимые мстительными чувствами к русскому народу, стали ведущей силой либерально-обличительной прессы, устремились в подрывные левые партии и подпольные террористические группы. Когда же произошла революция, евреи стали во главе страны. Они убили царя и его семью, тем самым надругавшись над всей национальной и государственной традицией России, уничтожили православную церковь и были организаторами истребительных акций против русского народа во всех частях страны (с. 64 сл.; 74—79). То, что при этом они действовали именно как евреи, руководствовались еврейскими националистическими и антирусскими мотивами, доказывает, например, следующий случай: на стене комнаты, где происходил расстрел царской семьи, "было обнаружено написанное по-немецки двустипшие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это" (с. 78). Гейне, как известно, еврей. Задним числом евреи расправились и со всей русской историей, о чем свидетельствуют стихи Безыменского, проза Василия Гроссмана и другие литературные улики. Попутно И.Р.Шафаревич разъясняет, кто такой Гроссман:

В.С.Гроссман — советский писатель и публицист. Вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени, лауреат Сталинской премии. Одновременно, в тайне, написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти. В одной из них, "Все течет", он сурово развенчивал Сталина и Ленина, очень сочувственно отзываясь о Троцком... В той же книге он утверждает, что русская история — это история рабства, что русская душа — тысячелетняя раба, извратившая занесенные с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком — в русской душе он видит "неистребимую, неистовую силу", "железную аввакумовскую" силу, которую нельзя "ни согнуть, ни сломать" и т.д.). Таким образом, В.Гроссман можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы (с. 82).

Вообще в любой стране политическая активность евреев, будь то французские коммунисты или эсеры в России, выражает их национальные интересы и больше ничего (с. 82—86).

Что же конкретно представляют собой эти мотивы, что именно заставило евреев сыграть столь роковую, демоническую роль в России в пору ее исторического кризиса? Во-первых, религия, "вера в избранный народ, в предназначенную ему власть над миром. Какой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах?" Следуют цитаты из Библии, разоблачающие эту фатальную черту еврей-

ства (с. 86—87). Во-вторых, огромное значение имеет распространение евреев среди других народов, которых евреи всегда ненавидели и которым всячески старались навредить. Певцом еврейской ненависти к славянам был уже упомянутый Бялик; "презрение и брезгливость к русским, украинцам, полякам как к существам низшего типа, недочеловекам ощущается почти в каждом рассказе "Конармии" И.Бабеля"; то же можно сказать о стихотворениях Э.Багрицкого и романах И.Ильфа и Е.Петрова (с. 89—90).

Евреи планомерно отравляют мир. Они искусственно концентрируют внимание обществности на обличениях некоторых сторон окружающей жизни, поднимают шум вокруг судебных процессов, которые разоблачают их преступления, — например, таких, как дело Дрейфуса и дело Бейлиса. Они подчиняют себе души и растлевают национальную культуру, навязывая ей ложные, искусственные авторитеты: "пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как ученого, слава Шенбурга (по-видимому, академик Шафаревич имеет в виду Арнольда Шёнберга), художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского" (с. 99).

Но хотя опасность нависла над всеми, особенно угрожающим в наши дни стало положение русского народа. Ед не много, и евреи его уничтожат. Так определяется великая национальная задача, стоящая перед всем нашим народом: борьба с коварным врагом.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт "Малого Народа". Зная роль, какую он играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое появление: реализуются столь отчетливо провозглашенные идеалы — утверждение психологии "перемещенного лица", жизни без корней, "хождение по воде", то есть **ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ**. И в то же время при первой возможности — безоглядно-разительное манипулирование народной судьбой. А в результате новая и последняя катастрофа, после которой, вероятно, от нашего народа уже ничего не останется... (с. 97—98).

Таков конец, к которому толкает "Малый Народ", неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование "Большого Народа". Поэтому создание оружия духовной защиты против него — вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решить только индивидуально: **СКАЗАТЬ ПРАВДУ**, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать (с. 102).

Этими торжественными словами заканчивает свое сочинение И.Р.Шафаревич.

*

Собрание началось в 7.30 и окончилось в 10.15 вечера. Докладчик сделал сообщение о евреях. Докладчик сказал: куда ни помотришь, всюду евреи. Всей Германии управляют евреи... Еврей сидит в правительстве и плетет там свои интриги. Когда он снова наполнит свои карманы, он снова начнет помывать рабочими, чтобы быть всегда у кормила, а мы, бедные немцы, чтобы все это терпели. Докладчик перешел к вопросу о России. Кто все это натворил? Еврей, только он. Потому, немцы, будьте едины и боритесь против евреев. Заключительные слова докладчика: мы хотим вести борьбу до тех пор, пока последний еврей не будет удален из Германской империи. Речь докладчика была встречена бурными аплодисментами.

(К.Гейден, Адольф Гитлер, т. 1, с. 40. Цюрих 1936.)

Наисильнейшую противоположность арийцу представляет собой еврей. Ни у одного из народов мира способность к самоутверждению не развита так сильно, как у так называемого избранного народа. Лучшим доказательством этого может служить простой факт существования этой расы. Какой другой народ за две тысячи лет подвергся таким ничтожным изменениям в своем внутреннем устройстве, в своем характере и т.д., как еврейский?..

Еврей всегда был паразитом в теле других народов. То, что при этом он иногда покидает свое жизненное пространство, связано не с его намерениями, но это есть результат выбрасывания вон, которое он время от времени терпит от народа-хозяина, ставшего предметом его злоупотреблений. Но его распространение по всему миру — типичное явление для всех паразитов; он всегда ищет новую питательную почву

для своей расы... Так жил еврей во все времена в государствах других народов... Наряду с масонством еврейство использует и другое оружие: прессу. Они стремятся овладеть прессой со всем их упорством и изворотливостью. С помощью прессы они начинают постепенно со всех сторон охватывать и обрабатывать всю общественную жизнь, вертеть ею так и эдак, ибо они в состоянии производить ту силу, которая известна сегодня под названием "общественное мнение". В то время как этот народец кричит о "свободе", "просвещении", "прогессе", "правах человека" и проч., он на самом деле защищает и охраняет свою расу...

И вновь, и именно наше движение стоит перед крупнейшей задачей: оно должно открыть народу глаза на истинного врага нашего сегодняшнего мира. В ответ на ненависть к арийцам... мы все должны гневно выступить против злого врага человечества, истинного источника всех страданий.

(А.Гитлер, *Моя борьба*, 328-е издание, т. 1, гл. 11 — "Народ и раса", с. 329, 334, 345; т. 2, гл. 15 — "Самозащита как право", с. 724. Мюнхен 1938)

"Я единственный в мире, кто установил, что еврейская угроза представляет историческую проблему. Мое понимание еврейской опасности основано на знании самого Талмуда... Я изучал их 25 лет. Никто лучше меня в этом не разбирается... Знаете, все обвинение состоит из евреев." На мой вопрос, считает ли он, что прокурор Джексон — тоже еврей, он ответил: конечно. Ведь Джексон, это по-немецки Якобсон, вот вам и ответ.

(Г.М.Гилберт, *Нюрнбергский дневник. Камера Юлиуса Штрейхера*, с. 15, 416. Франкфурт/М. 1962)

Можно было бы привести множество аналогичных цитат из обширной литературы национал-социализма. Как человек девственный, И.Р.Шафаревич не подозревает о том, что он изобрел велосипед (а может быть, делает вид, что не подозревает). Рокочная роль евреев в жизни народов — немцев, французов, русских, а также, по видимому, эскимосов, новозеландцев и вообще всех людей — давно уже разоблачена и доказана классиками и корифеями расизма; вся теоретическая база, на которой покоится труд Шафаревича, все его исторические параллели и сенсационные открытия, эрудиция, пафос, гнев — все это в полном объеме присутствует в книге Гитлера, в речах д-ра Геббельса, в статьях Юлиуса Штрейхера, в трактате Альфреда Розенберга, не говоря уже об их идейных предшественниках. Здесь просто нет возможности указать на многочисленные, часто буквальные совпадения. Вспоминаются и выступления некоторых ученых, которые созрели как нацисты еще до прихода Гитлера к власти и с восторгом приветствовали новый, истинно-национальный и "народный" режим, — такие, как борец с еврейством в науке арийский физик Филипп Ленард. Трактат И.Р.Шафаревича мог бы пополнить эту библиотеку, и лучшим эпиграфом для него была бы знаменитая фраза, некогда украшавшая обложку еженедельника "Штюрмер": Die Juden sind unser Unglück! ("Евреи — это наше несчастье!"). А может быть, и старая, но не потерявшая актуальности сентенция Лиона Фейхтвангера: "Антисемитизм — международный язык фашизма".

*

Достаточно переменить слово "русский" на "немецкий", и целые страницы "Русофобии", если не все изделие целиком, превращаются в дурной перевод с немецкого. Рассуждения о народе, который представляет собой некоторую высшую, загадочную и первозданную надисторическую сущность, — и потому-де существование каждого из нас оправдано лишь в той мере, в какой мы принадлежим к этой сущности; хвалебные песни во славу иррациональных сил, управляющих судьбой нации; апелляция к авторитарному государству; оголтелый национализм; вражда к демократии, к многопартийной системе, к парламентаризму как к продуктам гнилого Запада, уверенность, что все худшее пришло к нам оттуда; мания преследования и стремление свести все мнимое или действительное зло к единому знаменателю, свалить вину за все беды на некое злонамеренное меньшинство; ненависть к инородцам, которых в свою очередь обвиняют в ненависти к "большому народу" — вот, дескать, и ответ, почему "они" только и думают о том, чтобы погубить "нас",

вот вам и разгадка; идея заговора, которая разрастается до клинических, параноидных масштабов: любые критические высказывания, любая непочтительность, любое проявление инакомыслия оказываются делом рук подрывных элементов, заключивших тайный союз, руководимых все той же ненавистью и корыстью; исторические примеры, вроде того, что Французскую революцию инспирировали масоны — секретные агенты "малого народа"; фантастические экскурсы в этимологию, наподобие разъяснения, откуда происходит фамилия Маршалл; цитаты из Библии и цитаты из произведений писателей, поэтов, публицистов, носивших еврейские или якобы еврейские фамилии; непоколебимая уверенность в том, что все эти люди, когда бы они ни жили, чем бы ни занимались, каковы бы ни были их политические убеждения, их верования и идеалы, действуют не иначе как агенты международного еврейского Komplote, руководствуются исключительно своекорыстными, еврейскими и антирусскими мотивами; полуобразованность, облаченная в квазинаучный словарь, статистические подсчеты, где сколько было евреев, и, наконец, венец всей философии — торжественное разоблачение еврейства как трансцендентного и внеисторического, но действующего на протяжении всей истории губительного начала, наделенного дьявольской хитростью и сверхчеловеческой энергией, вербующего в свои ряды народных отщепенцев, — разоблачение опасности, грозящей всему нашему народу, так что если сейчас, немедленно мы не примем самых решительных мер, мы все погибнем. Весь состав идей академика Шафаревича от начала до конца воспроизводит пресловутое "мировоззрение", Weltanschauung гитлеровской гвардии и, в сущности, выдает в нем законченного нациста. Все это уже б ы л о — и мы хорошо знаем, чем это кончилось.

*

В задачу этой рецензии не входит полемика с книгой члена-корреспондента Академии наук Шафаревича; ясно, что она этого не заслуживает. Кроме того, я не думаю, чтобы дискуссия с автором на том уровне, который задан его сочинением, попытки оспорить его аргументы с помощью соответствующих контраргументов — подобрать которые не представляет труда, — достигли цели. Вы можете привести сколько угодно противоположных цитат, библейских или каких угодно, привести цифры, опровергающие статистические "доказательства" Шафаревича, можете ссылаться на здравый смысл, напоминать о морали и порядочности, наконец, призвать на помощь чувство юмора — вам ответят, что все ваши доводы е в р е й с к и е, то есть заведомо ложные. Ибо мы имеем дело не с логикой и здравым смыслом, а с идеологией, основанной на низменных эмоциях; сражаться с этими мельницами бессмысленно.

Другой вопрос — насколько распространены сегодня подобные взгляды в Советском Союзе. У каждого разумного и уравновешенного человека упражнения престарелого национально-погромного мыслителя могут вызвать только улыбку; но разумные люди не формируют настроений толпы. Вплоть до государственного переворота, до момента, когда партия собрала сорок процентов голосов, мыслящие люди в Германии и за рубежом не принимали Гитлера всерьез; карикатурный облик вождя и его соратников, гротескность всего "движения" были излюбленной темой куплетистов. В 1933 году стало уже не до смеха.

Положение, которое сложилось сегодня в СССР, экономическая разруха и безудержная коррупция, вакуум, оставленный умершей официальной идеологией, озлобление и подозрительность, которыми охвачены многомиллионные массы, и почти неизбежная в этой обстановке активизация правонационалистических сил — все это довольно близко напоминает Веймарскую республику накануне ее краха. И кто знает, может быть, мы доживем до дня, когда юные "памятники", читатели и почитатели автора "Русофобии" займут места во главе колонн, марширующих под трехцветными знаменами со свастикой.

Хотя распространение материалов этого профиля на территории Федеративной республики преследуется в уголовном порядке, следует выразить признательность национальному журналу "Вече", познакомившему публику с выразительным документом современного русского фашизма. ●

Владимир ВОЙНОВИЧ

МЫ—ВЫ—ОНИ

Начну с того, что вот я уже восемь лет за границей, а до сих пор слово "эмигрант" не могу к себе приложить не поморщившись. Или такие понятия, как эмигрантский писатель, эмигрантская литература. Что это такое? Это какая именно литература? Мои писания тоже в нее, в эмигрантскую литературу, зачисляются, но правильно ли? Я живу здесь восемь лет, а в Советском Союзе прожил сорок восемь. Пишу я приблизительно тридцать лет, значит, опять-таки восемь лет здесь и двадцать с хвостиком там. Если "Чонкин", написанный в Москве, эмигрантская литература, то тогда и мою песню "14 минут до старта" тоже следует считать эмигрантской. По крайней мере — слова этой песни, поскольку автор музыки пока что еще в России.

Теперь еще вот что. Писатель в России, в отличие от других стран, занимает всегда особое место. К нему относятся с большим уважением, но и требуют от него многого. Он там вроде как и священник, и доктор, и даже капитан. То есть в случае чего с корабля он должен сходить одним из последних. Сходить с корабля, в системе наших аллегорий, это значит — уезжать в эмиграцию. Каждый человек имеет право ехать куда ему вздумается и жить там, где ему удобнее. В Одессе, в Москве, в Париже или в Нью-Йорке. Но к писателю все относится ревниво, никто не дает ему права выбрать место жительства по вкусу, его осуждают даже, в некоторых случаях, когда он меняет родную Вологодчину или Тамбовщину на Москву, а уж если переселяется за границу, тут к нему и совсем счет особый. Правда, смотря когда. Вот Бунин, Куприн, Мережковский и прочие переселились, когда половина России покидала ее, а другая половина оставалась на месте. Их, конечно, партийная печать клеймила, но люди понимали. Потом в общем-то писатели, когда перед ними вставал вопрос: или — или, очень редко решали его в пользу отъезда. Замятин, когда очень уж допекло, уехал, а Булгаков, столько раз искавший дырку в границе, в последнюю минуту остался. Пильняк был в Америке, мог бы сохранить себе жизнь, не вернувшись, а вот вернулся и не сохранил. Пастернак получил Нобелевскую премию, где же еще и жить, как не на Западе, но взмолился, чтоб не выгоняли, и остался там, где, говорят, сам себе облюбовал место для могилы — на кладбищенском холме, под тремя соснами, на которые при жизни часто смотрел из окна. Анна Ахматова написала про себя не без гордости, что никуда не уехала, и "я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был".

Сталинские годы писатели пережили, в лагерях гибли, на Запад не уезжали. Правда, уехать было нельзя, но это неважно, это вроде как бы уж мелочи. Ну вот, а в семидесятые годы (как будто уже не террористические, а всего лишь застойные) писатели (а, впрочем, и художники, и музыканты, и танцовщики) повалили валом. А для чего же?

Я долгое время заблуждался и думал, что всем, кто сколько-нибудь следил в те годы за положением дел в обществе и в литературе, было ясно, что по доброй воле почти никто не уезжал. Уезжали в основном те, у кого и выбора почти никакого не оставалось. Ну, Солженицына вывезли под конвоем. Но Некрасова затравили хулиганским обращением. То устраивали обыски, больше похожие на грабеж. То хватили на улице и тащили ни с того, ни с сего в вытрезвитель. То ловили и тащили (это, кстати, было на моих глазах) в кутузку по подозрению,

что он кого-то на чем-то задавил, хотя он если на чем-то и ездил, то только в качестве пассажира. Владимирова довели до инфаркта. Травили Галича, Максимова, Эткинда, Копелева.

Вот я сейчас слышу от некоторых советских коллег: мы не уехали, а они уехали. Если говорить правду, это тема деликатная, и я почти все восемь лет своего пребывания здесь ее предпочитал не касаться. А сейчас, пожалуй, коснусь. Дело в том, что большинство из тех, которые говорят: "Мы не уехали", не были поставлены в положение, когда вопрос, уезжать или оставаться, был вопросом жизни и смерти. А почему? Тем, кто не знает, напомню. Перечисленные мною писатели подвергались особым гонениям, потому что писали, выходя иногда далеко за рамки дозволенного, и к тому еще сами защищали гонимых. Власти этого терпеть не могли. Защита человека человеком, то самое милосердие, о котором с легкой руки Даниила Гранина сейчас часто пишет советская пресса, тогда приравнивались к числу самых ужасных государственных преступлений. До 68 года довольно многие писатели позволяли себе подписывать какие-то петиции и обращения в защиту ближнего. В шестьдесят восьмом году все подобные подписанты были наказаны, и всем было ясно дано понять, что тот, кто пикнет, будет наказан, и наказан жестоко. И почти все намек поняли. А некоторые единицы не поняли или не захотели понять, и с ними, как однажды выразился Сталин, поступали "по-вражески". Всех, всех до единого, кто после 68 года вступился открыто хоть один раз хотя бы за одного человека, исключали из Союза писателей, переставали печатать, лишали куса хлеба и выжили из страны иногда даже очень зверскими способами. В свое время всех перечисленных мною выше писателей повыгоняли из дому. А вместе с ними, до них или после выгнали еще Синявского, Бродского, Аксенова, а к этому списку можно добавить еще и тех, кого прямо не выгоняли, но и жить не давали, как например, Коржавину.

Короче говоря, в конце концов довольно большая компания русских писателей оказалась на Западе. Жили мы здесь все довольно по-разному, и вообще местимение "мы" к нам ко всем даже не очень подходит. Потому что мы здесь не состоим ни в одной партии, ни в одном союзе, мы даже живем в разных странах. Поэтому обо всех говорить не буду, скажу о себе. Лично я все восемь лет своего пребывания на Западе жил в ожидании перемен в Советском Союзе и очень надеялся до них дожить. И когда в июне прошлого года меня повезли делать операцию на открытом сердце, я прямо чуть не умер с досады. Ну неужели, думаю, вот ведь совсем как будто чуть-чуть осталось, а не доживу? Неужели повторю судьбу Некрасова или Тарковского и отдам Богу душу, самую малость не дотянув? Через пару дней после выхода из наркоза мне принесли статью Эльдара Рязанова обо мне. Статью очень добрую, с нее, собственно, и началась моя реабилитация. Прошло совсем немного времени, и вот меня печатают, да так обильно, что мне никогда даже и не снилось. И все в общем-то хорошо. Или почти хорошо. Вот бы и радоваться. А я и радуюсь. Но не совсем. Сейчас объясню, почему.

Может быть, кто-то читал мою сказку о недовольном. Там речь о человеке, которого ни за что приговорили к расстрелу. Он, ясное дело, был недоволен. Его помиловали, заменили расстрел лагерем. От него опять никакого спасибо. перевели из лагеря в ссылку, а он все недоволен. Вот так, примерно, и я.

А почему? Попробую объяснить. С некоторых пор разные советские авторы по собственной инициативе и в условиях благоприятно сложившейся ситуации стали внушать читателю очень простую, но, как выяснилось, для многих неожиданную мысль, что эмигранты не все палачи, не все предатели, не все служили в гестапо или в каких-то разведках, не все живут под мостами и не все питаются, как выразился некий изящный словесник, "на шикарных парижских помойках". А выяснилось, что многие попавшие сюда русские довольно успешно здесь пишут, рисуют, ваяют, танцуют, и вообще они для чего-то кому-то нужны и, может быть,

то, что мы с ними расстались, было все же неправильно. Ну, авторы подобных статей разные, и мысли у них тоже неодинаковые. Одни хотели бы вернуть этих людей, других больше интересуют бизнесмены, и даже не они, а их капиталы, третьи считают, что эмигрантам лучше вовсе не возвращаться, а пусть там, где живут, будут нашими патриотами. Надо сказать, что идея в общем-то нереальная. Люди, если уж они переехали куда-то навсегда, хотят быть патриотами тех стран, где живут они и их дети. Например, в Америке, будучи еще свежим эмигрантом, я никак не мог привыкнуть к тому, что если русский говорит "мы", он имеет в виду "мы — американцы".

К слову, по поводу местоимений. Когда в советской прессе появились первые неуверенно положительные упоминания эмигрантских имен, я заметил, что многие авторы все время и мучительно решают для себя вопросы, что объединяет и что разъединяет "нас", то есть "их", и "их", то есть "нас". Некоторые в этих "мы" и "они" совершенно запутались. Меня, честно говоря, это удивляло и удивляет до сих пор. Кто это вы? Кто это мы? Я помню, когда-то мы все говорили "они" про тех, кто нас тиранит. Мне даже однажды было предьявлено обвинение. "А вы знаете, — негодовала по моему поводу партийная дама Людмила Шапошникова, — что он говорит про нас: "Они"!" Но вот, скажем, своих друзей и вообще более или менее угнетенных писателей я всегда причислял к своей компании и если говорил "мы", то разделительной чертой была для меня не государственная граница. Теперь читаю даже и в самых доброжелательных отзывах: "мы" очень четко делимся на "нас", которые здесь, и "их", которые там. Ну что ж, может быть, так и должно быть.

Но пойдем дальше. Последнее время в советской печати статьи, причем большие, иногда на целую газетную полосу, об эмигрантах и о том, как с ними быть, пошли косяком. Даниил Гранин в "Известиях", Григорий Поженян в "Советской культуре", Леонид Почивалов в "Литературной газете" пишут фактически об одном и том же. Надо изменить отношение к эмигрантам, надо понять, кто из них чего стоит, надо дать им возможность вернуться на родину. Но вот как вернуться, это вопрос. Помиловать или реабилитировать? Извинить или извиниться? Вернуть отнятое гражданство или необязательно? На эти вопросы точнее и циничней других отвечает, пожалуй, корреспондент "Правды" В.Большаков. В своей статье в "Правде" от 9 января он высмеивает своих коллег, которые еще даже не извиняются перед эмигрантами, а только пытаются выяснить (цитирую): "А вот если бы перед вами извинились, пригласили на родину друзья или творческий союз, вы вернулись бы?" Надо сказать, что сама по себе такая форма разведки (что будет, если мы извинимся?) довольно бестактна. Если считаете себя виноватыми, извинитесь, потом увидите, что получится. Но Большакову и эта форма кажется слишком унижительной. И он решает вопрос просто и на своем уровне окончательно. Конечно, жаль, что вы больше не с нами, но унижаться и извиняться, и выяснять, что будет, если извинимся, не надо. "Есть, — говорит он, — барьеры, перешагнув которые, не возвращаются".

Возражая Гранину, предложившему вернуть гражданство тем, у кого оно отнято, Большаков говорит так: "При всей справедливости такой постановки вопроса задумается, а следует ли это делать чисто механически? А сочетаются ли наш "молоткастый, серпастый" и, скажем, Солженицын, идеалом политического устройства России которого по-прежнему остается самодержавие? А Василий Аксенов? А Максимова, Гинзбурга, Буковского, Зиновьева тоже прикажете записать в советские граждане, хотят они этого или не хотят? Да они сами от такой перспективы проснулись бы в холодном поту!"

Все, конечно, четко объяснено, но неправильно. То или иное гражданство не должно быть связано с идеологическими основами, и идеалами любого гражданина может быть самодержавие или другое государственное устройство. Например, члены британской компартии вряд ли являются сторонниками монархии, но это ни-

сколько не мешает им быть подданными ее величества. Отменять те или иные неправильные решения — это не значит обязательно возвращать что-то. Например, приговор по делу Бухарина отменен, но отнятую жизнь ему вернуть никто не может. С гражданством несколько иначе. Указы о лишении гражданства должны быть безусловно отменены как незаконные. Хорошо бы еще при этом выразить сожаление. Всем, всем, включая даже самых отъявленных монархистов, если таковые имеются (в чем я не уверен). А само гражданство — это уж пусть каждый сам лично решает. Кто захочет, возьмет, кто не захочет — не захочет. То же, между прочим, после всего, что с некоторыми вытворяли, понять можно.

Во многих статьях об эмигрантах мелькают постоянно два призыва: милосердие или великодушие. Оба никак к теме не подходят. Великодушие, оно больше применимо к преступникам. К тому, кто кого-то убил или что-то украл, можно проявить великодушие. Учитывая среду, родителей, плохое воспитание или психическое расстройство. А милосердие надо проявлять к больным или несчастным, но не к тем, кого сам обидел. А то до того с этим милосердием далеко забежали, что критик Анатолий Ланщиков, дискутируя с Игорем Золотусским в "Литературной газете", считает, что публикация в "Юности" моего романа "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" — это — надо же! — акт милосердия. Выходит, что литература — это какая-то богадельня. Хотя, конечно, богадельней она была и отчасти ею остается, но (к счастью или к несчастью) не для меня. В своем споре с Золотусским Ланщиков идет еще дальше. На вопрос Золотусского, не пора ли перед эмигрантами извиниться, он говорит: "Нам виноватиться пока преждевременно. Ведь не грех будет "возвратившимся" сходить да повиниться на могилки А.Яшина, Н.Рубцова, В.Шукшина, К.Воробьева, В.Курочкина, Ю.Трифоновна, Ф.Абрамова, И.Акулова... Только все это должно происходить не в приказном, а в сугубо добровольном и интимном порядке".

Надо же, какая спесь! "Нам виноватиться преждевременно". Кому это вам? Если вы себя лично на "мы" называете, то вам "виноватиться" надо, может быть, только перед русским языком. А если вы, скажем, от имени Союза писателей, то вам вашу черную совесть никакими "виновачениями" вовек не отмыть. А насчет похода возвратившихся на могилки, то я прежде всего хотел бы узнать, а кто они, возвратившиеся? Кто уже возвратился? А если и возвратился, то в чем виноват он перед перечисленным списком, включая, например, совершенно неизвестного мне Акулова? Вот Золотусский правильно сказал, что русскому литератору могилы Александра Яшина и Виктора Некрасова одинаково дороги. Но к этим могилам и к тем, которые перечислил Ланщиков, я бы добавил могилы Константина Богатырева, Анатолия Марченко, Юлия Даниэля, Вадима Сидура, Александра Галича, генерала Петра Григоренко. Перед этими людьми, Ланщиков, вы не прямо, нет, но косвенно виноваты, что ни разу никогда в защиту хотя бы одного из них ни слова не сказали.

Март 1989 г.

Марк ХАРИТОНОВ (Москва)

КОНЕЦ ЭПОХИ

На исходе века

Этот век не только в силу цифровой символики завершает и подводит итог тысячелетия. Он в каком-то смысле вобрал и обобщил всю предыдущую историю, как обобщил и сжал до размеров обозримого с высоты шара географическое пространство Земли. Мы последние, кто застал жизнь, не меняющуюся века и тысячелетия: русские лапти и первобытных дикарей, каменный век и феодальные монархии, языческие обычаи и мазанки с глиняным полом — все уровни цивилизации, все типы и стадии культуры, в какие-то — последние для себя — годы существо-

вавшие одновременно. Все в веках и пространстве стало обозримо, доступно пониманию, обнаружило новую, внеиерархическую ценность для текущего дня.

Что-то теперь невозвратно исчезает из живой жизни и скоро останется лишь в виде экспонатов, реликтов, реликвий. Зато к концу века наметились контуры цивилизации совсем новой. Среди ее возможных примет одна по понятным причинам особенно меня занимает: не обойдется ли она без книг? Тогда и эти вот строки окажутся обращенными в пустоту, — нам не будет дано того провиденциального собеседника, на которого, по слову Мандельштама, всегда рассчитывал пишущий.

Будем все-таки надеяться, что у нас сохранится с потомками общий язык, ведь основы человеческой природы не очень подвержены изменению. Хотя среди возможных свершений будущего наиболее завидными представляются мне раскрытие и развитие недоступных нам сейчас потенциалов мысли и духа. Но это же дает шанс и на большее понимание.

Мы-то уже знаем, что ждут нас не только приобретения: достаточно вспомнить о тысячелетии древних греков и римлян, этрусков и критян, о тысячелетии египтян и тысячелетии иудеев, о тысячелетии китайцев и тысячелетии индийцев.

Конец эпохи

Одиннадцатого июня 1958 г. Пастернак писал Нине Табидзе:

”Я думаю, несмотря на привычность всего того, что продолжает стоять перед нашими глазами и что мы продолжаем слышать и читать, ничего этого больше нет, это уже прошло и состоялось, огромный, неслыханный сил стоивший период закончился и миновал”.

Что он имел в виду? Расчет со сталинщиной? Этот расчет затянулся еще на три десятка лет и по-настоящему завершается лишь теперь.

И теперь же стало ясно, что эти слова можно отнести к чему-то большему. Завершилась вся эпоха, начатая революцией, целый исторический период, со своей концепцией, идеологией, даже эсхатологией. Гигантский эксперимент, о котором долго мечтали властители мировых умов, потерпел очевидный крах: кучка людей, уверивших себя в праве и возможности насильственно повести человечество к счастью, сумевших захватить и страшной ценой удержать неслыханную власть, создала реальность, с самого начала отмеченную чертами как бы фантомности, основанную больше на словесных представлениях, подменах, видениях; эта реальность обернулась кошмаром, от которого еще долго надо освобождаться. Но несостоятельность и нежизнеспособность системы уже очевидна.

Конечно, в мире этот порыв вызвал сдвиги разнообразные: он стимулировал социальные улучшения, побудил власть имущих пойти на необходимые уступки и реформы, он ускорил конец колониальной системы, и он же подсказал итальянским и немецким фашистам, как просто может присвоить власть решительное меньшинство. Может быть, для мира особенно поучительным оказался этот эксперимент своим отрицательным опытом. Но ставился-то он на нас — он был нашей жизнью.

Теперь мы переживаем его финал. Эпоха в самом деле кончается — уже кончилась, несмотря на видимость продолжения, и уличающие, просвещающие вдогонку сочинения немного напоминают запоздалые фонари, необходимые после рассвета. Кризис может затянуться, но протокол вскрытия написан заранее. Время во всем мире живет другим, и нам теперь предстоит найти в нем свое место.

Хорошо бы, чтоб все-таки свое, — не в подражателях же ходить и приживалках. Чего-то все-таки стоил наш страшный опыт, дал он нам что-то, неведомое другим.

История и человек

Под занавесом исторического действия еще шумят споры о необходимости и случайности, о доброкачественности несбывшихся замыслов, оправданности жертв, о цене исторического эксперимента и исторического величия.

Нам говорят об историческом измерении, которое само по себе предполагает незначительность отдельной жизни перед эпохальным результатом. Мы восхищаемся пирамидами, красотой Петербурга, мы слышим уважительные суждения об индустриальном скачке России — но кто всерьез скорбит о египетских рабах, о безмян-ных, как муравьи, крепостных... чуть не продолжил: о погибших в ГУЛаге? Нет, этих мы пока помним — лично, но — многие ли и надолго ли?

Эти разговоры начались не сегодня. Давно было нам растолковано: нельзя подходить к историческому творчеству с мерками обычной морали. Грех русской интеллигенции виделся в том, что она никогда "не переживала истории и исторической судьбы как имманентной себе, как своего собственного дела и потому вела процесс против истории как против совершающегося над ней насилия" (Бердяев). Особенно упрекал Бердяев в этом Толстого: вот кто "был выразителем той стороны русской природы, которая питала отвращение к исторической силе и исторической славе. Это он приучал элементарно и упрощенно морализировать над историей и переносить на историческую жизнь моральные категории жизни индивидуальной".

Нам напоминают: великое напряжение духа (а значит, и взлет культуры) порождается великим же историческим напряжением. Веками умиротворенный маленький народ может быть житейски счастлив, но духовно он остается незначительным. У него просто никогда не зародится трагический карамазовский вопрос: будут ли оправданы неизбежные жертвы и страдания великим историческим результатом, окупит ли вся будущая гармония единственную слезу ребенка?

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Образованный критик недавно процитировал в журнале эти стихи так: "Счастлив, кто посетил сей мир..." Нет, то-то и оно: разве тут о счастье речь? Какое тут счастье! Но сбой памяти не случаен: причастность к роковым событиям мира, войнам, революциям, катастрофам чем-то и впрямь одаряет человека.

Говорят, человечеству зачем-то нужны страстные и даже безумные порывы, не дающие народам затихнуть в мирной, но губительной спячке, а жизни — затянуться обывательской ряской; нужны герои, воинственные вожди, исторические деятели, аккумулирующие и порождающие творческую энергию. Так, во всяком случае, было всегда: подобно пару, пока он не остыл, бурление иррациональных страстей двигало историю, где одни народы самоутверждались за счет других. Может быть. Но наше время приблизилось к таким масштабам катастроф и войн, что в пору здесь, видимо, что-то переосмыслить.

Не помню, кого цитирует Камю: "Не приведи Бог родиться в великие времена".

Да и насчет связи величия исторического и культурного надо еще разобраться. Бах, Гете и Гофман творили не в Германской империи. А миниатюрные городо-государства Италии — чем по сравнению с ними обогатили человеческий дух и культуру империи Чингис-хана, Тамерлана, османов?

Я не говорю сейчас о жертвенных порывах, которые нужны и неизбежны, когда грозит опасность стране, семье, детям. Можно пренебречь своей жизнью во имя будущего, во имя счастья других — или того, что тебе кажется счастьем. Но только своей, и это другой разговор.

Я не могу принять исторического пренебрежения к единственной человеческой жизни и человеческому веку как к первой и важнейшей мерке, исходному масштабу всех прочих отсчетов. Что для истории наши пятьдесят-шестьдесят лет! От рождения до смерти мы перебивались кое-как в тесных жилищах, томилась в очередях, если не мучились в лагерях, — зато государство имеет что предъявить миру в качестве исторических свершений. И дети в конце концов получили квартиры с ватерклозетами, не голодают, если оглядываться не на других, а лишь на то, как было, — вот вам и оправданный результат.

А жизнь ушедшую, нечеловеческую, единственную, а жизни миллионов, которые не дождалась и ватерклозетов, а муки целых поколений, на чьих костях эти ватерклозеты устроились, — можно сократить на самих себя, как в допустимом уравнении. Чем, в сущности, и занимались певцы прогрессивного исторического творчества. Зарубежные даже увлеченнее доморощенных.

То, что "великая славянская мечта о прекращении истории в западном смысле" (О.Мандельштам) обернулась русской революцией, — парадокс лишь по видимости: революция и была попыткой осуществить эту мечту. Нет, из истории так просто не выпрыгнешь. Но, возможно, само понятие ее уже в недалеком будущем окажется весьма отличным от нынешнего. Я хочу только сказать, что все исторические замыслы и эпохальные дела должны соразмеряться с человеческой жизнью. На циклы, выходящие за пределы, эта мера должна переноситься естественно, как передается от поколения к поколению сад, который сажают не для себя, но для детей и внуков.

Возможность гения

Со всех сторон — разговоры об упадке, о кризисе, даже об отсутствии культуры, о прерванных традициях, обрубленных корнях, уничтоженных школах. Заголовок в журнале: "Начнем с нуля". Создано Общество возрождения культуры.

Люди разных возрастов говорят о своем поколении как несостоявшемся и несостоятельном. "Поколение, воспитанное на том искусстве, на той культуре, — пишет мой ровесник Ю.Карачиевский, — прожившее лучшие свои годы в той, придуманной, иллюзорной стране, — это, если быть до конца честным, потерянное для будущего поколение".

Какое-то личное, уязвленное чувство заставляет меня искать возражения. Во-первых, откуда нам знать? Может, в чьих-то письменных столах, в новонакопленных архивах уже ждут своего часа шедевры неведомых гениев? Еще немного дозреть благоприятным условиям, и мы обнаружим в этих, казалось бы, оцепенелых, а на самом деле затаившихся поколениях своих Платоновых и Булгаковых, а может, и нового Баха, который, как известно, не существовал для современников и зазвучал лишь стараниями потомков...

— Ну-ну, — слышится в ответ. — Во-первых, времена не те, совсем уж неизвестных трудно представить. А главное, возникнуть что-то может лишь на пригодной, культурной почве, как результат многолетнего, непрерывного, преемственного процесса. Ведь в самом деле, не всякий народ и не в любое время оказывается почему-то способным породить хоть одного гения — скажем, писателя мирового уровня. Почему? Не из-за биологической же худосочности основ, неполноценности генетического материала. Представим себе вполне одаренного от природы писателя, народ которого давно получил письменность. Представим также, что ему доступен опыт всей мировой культуры (от которой, кстати, мы во многом были оторваны). Все равно этого окажется недостаточно — если перед нами не мифический культурный герой. Чтобы национальная культура обрела самостоятельное дыхание, полноценный кровоток, в ней должен быть наработан собственный духовный потенциал, с живой системой собственных исторических и культурных символов, разветвленных ассоциаций, намеков.

Дайте Тютчеву стрекозу —
 Догадайтесь, почему,
 Веневитинову — розу,
 Ну, а перстень? — никому!

Чтобы так написать, надо не только иметь за плечами Тютчева и Веневитинова (наряду с Гете, скажем), надо предполагать читателя, способного понять, о каком перстне идет речь...

Я задумываюсь. Что говорить, целое поколение, к которому принадлежу я, да и не оно одно, было к этому неспособно. Для этого поколения не существовало не только Мандельштама, не только Цветаевой и Платонова, Булгакова и Бабеля, Бердяева и Флоренского, но даже Есенина и Достоевского, Блока и Белого. А Зощенко с Ахматовой существовали разве что в контексте погромного ждановского доклада. Для этого поколения громадная область русской и мировой культуры XX века не просто была белым пятном, — ее, хуже того, подменял отнюдь не безвредный суррогат, отравляющая современных книг, песен, газет, радио, кино. Это пришлось еще долго выхаркивать, но что-то успело всосаться в кровь, и очиститься даже сейчас удалось не до конца. Причем большинству пришлось справляться со всем этим самостоятельно: редко у кого оказывались учителя, так сказать, во плоти. Образование наше — чаще всего самообразование. Чего от нас таких, в самом деле, ждать, чего с нас взять?..

И все-таки, и все-таки.. Что-то во мне наперекор логике сопротивляется толкам о нашей заведомой несостоятельности, о нашей обреченности на попытки. Гордость ли, самолюбивое ли нежелание принять победу анонимной, давящей силы, из-под которой всю жизнь выбираешься. Посмотрим, бормочу я, возвращаясь к столу. Надо работать, пробиваться к настоящему, не ссылаясь на обстоятельства и не подыскивая для себя коллективного алиби. Пока ты жив, пока ты способен мыслить, искать — ты не вправе ни на что ссылаться. Спрос может быть только с тебя. Если ты не способен создать ничего действительно достойного, причина только в тебе. В конце концов, есть ты — и есть жизнь, есть мироздание; этого не так уж мало. Есть опыт великих предшественников и современников. Не хватает образованности или чего-то еще — наращивай; это твоя забота. Тем более что твоя область не требует сложного и недоступного технического оснащения.

Больше того, говорю я себе, может, именно эта кризисная, драматичная ситуация по-своему даже плодотворна для духовного творчества. Когда что-то дается не просто, не по праву наследования, а с духовным усилием — может, это усилие — ценней всего прочего? И разве наше поколение в конце концов так уж никого не породило? Я мог бы многих назвать. Вот хотя бы Бродский, — вспоминаю я козырь, который давно пора бы вспомнить. На наших харчах возрос, на той же почве, в той же среде — с кухонными разговорами, с чтением стихов, с обсуждением последних вопросов. Личное знакомство с Ахматовой было, конечно, важным, но вряд ли решающим — с ней многие были знакомы. Теперь эти разговоры ведут многие мальчишки, куда образованнее нас, с другими возможностями, с другими исходными данными. Если эти возможности, эта образованность соединятся с таким же духовным напряжением, мы еще скажем миру что-то, до чего дано было прийти только нам...

И снова вижу, как в ответ мне покачивают головой. То, о чем говорится на столичных кухнях, в подвалах, котельных, сторожках, все-таки еще не образует культуры. Культура не может быть кухонной, она по определению предполагает открытое существование, внешнюю реализацию. То, что у вас, может, в письменном столе, — это еще не культура; так, — дремлющая потенция. Культурой становится то, что входит в оборот, а там уж посмотрим, что чего стоит.

Что ж, вынужден согласиться я, это верно. Не будем пока называть это культурой. Будем говорить о духовной жизни, которая еще только может реализоваться в культуре. (А может и не реализоваться.) Главное, существует ли она, эта духовная жизнь, это духовное напряжение, реально, сейчас. Если да — тогда нас, право же, многое ждет. Может, даже не в очень далеком будущем.

Витторио СТРАДА (Венеция)

МЕЖДУ МАРКСОМ, НИЦШЕ И ДОСТОЕВСКИМ

Религиозно-философские
искания в России

Последние десять лет девятнадцатого и первые годы двадцатого века в России — период большого оживления культурной жизни и глубокого духовного обновления. XIX столетие было для России "великим столетием", когда родилась ее современная общественно-философская мысль и особого расцвета достигла литература. Парадоксальной особенностью русского общества было то, что богатство литературной и интеллектуальной творческой деятельности пребывало как бы в латентном состоянии, задавленное двумя антагонистическими силами, противоборством которых характеризуется история прошлого века и начало нашего. Это, с одной стороны, самодержавная власть, а с другой — революционная контрвласть, конечно, опиравшиеся на противоположные идеологические основы, с характерным для каждой и неодинаковым подходом к литературе и культуре и даже аналогичным цензорским отношением, хотя необходимо различать между царскими гонениями и радикальным остракизмом. В результате оказалось, особенно во второй половине XIX века, что литературе Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого, резонанс которой в России, а затем и в Европе возрастал, не удавалось выявить всех потенциалов своей духовной энергии, так как самосознание общества, да и сама литературная критика, в которой оно выражалось, были глухи к своему глубинному голосу, а когда он достигал их слуха, восставали против него, считая его голосом аристократии или реакции. Это был голос не только крупнейших писателей, но и замечательных мыслителей, таких, как Петр Чаадаев и Аполлон Григорьев, голос духовных глубин и метафизических высот, голос, в котором находили выражение огромные исторические и социальные проблемы и благодаря которому они получали новый мощный резонанс, — в то время как в радикально-революционной публицистике социально-политическая проблематика превращалась в некий абсолютизм, который выхолащивал человеческую сущность.

Обновление, начавшееся к концу этого века и достигшее расцвета к началу следующего, состояло прежде всего в открытии и переоценке этого огромного национального богатства в рамках европейской культуры, откуда черпались идеи, наиболее близкие этой литературной и интеллектуальной традиции, родственные проблемы, которые стояли перед русским духом на новом этапе его эволюции. Начался период необычайной творческой активности, что известно всем, кто маломальски знаком с историей русской культуры. В то же время для этого периода характерно остро-драматическое, чтобы не сказать — трагическое чувство апокалипсиса, неотвратимой и близкой гибели. В этом смысле так называемый Серебряный век русской литературы — начало столетия — совсем не похож на ее "золотой век", первую четверть прошлого столетия: тот век знал свои катастрофы, например, поражение декабризма, но при этом он был пронизан чувством органического внутреннего равновесия, какого не доставало и не могло доставать России XX века, так как над ней тяготела уже другая история — история второй половины столетия и назревавшая новая фаза, которой в скором времени предстояло начаться войной и революцией.

Принято говорить, что русская культура конца прошлого и начала нашего века пронизана новым и мощным духом религиозности. Эта мысль очевидна для всякого, кто знает этот период и подходит к его изучению без предрассудков. Однако она требует двух уточнений, каждое из которых вытекает из сказанного выше. Новое русское религиозное сознание первых лет XX века — подтверждение и развитие всего того, что таилось в глубине великой русской литературы, но прежде игнорировалось, презиралось и, добавим, снова будет игнорироваться и презираться на послереволюционном этапе русской литературы, чтобы лишь в наши дни оказаться заново открытым и переоцененным. Второе уточнение состоит в том, что новая русская религиозность, возникающая в последние годы прошлого столетия, вовсе не представляет собою нечто церковно-назидательное; это свободно-проблематичная религиозность: христианство для нее — не бесспорная истина, дающая приют и покой, а поиски истины, которые затрагивают общие и индивидуальные судьбы, не замыкаясь во внутреннем мире, но включая в себя поведение человека в истории. Иначе и не могло быть в эпоху тотального кризиса, который переживала в ту пору европейская культура в целом и с особой остротой — русская культура. Впрочем, и самый религиозный опыт великих умов, к которым обращалась русская религиозность начала столетия, — опыт Толстого, Достоевского и, конечно, Владимира Соловьева, — был далеко не мирным и безоблачным, а, наоборот, надрывным, бурным, катастрофическим.

Если такова общая картина формирования, утверждения и дифференциации новой религиозности в русской культуре начала нынешнего века, то не вызовет удивления, если я назову двух западных мыслителей, на которых ориентируется русская религиозная мысль этого периода: Карла Маркса и Фридриха Ницше. Здесь опять-таки требуются некоторые уточнения. Может показаться странным, что говоря об их влиянии не на русскую культуру вообще, а на религиозную мысль, мы останавливаем наше внимание на мыслителях, чей атеизм и антиатеизм, чей вызов христианству достиг, в каждом по-разному, высшей точки. Анализируя комплекс идей, оплодотворявших русские религиозные искания, следовало бы назвать, может быть, и другие имена, начиная с немецких романтиков и до западноевропейских философов начала XX в. Но пример Маркса и Ницше наиболее нагляден, если при этом отказаться от механического сопоставления, когда "влияния" понимаются как внешние взаимодействия разных явлений. В определенный момент культура не столько пассивно воспринимает чужие влияния, сколько ищет их сама, и эти поиски отвечают ее внутренним творческим импульсам, более того, само влияние — часть этих импульсов. Заимствуя у другой культуры то, что отвечает ее собственным запросам, культура обнаруживает доселе неведомое "избирательное сродство" между собой и тем, что ею усваивается. Активное восприятие Маркса и Ницше в России — это не просто влияние, а судьба. Правда, характер культурного присутствия обоих мыслителей в России неодинаков. Общеизвестно, что на долю Маркса именно в этой стране выпала беспрецедентная в истории Нового времени официальная революционная канонизация. Ницше, напротив, постигла совсем иная судьба, впоследствии его фигура была демонизирована, он был объявлен предтечей самой реакционной и бесчеловечной идеологии. Но это относится уже к другому периоду, требующему иного подхода. В рамках интересующей нас темы названным фигурам можно приписать один и тот же культурный статус, рассматривая Маркса в метаполитическом, а Ницше в метарелигиозном плане.

Что касается Маркса, то его связь с новой русской религиозностью — по крайней мере внешняя — достаточно ясна: наиболее активная группа религиозных философов начала века вышла из среды бывших русских марксистов. Они взяли у Маркса то, что было стимулирующим и новаторским по сравнению с русской народнической традицией, которая становилась все менее адекватной современному капиталистическому развитию, а затем, каждый по-своему, перешли на позиции спиритуализма,

подытожив свои новые взгляды и определив направление поисков в коллективном труде "Проблемы идеализма", изданном в Москве в 1902 г. Название другой книги, сборника статей Сергея Булгакова, написанных в 1896—1903 гг. — "От марксизма к идеализму" (Пб. 1903), — отражает идейную эволюцию не только автора, но и таких бывших марксистов, как Петр Струве, Семен Франк и Николай Бердяев. Это были выдающиеся и оригинальные мыслители, которых нельзя подогнать под какую-то одну общую рубрику, но и открыв для себя религиозное измерение, они продолжали ставить проблему революции в марксистском преломлении в центр своих идейных исканий, тем более что сама русская политическая жизнь с драматической остротой выдвигала эту тематику на повестку дня. Марксизм, если отвлечься от его чисто политических аспектов, воспринимался как религиозная тема, — в том смысле, что Маркс предлагает наиболее радикальное, негативное решение, идя дальше самого Фейербаха и полагая атеизм в основу теории социализма. В статье "Маркс как религиозный тип" С.Булгаков приходит к заключению, что вся доктрина Маркса вытекает из его воинствующего атеизма и что "личное влияние Маркса в социалистическом движении отразилось более всего именно усилением антирелигиозной, богоборческой стихии". В таком прочтении марксизм примыкал к кругу вопросов, которые так волновали Достоевского. Примечательно, что в другой статье Булгакова, "Иван Карамазов как философский тип", и Ницше рассматривается в перспективе Достоевского и связывается с проблемой социализма. По мнению автора статьи, все терзания и сомнения Ивана Карамазова "образуют в своей совокупности *проблему социализма*, не в экономическом смысле... но в смысле нравственного мирозерцания, как ставит его современная философия, в особенности Ницше, следовательно, не его теория, но его религия". Булгаков уточняет: "Иван не социалист, ничто, по крайней мере, не дает повода считать его активным социалистом, но он всецело охвачен этим мирозерцанием, он дитя социализма, но дитя маловерное, сомневающееся". И далее: "Не нужно разделять сознательно идеи века, чтобы быть тем не менее его сыном; иногда отрицание свидетельствует о гораздо более страстном отношении к отрицательному учению, нежели равнодушное его принятие. В этом смысле можно, между прочим, сказать, что Ницше со своей враждой к социализму является вполне продуктом мировоззрения социализма, незаконным его духовным сыном". Таким образом, Булгаков воспринимает Ницше в духе восприятия этого философа в России в начале века — как часть проблемы социализма, которая, как мы видели, в свою очередь ощущается как аспект религиозной проблемы и поэтому естественным образом входит в идейный кругозор Достоевского.

Для Булгакова Ницше представляет интерес не только как мыслитель, но и как личность, как воплощенная в человеческой судьбе *судьба идеи*, называемой им "атеистическим аморализмом". Поэтому он ставит знак равенства между Ницше и Иваном Карамазовым, "душевная драма" которых одна и та же: "теория аморализма, не совмещающаяся с моральными запросами личности". И добавляет: "Величие духа Ницше, на мой взгляд, выражается в страстности и искренности переживания этой драмы, которая окончилась трагически — сумасшествием Ницше. Другого пути из философии Ницше нет и быть не может; если бы он, написав то, что он написал, остался благополучным обывателем, каким остался, например, Вольтер, написав Кандида, эту вещь, полную отчаяния и неверия, то Ницше был бы просто беллетрист, который в изысканной прозе и стихах упражнялся на разные философские темы. Своим безумием более, чем своими писаниями, он показал действительную важность и действительно значение трактуемых в них проблем. Жизнь Ницше является необходимым комментарием, при котором трагическим заревом озаряются его писания, становятся понятны действительные страдания Заратустры". Такое восприятие Ницше типично для русских религиозно-философских поисков начала века, для синтеза теоретических спекуляций и поэзии на фоне мучительного кризиса русского и европейского сознания.

Эти страницы Сергея Булгакова позволяют наглядно продемонстрировать своеобразный характер взаимосвязи между Марксом, Ницше и Достоевским в рамках новой русской религиозной мысли. Можно было бы расширить и обогатить анализ этой связи, привлекая других мыслителей, проделавших аналогичный путь "от марксизма к идеализму". Ограничусь тем, что приведу новое свидетельство автобиографического характера, а именно то место из "Биографии П.Б.Струве" Семена Франка (Нью-Йорк 1956), где автор рассказывает о своем открытии Ницше: "Я в то время, случайно натолкнувшись на книгу Ницше "Так говорил Заратустра" и прочтя после этого несколько других его книг, был совершенно потрясен глубиной и напряженностью духовного борения этого мыслителя, остротой, с которой он заново ставил проблему религии... и проверкой основоположений нравственной жизни. Под влиянием Ницше во мне совершился настоящий духовный переворот, отчасти, очевидно, подготовленный и всем моим прошлым умственным развитием, и переживаниями личного порядка: мне впервые, можно сказать, открылась реальность духовной жизни. В душе моей начало складываться некое "героическое" мирозерцание, определенное верой в абсолютные ценности духа и в необходимость борьбы за них". В то время Франк, отошедший от марксизма, которым он увлекался в юности, охотно согласился на предложение участвовать в сборнике "Проблемы идеализма", для которого написал статью "Ницше и этика любви к дальнему".

Русская философская мысль начала века развивается между двумя крайними точками, которые можно обозначить именами Ницше и Маркса. Можно прибегнуть и к таким понятиям, как "нигилизм" и "революция", которые нашли наиболее яркое и последовательное выражение во взглядах этих немецких философов и осмыслились Достоевским в свете выстраданного христианства. В русской культуре этого времени христианство — не только и даже не столько путь спасения, как в случае с Булгаковым, сколько арена идейной борьбы, как, например, у Розанова, в антихристианстве которого своеобразно преломляются многие мотивы ницшеанской критики христианства. С другой стороны, и христианским, и антихристианским направлениям, вдохновлявшимся православной или парадоксальной религиозностью, противопоставит псевдохристианское и антирелигиозное течение богостроительства, представленное Максимом Горьким и Анатолием Луначарским. Это течение вызвало в начале 1910-х годов шумные споры, в которые были вовлечены не только философы и писатели, но и политики, так как богостроительство захватило периферийные круги русской социал-демократической партии, в особенности ее большевистской фракции. Касаясь концепции Горького и Луначарского, мы намеренно оставляем в стороне их отношения с А.Богдановым.

Впервые слово "богостроительство" появилось в повести Горького "Исповедь". Герой этого произведения, простой русский парень по имени Матвей, совершает своего рода странствие в поисках Бога и, не найдя его ни в собственной душе, ни в церквях и монастырях, приходит к убеждению, что истинный Бог не есть нечто трансцендентное, а представляет собой отвлеченный принцип, который может быть построен человеческим коллективом. Чувство имманентного божества, однако, утверждается в Матвее, когда он присутствует при излечении парализованной девушки: это происходит благодаря горячей вере народа, который, столпившись вокруг больной, вливает в нее чудодейственную целительную энергию. И Матвей убеждается в том, что Бог — в коллективе, вернее, в божественном характере человеческого коллектива. Вот как объясняет ему один из героев повести новую народную религию социализма: "Люди делятся на два племени: одни — вечные богостроители, другие — навсегда рабы пленного стремления ко власти над первыми и надо всей землей. Захватили они эту власть и ею утверждают бытие Бога вне человека, Бога — врага людей, судию и господина земли. Исказили они лицо души Христа, отвергли его заповеди, ибо Христос живой — против них, против власти человека над ближним своим!" Но — "живы и бессмертны богостроители; ныне они тайно и усердно творят Бога нового... Бога Красоты и разума, справедливости и любви!" Таким

строителем Бога и является "неисчислимый мировой народ", "отец всех богов бывших и будущих", "всесильный, бессмертный народ", который сознательные рабочие объединяют и "помогают ему осознать силу воли своей", указывая "людям единый и верный путь ко всеобщему слиянию ради великого дела — всемирного богостроительства ради!"

Горький проповедовал свое пролетарское Евангелие и коллективистскую мистику в согласии с тем, что в это время писал Луначарский в многочисленных работах, важная из которых — двухтомная "Религия и социализм" (1908—11). Посмотрим, как он излагал свою главную мысль в статье "Атеисты" (1908): "Сущность религии заключается, на мой взгляд, в стремлении положительно разрешить вопрос о противоречии законов жизни (потребностей человеческого) и законов природы. Старые религии и религиозно-философские системы разрешили этот вопрос, *истолковывая мир* (выражение Маркса), именно утешая себя представлением о нем, как о внешнем проявлении человекоподобной, умолимой или прямо благой воли; новая религия разрешает его, *перделывая мир* (выражение Маркса)". И далее, формулируя выводы, вытекающие из "новой религии", Луначарский утверждает, что, так как Бог — это только "оболочка души" религии, понимаемой как надежда на победу Добра и Красоты и как преодоление замкнутой в себе личности и превращение ее в нечто высшее и универсальное, то и "чувственная сущность социализма" может быть определена как *религиозный атеизм*. Религиозный атеизм и богостроительство — два названия одного и того же явления, хотя если в романе Горького превалирует мистико-экстатический элемент, то для теоретических построений Луначарского характерно преобладание известного интеллектуального схематизма.

Споры вокруг этого течения были, как уже говорилось, очень бурными и захватили широкие интеллигентские и политические круги России, которые с разных позиций критиковали идеи Горького и Луначарского. Особая непримиримость по отношению к этим идеям была характерна для В.И.Ленина, чей воинствующий атеизм вообще отвергал какие бы то ни было проявления духовности. Особенно важно для понимания сути "новой религии" социализма то, что Луначарский писал о Ницше в связи с Горьким, который и сам испытал в юношеские годы сильное влияние этого мыслителя (Луначарский, постоянно интересовавшийся Ницше, подтверждал это даже в 1928 г.). Вот что писал Луначарский: "Ницше учил, что человек волен создавать себе иллюзии и грезы, если только они ведут его вперед по пути творческих побед, к росту сил, к царственному счастью власти над природой. Пусть даже греза окажется неосуществимой, пусть идеал — сверх сил, дело лишь в том, чтобы человек был смел и стремился вперед. Отнимите у человека подобную иллюзию, и, если он силен, он создаст себе другую, еще более прекрасную. То же, что ждет его, быть может, прекраснее всех грез". Как видим, Ницше играет здесь иную роль, чем у С.Булгакова и Л.Франка: это уже не трагическое свидетельство нигилизма или попытка изживания нигилизма, философ выступает как теоретик мифа, помогающего жить вопреки нигилизму. То, что ницшеанский миф — это аристократический и индивидуалистический миф Сверхчеловека, а миф Горького и Луначарского — пролетарско-коллективистский миф Сверхчеловечества, имеет, на наш взгляд, второстепенное значение по сравнению с их общими корнями: именно эта общность побудила Луначарского в 1928 году признать в Ницше и фашизме силу, хотя и противостоящую коммунизму, но родственную ему: "Мы одинаково за диктатуру, мы одинаково за беспощадность в борьбе, мы одинаково за силу, потому что и мы, и они — действительные силы". Что же касается промежуточных, либерально-демократических сил, которые пытаются "создать веру в возможность разрешения социальных проблем одной словесностью", то они достойны всяческого презрения (см. М.Лейтензен, Ницше и финансовый капитал. Вступительный очерк Анат. Луначарского. М.—Л. 1928).

Эти рассуждения Луначарского свидетельствуют, конечно, о том, что его мысль в советский период неудержимо мельчала, но нельзя сказать, что его теоретиче-

ские позиции в дореволюционный период лишены интереса, хотя он и не может считаться оригинальным мыслителем. Несомненно, духовно более ярким был другой богостроитель — Максим Горький, идеи которого в рассматриваемый период были и остались органической частью его мировоззрения и в новой форме предстали в 30-е годы, в эпоху "социалистического реализма" (см. об этом мои работы "Le veglie della ragione", Torino 1986; "Simbolo e storia", Venezia 1988).

Вне зависимости от личных судеб участников религиозно-философской и идейно-политической дискуссии в России начала века можно сказать, что центром этой дискуссии, происходившей в значительной мере под знаком Маркса и Ницше, была проблема нигилизма — но не в таком понимании нигилизма, какое существовало в 60-е годы. Лишь Достоевский гениальным чутьем уловил в современном ему нигилизме философскую проблему, как она была потом поставлена Ницше и как ее переживала русская культура XX века. Нигилизм, понимаемый как обесценение высших ценностей, порождается, согласно Ницше, самой христианской моралью. Эта мораль объявила человека абсолютной ценностью, избавила его от случайного в процессе становления и, таким образом, выставила щит против нигилизма. Но она взрастила новую силу, силу истины, которая направила свое оружие против самой себя, почему и оказалась перед пропастью нигилизма.

Мы не будем здесь проследживать, как Ницше анализирует нигилизм нового времени, напомним только, что теоретическое обоснование пути спасения от этой пропасти он видит в иллюзии. Против нигилистического декаданства Ницше выдвигает миф Сверхчеловека. В России богостроители надеялись преодолеть нигилизм, который считали попросту "мещанским", путем создания коллективного и коллективистского Сверхчеловека, один из вариантов которого, собственно, и утвердился после Октябрьской революции. Богоискатели, если понимать этот термин в самом широком смысле, избавились от нигилизма не с помощью искусственного сурrogата — псевдорелигии, а благодаря подлинной религиозности, основанной на признании трансцендентальных ценностей и вере в них. Другие, как Розанов, переживали нигилизм в формах метафизического и бытового витализма, но в конце концов при виде революционного апокалипсиса, ужаснувшись перед пропастью небытия, нашли утешение, формально вернувшись к традиционной религии. Третьи, как Александр Блок, до конца прошли с чувством трагедии и своего рода стоицизмом декаданства путь почти мифологической борьбы между Марксом и Ницше в России Достоевского, освещенной закатным заревом христианства. Мы знаем, какой трагически сложной была эпоха, пришедшая на смену великим религиозно-философским исканиям начала века; ее прямые предпосылки коренятся в рассмотренном здесь периоде.

В наши дни возвращение к этой дискуссии, самой острой, какую когда-либо знала русская христианская культура, — не археологические изыскания. Это настоящее открытие чего-то исключительно живого и актуального, что слишком долгое время оставалось погребенным усилиями тех, кто был уверен, что запрятал это сокровище раз и навсегда и, прибегая к неслыханным по жестокости гонениям, пытался искоренить христианство в России. Ницше и Маркс еще раз, хоть и по-иному, чем когда-либо, являют собой полюсы проблемы, решение которой не могло быть предложено ни одним из них, и только выстраданное христианство Достоевского представляет плодотворную перспективу для будущего. ●

Борис ХАЗАНОВ

МОСТ НАД ЭПОХОЙ ПРОВАЛА

*Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.*

А.А.

Халды-балды!

О.М.

Мне скучно, бес.

А.П.

1. Литература

Издателю легче ответить на вопрос, для чего он печатает книги, чем писателю — для кого он их пишет. Я совершенно согласен, что рассуждать о литературе приятней и легче, чем делать литературу, но и писатель время от времени спрашивает себя, в чем смысл его работы. Пишет ли он для народа? Или для друзей? Для начальства? Для любимой женщины? Все ответы более или менее неудовлетворительны, и вот вам прекрасный повод отшвырнуть опостылевшее перо (или вырубить компьютер). С чего же мы начнем?

Всякий литературный текст "актуален", тем не менее литература и общественность — понятия, связанные не прямой, а обратной зависимостью. Чем литература актуальней, тем она меньше литература. Чем активней она откликается, вмешивается, клеймит, выступает в защиту — тем хуже для нее, тем она меньше литература. Литературу называют барометром, но это худшее, с чем ее можно сравнить. Или это барометр, который сам придумывает погоду. Несколько великих исключений, Аристотель или "Бесы", лишь подтверждают правило; при ближайшем рассмотрении исключения оказываются мнимыми; злоба дня переселяется в комментарий — кладбище злободневности; то, что казалось острым, предстает как художественный прием, повод для чего-то другого. Происходит то же, что с утварью и оружием: вещь оказывается произведением искусства после того, как отпала необходимость при-
воражаться полезной.

В этом суть дилеммы: или "актуальность" как литературный прием, или прием на службе у актуальности. Но жизнь неизменно отвечает ангажированной литературе черной неблагодарностью: ирония состоит в том, что литература, которая хочет говорить о самом жгучем, наиболее и животрепещущем, оказывается банальной, то есть художественно несвоевременной. Быть с в о е в р е м е н н ы м в литературе значит быть несвоевременным. Дело не в том, что устаревают общественно-политические проблемы, за которые она ухватилась с таким пылом, а в том, что литература, которая хочет быть близкой и понятной всем, не может не быть тривиальной. Иначе кто ее будет читать?

Между тем разоблачения приедаются. Обстреливать из духового ружья политический режим весело и занятно, лишь пока в ответ гремят орудийные залпы. Читать романы, чтобы вычитывать из них жизненную правду, которую я знаю и так, становится скучно. Раскрывать книжку, чтобы увидеть там, как в луже, дома, прохожих и собственное лицо, скучно; читать тысячестраничные эпопеи, чтобы узнать правду истории, как ее понимает летописец-беллетрист, — скучно до чудовищной зевоты.

Ситуация русского писателя всегда осложнялась тем, что большинство не замечало очевидного факта: литература мстит, когда к ней относятся как к мочущему средству. Вам не нравится? Ради Бога. Воспользуемся другим детергентом. Литература мстит, но особым образом: своим исчезновением. Странно сказать, но политическая ремиссия и культурная оттепель первым своим следствием имеют то, что литература в собственном смысле тает под весенним солнцем, превращаясь в огромные лужи публицистики.

Взирать на свою страну с критицизмом и недоверием, сохранять скептическую дистанцию по отношению к собственному народу, относиться к обществу и существующему порядку с тем специфическим отвращением, какое испытывал к Франции Флобер или к Австрии — только что умерший Томас Бернхард, словом, ставить под вопрос "современность", всю современность, — что может быть естественней для писателя? Но тогда чего же мы от него ждем? Надлежит ли ему быть патриотом, наставником общества и народа? Учить добру или хотя бы честности — в городе, где единственный порядочный человек прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья? Может ли русская литература все еще оставаться архаическим священным писанием народа, быть всем на свете, этикой, религией, социологией, историей, публицистикой, не много ли — или, может быть, не м а л о ли всего этого? Подумаем, не означает ли это в условиях массового общества попросту сделаться тривиальной литературой. В отличие от западной тривиальной литературы, которая хочет развлечь читателя, русская литература серьезна и хочет учить и служить. Но качество литературы определяется не ее честными намерениями. Тривиальная литература есть не что иное, как позавчерашняя классика: заросли папоротника, некогда бывшие лесами.

2. Парадигма

Наука, основанная на господствующей парадигме, есть "нормальная" наука. Я полагаю, что не будет чересчур смелым воспользоваться терминами Томаса Куна для рассуждений о литературе. Трактат Куна "Структура научных революций", дважды изданный на русском языке, не привлеч внимания литераторов и литературоведов, о чем следует пожалеть. Здесь достаточно напомнить его основную идею: развитие естественных наук совершается не путем последовательного накопления знаний, как копятся книги в библиотеке, а от одной научной революции к другой; революция — это крушение парадигмы.

Регулярная, признанная словесность под сенью чтимых монументов, основу которой составляет некоторый общепонятный стиль или, что то же самое, общепринятое художественное мировоззрение. Вот что такое нормальная литература. Эта литература призвана служить народу и кормить писателей совершенно так же, как наука — приносить пользу обществу и давать пропитание ученым. Это мировоззрение воспитывает читателей, формируя поле банальности, внутри которого совершаются новые открытия, радуют критиков художественные находки, гремят сенсации, кипит литературная борьба. И все хорошо, и все довольны. Несчастье в том, что когда мир обжит, в нем становится скучно жить. Крушению литературной парадигмы предшествует оскомины от литературы. Ведь парадигма представляет литературу как таковую; сквозь эти очки взирают на литературу в целом, на ее миссию, на ее суть.

Мы будем говорить о парадигме, которая называется социалистическим реализмом, но прежде необходимо сказать несколько слов о его главном враге.

3. Авангард

Соцреализму противостоит литературный авангард, вернее, должен был бы противостоять. Ибо кому же еще сподручнее замахнуться на словесность, которая прямо-таки просится, не правда ли, чтобы в нее запустили тухлым яйцом? Но авангард в

литературе двадцатого века сам по себе уже дело довольно далекого прошлого: больше, чем о каком-либо ином "направлении", о нем можно сказать, что все это было, было, было. Авангард был интермедией и, верный своему предназначению сокрушать старое искусство, расчистил место для другой рутины — социалистического реализма. Таким образом, об авангардизме, принимая во внимание его музейный характер, особо распространяться не приходится. Устарел не только он сам, устарели и протесты против авангардизма, равно как и доводы, с помощью которых вроде бы удалось доказать, что авангард — искусство, единственно соответствующее нашей эпохе. К несчастью, "наша эпоха" прошла, наступила другая. Гениальность пионеров самовитого слова, гениальность Хлебникова, молодого Маяковского, Крученыха, гениальность дада — это гениальность времени, когда Искусство еще пишется с большой буквы, еще достаточно величественно для того, чтобы покушение на него могло возмутить, взвинтить и воодушевить публику.

На всякий случай стоило бы еще раз договориться о смысле слов. Авангардом, то есть чем-то марширующим впереди всей рати, обыкновенно называли широкое и надевшее много шума движение, некое пестрое шествие, оглашавшее своими криками усталую литературную Европу между 1910 и 1930 годами. Авангард, следовательно, не есть синоним модернизма вообще, а скорее "выблядок" модернизма.

"Обычное" искусство стремилось так или иначе преодолеть хаос жизни. Авангардизм имел претензию воспроизвести этот хаос. Традиционная эстетика укрощает стихию языка с помощью того, что в широком смысле слова именуется стилем. Для авангардного мышления понятия стиля не существует, стиль отождествляется с идеологией, и вообще все это — старый хлам; вас зовут к свободе, бунту и своеволию. Нырнуть в стихию, вернуться к языковой плазме. Классическое искусство искусственно. Авангардистское словотворчество "естественно". Авангардизм — это своего рода романтизм двадцатого века, дальний потомок того, настоящего романтизма, но в отличие от благородного голубоглазого предка это романтизм не аристократический, а скорее хулиганский. Сокрушив литературные формы, новатор-иконоборец озирается в поисках чего бы еще разнести: на очереди — сама речь. Языковая материя авангарда разжижена настолько, что его алфавит и грамматика оказываются семантически пустыми или почти пустыми, вот почему возникает впечатление многосмысленности этих звукоизвержений. Так темнота кажется населенной призраками. Авангардистский текст есть, собственно, "текст с минимальной степенью упорядоченности кодовых знаков" — текст наименее дисциплинированный и высокочитропийный. В пределе — это заумь.

Облик литературы нашего века невозможно представить себе без авангардизма, но авангард сам задает чисто материальный критерий вычленения: возврат к первоначальному слову, к составным частям и, наконец, элементам. Разложение формы, возвращение к дотворчеству; авангард зовет к примитивности, о которой, однако, нельзя сказать, что она носит первобытный характер: это скорее финиш, чем старт. Модернизм же, как я его понимаю, приходит к усложнению формы, так как он порожден усложненным — удвоенным и утроенным — сознанием.

Быть авангардистом легко, — в этом, я думаю, состоит отличительная черта этого новаторства в эпоху, когда авангард давно уже не авангард и принадлежит скорее литературоведению, чем литературе; говоря словами Питера Слотердайка, "коль скоро шок стал школьным предметом, а студенты-искусствоведы изучают дада и пишут дипломные работы о сюрреализме, — несущий принцип новаторства внутренне исчерпан". Вдобавок авангардистский бунт, как бунт подростка, приспособлен к буржуазным родителям: они придают ему смысл и смак; революция может иметь успех лишь там, где есть что сокрушать. Когда родительский кров исчез, бунт становится беспредметным и теряет пикантность — главное, на чем держалась вся авантюра. Толпа, сбежавшаяся поглазеть на эстрадного борца, быстро редеет, и авангардисту ничего не остается, как искать пристанища у какого-нибудь мецената-хлебниково-веда.

Ныне роль буржуазного семейства играет соцреализм. Быть может, это дает литературному авангарду в России новый шанс привлечь на короткое время внимание публики.

4. Идея

Во избежание недоразумений мне хотелось бы предупредить, что я не вкладываю в понятие социалистического реализма определенного идеологического содержания. В самых различных областях знания существует немало терминов, буквальное значение которых давно не отвечает их смыслу. Слово "социалистический" нужно понимать лишь как дань традиции.

Каждому, кто знаком с выходящими в СССР трудами о социалистическом реализме, должно было броситься в глаза, что в них отсутствует определение предмета. Его невозможно найти даже в Литературной энциклопедии, где сказано (в статье под этим названием), что с.р. — основной метод советской литературы. Далее следуют цитаты из Горького, Ленина и т.п., похвалы новому методу, но на главный вопрос: *quid est?* — ответа нет. Это можно объяснить политическими условиями, боязнью взять на себя ответственность, хотя любая литературная парадигма, вообще говоря, с трудом втискивается в краткую характеристику.

Итак, я предлагаю отнестись к социалистическому реализму всерьез, то есть рассматривать его как систему представлений о литературе, метод решения литературных задач, особого рода литературную философию, этику и эстетику. В таком понимании социалистический реализм есть нечто более широкое и фундаментальное, чем направление или течение. И уж во всяком случае — нечто большее, чем система правил, предписанных идеологическим отделом ЦК. Политическое содержание произведений соцреализма, создававшихся в стране, придало ему слишком специфический характер; неприглядный облик адептов этой школы и самый факт ее цветения в системе партийно-полицейского дирижирования литературой были причиной того, что соцреализм сделался синонимом рептильной литературы. Между тем литература социалистического реализма с равным успехом может функционировать и как советская, и как антисоветская. Антикommунизм ей так же приличествует, как и советский патриотизм. Важен самый принцип функциональности, то есть сознательного служения идее, что и дает нам право вынести эту идею за скобки. Другими словами, не идеология определяет, как может показаться, эстетику социалистического реализма, а эстетика влечет его в объятия идеологии — какой именно, не так уж важно. Об этом не стоит забывать, говоря о единстве двух частей искусственно расчлененной русской литературы.

5. Народ

Нам известно не так много о русском беллетристе 90-х годов Борисе Тригорине; от его сочинений сохранилась одна строчка: "Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее". Зато мы располагаем довольно подробными высказываниями писателя о его творческом методе.

"Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч., и проч., и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и в конце концов чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив, фальшив до мозга костей."

Литература имеет право на существование, поскольку ее интересует не только природа, но и народ; ее оправдание в том, что она понимает себя как служение и средство; если ею недовольны, то потому, что она все еще недостаточно актуальна, все еще заглядывается на деревья вместо того, чтобы исправно отвечать на общественные запросы. Социалистический реалист — это Тригорин наших дней, или Боборыкин, или "бодрый талант" Потапенко, который был, говорят, прототипом Тригорина. Он сознает свой долг писать о страданиях и правах и готов соответствовать с дорогой душой, но что-то грызет его изнутри, он не может избавиться от ощущения фальши. В чем дело? Почувствовал ли он, что твердит зады, повторяет то, что ясней и проще, без беллетристических затей, всех этих "да, сказал он и прямо взглянул ей в глаза", "нет, прошептала она, потупляя взор", без утренних зорь и весенних разливов в Гремячем Логу можно высказать в журнальной статье? Или дело обстоит еще хуже, и в его душу впервые закралось подозрение, которое ставит под вопрос самый принцип социально-реалистического и ангажированного искусства: подозрение, что объект этого искусства, так называемая действительность, сам по себе двусмыслен, зыбок и ненадежен?

Художественное исследование действительности — так формулирует свой метод эта словесность. Презумпция объективной истины, уверенность в том, что существует общеобязательная и единообразно читаемая версия действительности, которую нужно лишь художественно освоить, — собственно и составляет основу этой литературной парадигмы. Увидеть правду, рассказать о ней, открыть на нее глаза всему обществу. Эта правда, следовательно, хоть и существует до того, как явится старатель, который отмоет ее от песка и глины, должна удовлетворять некоторым условиям: она должна быть важной для всех. Только такая правда достойна внимания. Поэтому писатель обращается не к кружку ценителей, но видит мысленно перед собой весь народ. Он должен быть понятным народу. Он выступает от его имени. Это как бы сам народ, чудесным образом обретший дар речи.

При таком подходе к делу, само собой, не может быть места сомнению относительно того, что и "народ" как некая метаисторическая величина существует на самом деле. Условием контакта с многомиллионным читателем должна быть общность сознания. Литература социалистического реализма не только постулирует такую общность, но в известной степени и творит ее. Это — литературное творчество в некотором нелитературном поле банальности. Иначе говоря, действительность, в существование которой он верит, есть, конечно, творение его фантазии, иначе эту литературу вообще невозможно считать литературой, — но точка зрения, с которой писатель-соцреалист обзирает действительность, есть точка зрения обыденного сознания. Средства, которыми он осваивает эту действительность, должны быть адекватны ей. Плуг, борона — весь инвентарь реалистического земледелия готов к его услугам.

6. Музыка

Существует теория, по которой с к у к а является главной пружиной эволюции искусства, смены вкусов и направлений. На вопрос, почему новое поколение зевает над книгами прославленного мастера, приходится ответить: надоело, и все тут. Дело не в таланте, а в исчерпанности поэтики. Как-то вдруг обнаружилось, что шеренга ветеранов 60-х годов марширует на одном месте. Но хуже всего то, что мы вступаем в эпоху, когда самое место литературы и ее роль в общественной жизни меняются, когда русской литературе придется отказаться от заветных святынь, от претензий руководить обществом, от заповеди служения народу. При той огромной конкуренции, какую представляет для литературы телевидение и пресса, писателю, возможно, не останется ничего другого, как собрать свой товар и ретироваться с рынка.

Его еще будут терпеть, как старую тетюшку, за столом, где председательствует журналист и ведут беседу историк, экономист и социолог. Но все, чем писатель может служить народу, уже расхватаю.

В искусстве, как в математике, существует представление о пределе. Предел литературы — это абсолютная литература, то есть литература без читателей: нечто подобное незвучащей музыке, о которой однажды заходит речь в разговорах Адриана Леверкюна с ученым другом, музыке, бытийствующей в качестве чистой структуры; ее даже нет надобности исполнять. Может быть, литература, как и музыка, движется к самоубийству. Может быть, у нее останется не больше ценителей, чем слушателей у современной музыки; может быть, она станет искусством для знатоков, творчеством для творцов и для комментаторов. "Нас мало избранных, счастливых праздных".

Социалистический реализм возник в поле высокого идеологического напряжения. Он представлял собой отчуждение идеологии в литературу. Теперь источники тока, создававшие разность потенциалов, иссякли. Со смертью идеологии выдыхается и контридеология. Но это не значит, что искусству социалистического реализма — искусству массового сознания — предстоит исчезнуть без следа. Я хотел бы еще раз сказать, что я не согласен с утверждениями, будто социалистический реализм — ложь и абстракция, искусственная теория, придуманная для того, чтобы дирижировать со знанием дела союзом литературных рептилий. Союз союзом, но соцреализм — отнюдь не фантом, а истинное и живое лицо современной русской литературы. Исчезает социалистическая идеология; исчезнет мало-помалу и самый пафос "служения". Остается литературная философия, представление о том, как надо писать, техника, поэтика, — язык в широком смысле слова. Сбросив государственный мундир, социалистический реализм братается с искусством кольпортажа.

Итак, если общество в нашей стране будет эволюционировать в ту же сторону, куда ушло западное послебуржуазное общество, место писателя в обществе станет таким же, как в Европе. Тогда окажется, что передовой отряд — это Пикуль и Юлиан Семенов, а соцреализм в собственном смысле, романы Фадеева, Симонова или А.Рыбакова были героической юностью литературы; теперь она повзрослела, рассталась с идейными бреднями и стала обыкновенной массовой литературой. Нужно согласиться с тем, что тривиальная литература — законный и нормальный род литературной промышленности. Ведь в западных странах никому не придет в голову громить литературу бульвара, ни один литературный критик не станет возмущаться тем, что самые тиражные авторы — именно э т и. Европейский принцип иерархичности запрещает черту связываться с младенцем; эту литературу просто не замечают.

Но рядом с этой промышленностью будет проложен путь духовной специализации. Роль, которую русская литература честно старалась исполнять полтора столетия, которую упорно навязывала ей литературная критика, будет восприниматься как архаическая. Писатель окажется перед дилеммой, какая встречает его на Западе, где такое положение дел никого не удивляет. Одно из двух: или он пишет для массового читателя, или почти ни для кого. Или литература актуальная, социальная, ангажированная, литература для развлечения, литература бестселлеров и как там она еще называется, литература для социалистической, националистической и прочей черни. Или просто литература.

7. Эмиграция

Фраза Ахматовой: "Я была тогда с моим народом..." может быть оспорена. Ничего подобного: поэт о т н ю д ь н е б ы л со своим народом. Эта сладкая участь выпала Твардовскому. Во всяком случае, эти красивые слова — анахронизм.

Так как бегство с родины и достоинство беглецов стали модной темой, да будет мне позволено напомнить о том, что чуть ли не половина самых значительных книг нашего века была создана в изгнании. Достаточно, впрочем, назвать только три: "Улисс", "Человек без свойств" и "Доктор Фаустус". Живи их авторы в иное время, не в век двух мировых войн, так быстро сменивших одна другую, что когда-нибудь на отдалении они будут казаться одной войной, вроде Тридцатилетней войны, и не в мире лагерей, фашизма и коммунизма, — о них говорилось бы просто, что они живут и работают за границей.

В другом стихотворении сказано:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Польнью пахнет хлеб чужой.

О горьком хлебе чужбины (*lo pane altrui*) говорит эмигрант XIV века Данте. Итак, предполагается, что на родине хлеб сладок. Дома мы на воле и не больны. Нет, мои милые: в том-то и дело, что и дома хлеб отдавал польнью, да еще как. Хлеб пахнет польнью везде. Для того, кто был странником у себя на родине, эмиграция не означает отказа от жизненного признания.

Проклятье нашей жизни в СССР заключалось в том, что поднять паруса можно было только тогда, когда тебя в буквальном смысле сталкивали в воду. А далее достаточно изменить две или три буквы, чтобы изгнанник стал изменником. Дикое представление о том, что эмигрировать значит предать родину, — естественное следствие жизни в стране, отгороженной от мира. Но писатель по самой своей природе изгой, в любой стране он аутсайдер. И нет ничего удивительного в том, что родина сживает его со света.

Писатель живет не на родине, он живет в языке.

8. Дисциплина

Я бы хотел сформулировать два постулата литературы. Назовем их так: дисциплина и безответственность.

Писание — это война с хаосом. Нет ничего притягательнее, чем зов хаоса, будь то стихия жизни или хаос собственной души; броситься ему навстречу — нет большего соблазна. Тут мы выходим за пределы искусства, потому что тяга к безмерности, тайная любовь к хаосу и наркотическая замороженность стихией — быть может, самая сильная страсть русской души. И можно сказать, что русская литература укротила эстетические русскую душу, подобно тому как авторитарная государственность укрощала ее другими средствами. Литература — это терапия души. Для мастера, имеющего дело со словом, это означает укрощение стихии языка.

Наш язык, сохранивший архаические черты языков древности, утратил их лаконизм и перевел их потенциальную энергию в кинетическую. Это язык, который непрерывно размахивает руками, вместо того чтобы ограничиться движением бровей. Наш язык хаотически-многоглаголив, избыточен и неопрятен, в нем есть какая-то непреодолимая тяга к информационным шумам. Пыльные хвосты прилагательных, мусор плеоназмов одинаково свойственны языку деловых бумаг, объявлений, газетных и журнальных статей, языку народа и языку посредственной литературы. Высокая энтропийность — первый признак плохого писателя. И можно сказать, что литература — это война с языком, с расхристанностью русского языка; писатель управляет языком, как генерал-губернатор — покоренной провинцией.

Литература "отражает" мир не более, чем наука; как и наука, литература упорядочивает мир. "Могу лишь заявить, что всю жизнь, — сказал Эйнштейн, — я любил хорошо обдуманые, трезвые фразы и лаконичный стиль." Настоящая реализа-

ция мыслеобраза — добротно сколоченная фраза. Нет ничего более очищающего душу, чем чтение хороших стилистов. Можно начисто забыть содержание книги, но сохранить память о том, как она написана. Литература побеждает хаос с помощью стиля. Стилль превращает писателя из раба языка в его хозяина; стилль, собственно, и есть дисциплина искусства.

Дисциплина предписывает писателю величайшую осмотрительность. Ни одно слово не является заменителем другого. Ритм фразы — детерминант ее содержания. Гейне предлагал обложить налогом баллады; в сущности, следовало бы штрафовать за каждое лишнее слово. Нужно следить за каждой запятой. Рассуждение Блока о трех или четырех точках в многоточии заслуживает самого серьезного отношения. Лишнее тире портит не только фразу, но и весь роман.

9. Безответственность

Нас учили, что искусство отличается от науки тем, что оперирует образами, а не абстрактными идеями. Это чепуха. Проза есть царство мысли. Нужны были усилия по меньшей мере двух поколений прозаиков, чтобы понять, что мысль может быть не только идеей и "теорией", но и образом и сюжетом. Но отличие литературы от науки, а также от философии, от религии, от историографии, от делопроизводства и от чего угодно состоит в том, что литература безответственна. Ничто не противопоставлено художественной литературе, никакая область жизни и никакая область знания ей не чужды, литература может иметь дело с блатным миром, с высшим светом, а также с гностикой, астрологией, каббалой, семиотикой, глубинной психологией, с теорией, согласно которой мир представляет собой дрожание струн, и с теорией, по которой наша страна указывает путь всем народам, — но суть литературы, я думаю, та, что любое "содержание" она превращает в средство. Средство для чего? На этот вопрос ответить невозможно. Средство для себя самой. Средство самоосуществления литератора, человека, рожденного для того, чтобы превращать свою мысль, чувство и воображение в текст. "Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох", — вот, собственно, все исповедание писателя. В этом смысле никаким декларациям и теоретизированиям, вложенным в уста его героев и его собственные уста, — ибо и он всего лишь персонаж своей литературы, и его жизнь и личность для него не более чем материал, — никому и ничему нельзя доверять; в этом заключается его принципиальная безответственность — качество, без которого нет настоящего писателя. Он может воображать о себе все что угодно, может, как Гейне, назвать себя храбрым бойцом за освобождение человечества, может быть белым гвельфом, как Данте, роялистом, как Бальзак, или шовинистом, как Достоевский, может быть христианином, иудеем, дзэн-буддистом, атеистом — все это важно лишь до определенной черты, до момента, когда он остается один на один со своим ремеслом, с языком и искусством. И тогда оказывается, что искусство и есть его единственный бог. Нет, литература не чурается ни теорий, ни верований, художественная проза — давно уже не "мышление образами" только, а что-то гораздо более сложное; но и построения великих мыслителей, и концепции современной психологии, и миф, и заповеди веры — для нее лишь материал, ибо в отличие от науки, философии и религии литература не есть поиск истины. Точнее, истина, которую предлагает литература, не может быть общеобязательной, ее значение относительно, ее власть бесспорна лишь внутри художественной структуры.

В рамках литературы "концепции" скорее обладают эстетической привлекательностью, нежели имеют достоинство философских истин, и то, что происходит с философией, когда она попадает в сети литературы, в глазах философа, возможно, выглядит деградацией или по меньшей мере нечестной игрой. То, что литература проделывает с идеологией, объясняет, почему политика и партийность с опаской косятся на литературу. То, как литература обращается с человеческими страстями, заставляет религию видеть в литературе грех. Литература безответственна. Лите-

ратура живет мифотворчеством, и любое вероучение может представить для нее ценность как материал, пригодный для того, чтобы выкроить из него миф; но упаси Бог превратить миф в вероучение.

Следовало бы покончить с теорией художественного исследования действительности или по крайней мере заново выяснить, что это означает. Ибо "действительность", как уже сказано, не объект, а материал, и если можно говорить о задаче романа, то она состоит в сотворении некоего мифа о жизни. В художественной прозе складывается некоторая автономная система координат, как бы ее сверхсюжет, внутри которого организуется и развивается сюжет, напоминающий историю "из жизни". В рамках литературной действительности миф преподносится как одна из версий действительности, как "истина", если хотите; но на самом деле это игра. Игра — это и есть истина. Истинный в художественном смысле, миф освобожден от претензий на абсолютную — философскую или религиозную — истинность и, следовательно, обезврежен. А ведь мы хорошо знаем, как опасно мифотворчество, когда его принимают всерьез. И к тому же мы поняли, что смешивать искусство с жизнью — проявление дурного вкуса. Не в этом ли обыгрывании, не в этой ли деэответственности состоит терапевтическое действие искусства на общество?

Если литература древних питалась языческой мифологией, а средневековая — христианской, то литература нашего времени утеплена философской мифологией. Классический пример — роман Пруста, огромная теплица под лампами Бергсона.

10. После нас — Китай

В прениях на эти темы неизменно встает вопрос, "что же дальше", всплывают словечки "поставангардизм" и "постмодернизм"; в который раз спохватываешься и видишь, что мы в самом деле въехали в новую эпоху: авангард превратился в арьергард, а модерн сам стал классикой.

Никто не знает, что такое Postmoderne, вернее, знают все: постмодернизмов столько же, сколько и пишущих о постмодернизме. С некоторой условностью можно говорить об американской и европейской версиях: первая, порожденная специфической для нашего века ситуацией мусорного смерча культуры, противостоит второй, элитарной. Теории наподобие тех, которые предложены Лесли Фидлером или Т.Гитлином (винегрет из обьедков культуры под знаком примитивно понимаемой иронии), отказываются признать присущий культуре инстинкт самосохранения, эту безгливость духа, которая заставляет, вопреки всему, блюсти границу между собой и не-собой, между вавилонским рынком культуры и собственно культурой.

Очевидно, что постмодернизм, толкуемый как глобальный супер- или антистиль, основанный на смешении всех стилей, представляет собой капитуляцию духа перед массовой культурой. Если это в самом деле нам угрожает, то следует ожидать, что культура свернется в клубок. Разжижению противостоит необычайно усугубившееся чувство иерархии (которое в Новом Свете всегда усваивалось с трудом), своего рода патрицианская спесь культуры. То, что художественная словесность интересует очень немногих, подобно теоретической физике или игре в бридж, — в порядке вещей. К тому же достоинство писателя состоит не в том, чтобы приноравливаться к ситуации, и даже не в том, чтобы ее преодолевать. Достоинство писателя, как, впрочем, и достоинство человека вообще, — в том, чтобы игнорировать ситуацию. Некоторые произведения новой литературы, ставшие отчасти уже классическими, по видимому, предполагают слишком большой опыт жизни и опыт чтения; в итоге они немногим более доступны, чем некоторые области современной науки, творения философов или образцы новейшей музыки; это и есть тайный код культуры. О нем говорит Мандельштам в "Четвертой прозе":

"Я китаец, никто меня не понимает. Халды-балды!"

Может быть, мы вернемся в XIII век.

Термин "постмодернизм" подвергся молниеносной инфляции, еще немного, и он утратит всякий смысл. Я не могу постичь, например, каким образом Льву Лосеву могло прийти в голову считать представителем постмодернизма автора эпопеи "Красное колесо" — писателя, который всецело ориентируется на обыденное сознание. Это все равно что объявить постмодернистом Боборыкина.

11. Время

"Игры с временем и пространством" (выражение Борхеса) всегда были королевским доменом литературы, но, может быть, никогда прежде литература не испытывала такого чувства изношенности математического времени — род метафизической усталости в мире Ньютона.

В XI книге "Исповеди" Августина находятся знаменитые главы о времени. Что такое время, спрашивает он. Мы это понимаем, но объяснить не можем. Ни будущего, ни прошлого фактически не существует, и вернее было бы сказать, что имеется настоящее, относящееся к вещам прошлым, настоящее, относящееся к вещам настоящим, и настоящее, относящееся к вещам будущим. Все три области существуют только в нашем представлении: настоящее вещей прошедших — это воспоминание, настоящее предметов нынешних — созерцание, а настоящее будущих — ожидание. И далее (XI, 26) следует самое прекрасное, что когда-либо было сказано о времени: "Маловероятно, чтобы оно было чем-то иным, нежели протяжением самого духа".

Время приходится описывать с помощью метафор движения и пространства, но перемещение в неподвижном пространстве само по себе нуждается во времени, а отвлечься от пространства невозможно — разве что переместить время в сферу сознания. Какова бы ни была мера философской истины, содержащейся в учении Августина, оно останется высшим оправданием литературы как мифотворчества о времени.

Меня занимал вопрос о предопределении. Как и многие, я пытался понять, каким образом в нашей жизни соотносятся случайность, свобода выбора и то, что можно было бы назвать программой, вернувшись к первоначальному смыслу греческого слова: нечто "пред-писанное". Кем — это другой вопрос, может быть, не столь интересный; в конце концов, программой служит и нуклеотидный код — текст, записанный в хромосомах при помощи четырехбуквенного алфавита наследственности. Пример, который показывает, что метафизические предметы могут быть не так уж далеки от положительной науки.

Однажды мне пришло в голову, что можно примирить две взаимоисключающие версии — взгляд на жизнь как на хаос случайностей и как на осуществление некоторого плана, — если представить себе, что мы рассматриваем "жизненный путь" с двух концов. Именно так мы и поступаем, припоминая свою жизнь. Обозреваемый из прошлого, этот путь предстает как непредсказуемый, беспорядочный и случайный, зато при взгляде с другого конца, из "будущего вещей прошедших", улавливаешь в нем некую логику. В конце концов и нейрофизиологи рассуждают о том, что время в мозгу течет слева направо (из левого полушария в правое). Еще один пример вроде упомянутого выше. Но я предпочел бы говорить о двух временах. Короче говоря, я воспользовался этой моделью (истинность которой не подлежит обсуждению, какая тут истина? — литература) в романе, где она служит для организации сюжета. Роман этот был арестован, после чего я написал его заново.

Ему была придана форма воспоминаний, задача которых (для вспоминающего) была не столько реконструировать прошлое, сколько внести в него порядок и смысл. Таким образом, он представлял собой как бы двойное воспоминание.

"Антивремя" (название книги) — это божественное время, время Бога, для которого нет ничего случайного и бессмысленного и которому все известно заранее, ибо он взирает на нас из будущего, подобно тому как писатель пребывает в будущем по отношению к своим героям. В этом смысле Бога нет (как для героев нет

автора). Но аналог божественного антивремени присутствует в нашем собственном опыте: это — память, обратное течение времени, которое превращает хаос прошлого в связный текст. Если угодно, антивремя есть метафора литературного творчества.

Антивремя — это миф о предопределении. Это шарлатанская теория полубезумного профессора, который поставил ее на службу своему злокачественному национализму: Большой Прогноз будущего России, освобождающий всех нас от моральной ответственности, от морали вообще, — чему быть, того не миновать. Пародия на "русскую идею", Божий замысел о России и великое предназначение нашей страны. (Один австрийский критик усмотрел в метаастрологии Павла Хрисанфовича Дымогарова пародию на марксизм.)

Наконец, антивремя есть эпоха, в которой живут герои: провал истории, безвременье, нечто противоположное историческому времени; поэтому это роман не только о человеке, который был сыном двух отцов — двух народов, равно потерпевших фиаско, но и о том, как он пытался преодолеть антиисторизм нашего времени, отравленного дыханием лагерей, и захлебнулся в нем.

12. Портрет романиста

Достоинство писателя состоит не в том, чтобы жить в истории, но в том, чтобы противостоять истории; очевидно, что это означает жить в своем времени и вопреки ему. Летом 1933 года Музиль вернулся из Германии в Вену. Причиной были не политические события сами по себе, а скорее то обстоятельство, что распался кружок жертвователей, помогавших сводить концы с концами, — по большей части антифашистов и евреев. К тому же он сам был женат на еврейке. Через пять лет немецкие части пересекают австрийскую границу, супруги едут в Италию, вроде бы в отпуск, возвращаются, но не домой, а в Цюрих. Это уже эмиграция. Оттуда перебираются в Женеву, в две комнатки на шестом этаже на rue de Lausanne; вещи, книги — все осталось в Вене, в доме, который погибнет в конце войны. Самому Музилю остается жить два года и десять месяцев. В эти тысячу дней происходит последняя схватка с романом-Минотавром, грандиозным замыслом, который уже давно существует как бы сам по себе и диктует творцу свои условия; итог единоборства — ничья.

"Вообразите себе (пишет он пастору Лежену) буйвола, у которого на месте рогов выросло другое придаточное образование кожи, а именно, две смехотворные мозоли. Вот это самое существо с огромной головой, некогда оснащенной грозным вооружением, от которого остались только мозоли, — и есть человек, живущий в изгнании. Если он бывший король, он говорит о короне, которая была у него когда-то, а люди вокруг думают: небось не корона, а шляпа. В конце концов он и сам начинает сомневаться и не уверен даже, осталась ли у него вообще голова на плечах." Музиль не подписывает никаких заявлений и открытых писем, не ходит на собрания и манифестации; его появление на конгрессе писателей в защиту культуры в Париже в 1935 году, рядом с Брехтом и т.д., было скорее случайностью. Его выступление было странным. Он сказал: "История нашей эпохи развивается в сторону все обостряющегося коллективизма. Политики склонны рассматривать достижения культуры как свою естественную добычу, вроде того как женщины раньше доставались победителям. Я же со своей стороны полагаю, что роскошной культуре подобает женское искусство защищать себя и свое достоинство... Культура предполагает непрерывность и пиетет даже перед тем, с чем борются. Кроме того, можно твердо сказать, что культура всегда была сверхнациональна. Но даже если бы она не носила наднационального характера, она и внутри собственного народа всегда была бы чем-то таким, что живет над временем, служила бы мостом над эпохой провала и соединяла бы живущих с далеким прошлым. Отсюда следует, что тому, кто служит культуре, не положено отождествлять себя без остатка с сегодняшним состоянием его национальной культуры. Культура — не эстафета, передаваемая из рук

в руки, как это представляют себе традиционалисты; дело обстоит куда сложнее: творческие умы не столько продолжают культуру как нечто идущее к нам из мглы времен и из других стран, сколько видят в ней нечто такое, что заново рождается в них самих". Разумеется, никто не принял эту диатрибу всерьез.

Между тем начинается война, все валится в тартарары — все речи и все конгрессы; вся шумная деятельность предвоенных лет кажется абсолютно бесполезной; Германия и Советский Союз делят Польшу, немцы занимают Данию и Норвегию, Франция побеждена и выходит из игры, идет воздушная битва за Великобританию, СССР продолжает раздвигать свои границы, корпус Роммеля теснит англичан в Африке, вермахт оккупирует Грецию, Рузвельт и Черчилль провозглашают Атлантическую хартию. Наконец, Гитлер вторгается в Россию, а японцы бомбардируют Пирл-Харбор. Кого в это время может интересовать сложный интеллектуальный роман, действие которого происходит в давно исчезнувшей Какании? Да и сам он все больше становится проблематичным — призрачным, блуждающим, как река в песках.

После того, как Ровольт выпустил в 1930 году первый том, а в 1932 — второй, дело застопорилось; издатель нервничает, время идет, самое имя Музиля малопомалу отодвигается в малозначимое прошлое: "Разве он еще жив?" Новый издатель готовит к печати продолжение, двадцать глав, готов платить вперед, но гранки, высланные автору для вычитки, так и не возвращаются в типографию: автор считает, что все надо переписывать заново. Роман растет и отмирает по мере роста. Музиль сравнивает себя с человеком, который хочет зашнуровать футбольный мяч размером больше его самого, карабкается на поверхности мяча, мяч все раздувается; отдельные главы переписываются по десять и двадцать раз, кипы исписанной бумаги не умещаются на столе. К этому времени произведения Роберта Музиля уже запрещены на территории рейха, но и без этого он забыт, похоронен при жизни, точнее, погребен под своим чудовищным произведением.

12а. Портрет романиста (продолжение)

Статья о Роберте Музиле (Мьюзиле) в последнем издании Британской энциклопедии состоит из одной фразы — пять строк, включая имя автора, даты жизни и название главной книги на двух языках. Статья, посвященная игроку в бейсбол Стэну Мьюзиелу, состоит из 28 строк. Статья о вожде итальянского народа Бенито Муссолини, при крайней сжатости изложения, занимает 480 строк: детство, юность, литературная, ораторская и политическая карьера, всемирно-исторические заслуги, всемирная слава, мировоззрение, семейная жизнь; не упущено ничего, включая подхваченный в юные годы сифилис. Место литературы в жизни общества описывается, таким образом, уравнением:

$$M = M(1) : M(2)$$

где $M(2)$ — Муссолини, а $M(1)$ — Музиль.

На авторском вечере в Винтертуре, первом и последнем, где Музиль читал отрывки из романа, присутствовало 15 человек.

Посмертный редактор "Человека без свойств" Адольф Фризе составил список отзывов об авторе. В разные годы разные люди говорили о нем так: сдержанный, холодный, надменный, замкнутый, рыцарственный, сама любезность, невероятное самомнение, сухой, как чиновник, ни разу не улыбнется, офицерский тон, горд своим фронтовым прошлым, оч-чень интересная личность, ничего подобного — может быть, и крупный человек, но малоприятный, прекрасно одет, есть деньги или нет — костюм от лучшего портного, туфли первый сорт, считает себя недооцененным, держит всех на расстоянии и сам страдает от этого, падок на похвалы и так далее. Однажды, в начале тридцатых годов, это холодное одиночество было нарушено: Музиль написал нечто вроде обращения к братьям по перу, под заголовком "Я

больше не могу". Ледяным тоном, на изысканном немецком языке сообщается, что он погибает от нищеты, нечем платить за квартиру, инфляция сожрала небольшое состояние, и с тех пор он живет от одного случайного заработка до другого; всем на него наплевать, нация равнодушна к своему писателю, но теперь его терпению пришел конец. К записке (оставшейся в бумагах) приложено три "Завещания". При этом оказывается, что все четыре документа — варианты одного и того же текста. Разные повороты мысли, пробы, расползание по плоскости. Он работал над этим криком о помощи так, как работают над прозой, потому что под его рукой все становилось литературой, как все, до чего касался фригийский царь, превращалось в золото. Различные редакции отличаются друг от друга не только стилистически. Но так же, как главы романа, они представляют собой не столько ступени совершенствования, сколько реализацию разных возможностей, заложенных в тексте. Все варианты равноценны — в некотором роде писание в разные стороны. Возможно, здесь кроется один из секретов этого творчества, а может быть, и секрет этого человека.

Der Mann ohne Eigenschaften, человек без свойств, без "определяющих моментов" и определенных занятий, открытый для всех возможностей, тот, о котором идет речь в двухтысячестраничной, недописанной и скорее всего обреченной остаться недописанной книге, — двойник автора, но не в том смысле, что Ульрих присвоил себе некоторые черты из жизни д-ра Музиля, а в том, что он ведет себя в жизни так, как его создатель ведет себя в литературе: Ульрих олицетворяет парадигму эссеистической литературы.

Такой роман написать до конца, до последней точки нельзя, как нельзя в — геометрическом смысле — заполнить линиями плоскость. Марта Музиль писала о том, что писатель рассчитывал еще на двадцать лет работы. Закончил бы он книгу? Согласно предположению Фризе, Музиль будто бы решил разрубить гордиев узел, заключив ее послесловием от имени состарившегося Ульриха и заодно откликнувшись на события сороковых годов. Кажется более вероятным, что из этого вышел бы просто еще один том, такой же бесконечный и безвыходный.

Полвека назад завершилась литературная революция, итогом которой было исчезновение общеобязательной точки зрения, той высшей внероманной точки, откуда обозревается все пространство прозы. Писатель больше не Наполеон, сидящий на барабанах где-нибудь на холме, и еще менее — бог, каким представлял себе романиста Флобер: всезнающим, вездесущим и невидимым, как Бог в природе. Но отказ от безлично-единой точки зрения в новой литературе вовсе не значит, что мы возвращаемся к субъективно-единоличной точке зрения, к позиции наивного рассказчика. Многие люди, прочитав что-то такое у Бахтина, думают, что если в одной главе все описано глазами народа, а в другой — очами государя императора, в одной — с точки зрения Столыпина, в другой — террориста "Мордки" Богрова, то это, стало быть, и есть новейший полифонический роман. На самом деле повествование "глазами такого-то" выглядит такой же литературщиной, если не худшей, кажется еще более невыносимым, натужным и обветшавшим приемом, чем добрая старая манера писать "от автора". Собственно, новая точка зрения — это отсутствие единого и общеобязательного взгляда, кому бы он ни принадлежал. Иначе говоря, прозаик должен раздвинуть индивидуальное сознание героя, соединив его с неким сверхсознанием, принадлежащим всему составу участников, — не столько менять ракурс, перескакивая от одного к другому, от "него" к "ней" и обратно, все это уже исчерпано, изношено до лохмотьев, — сколько совместить противоположные и в обыкновенной жизни несовместимые ракурсы. Конечно, это означает размывание контуров героя, размывание всей концепции литературного персонажа, сосуществование двух природ — корпускулярной и волновой. Неоднозначность точки зрения, молчаливая презумпция, что излагаемая в данный момент версия событий есть именно версия, не более чем версия, и что любая оценка — лишь одна из возможных, скользкая светлая пятно в темном поле возможностей, — собственно, и есть то, что мы

подразумеваем под литературным эссеизмом. Может быть, такое фасеточное зрение — черта неуловимой Postmoderne. В таком случае, мне известен только один постмодернист в современной русской литературе — да и тот не прозаик: Бродский.

126. Вздохи летнего дня

Гипотезы о том, почему роман не удалось закончить, в свою очередь образуют поле возможностей, аналогичное пространству самого романа. В бумагах встречаются заметки, которые стоят целых трактатов.

”То, что в этих разговорах так много приходится распространяться о любви, имеет тот основной недостаток, что вторая жизненная опора, второй столп, злое, страстное начало, начало вожделения — проявляет себя так слабо и с таким запозданием! Просчет состоял в переоценке теории. Она не выдержала нагрузки; во всяком случае, оказалась не столь важной, как представлялось до осуществления задуманного. Я давно уже это понял, теперь приходится расплачиваться. Вывод: не отождествляй себя с теорией. Отнесись к ней реалистически (повествовательно). Не изобретай теорию невозможного, но взирай на происходящее и не питай честолюбивой уверенности, будто ты владеешь всей полнотой познания”.

”Теория” — это система оценок, сложный комментарий к ”происходящему”, внешне приписанный главному герою, но очевидным образом выходящий за его горизонт; это и есть то самое расползание героя, вследствие которого он превращается в сверхперсонаж и не-персонаж, субститут автора-бога в классическом романе. Но при такой нагрузке герою некогда жить. Вместо того чтобы любить, страдать и вожделеть, он без конца говорит о страсти и вожделении. Одно из объяснений, почему роман не окончен, — крах эссеизма.

Вообще же говоря, пассивный герой — одна из вечных проблем романистики. Эссеистический герой, который неспособен сделать выбор, остановиться на определенном наборе свойств и начать, наконец, совершать поступки, — именно из-за того, что он герой эссеистического романа. Все в жизни Ульриха остается пробой и экспериментом, в том числе самый смелый опыт, попытка достичь экстаза, не покидая царство разума, — загадочное ”другое состояние”, taghelle Mystik, слияние с другой душой, нечто вроде бесконечно длящегося соития, но не в вагнеровской ночи, а под полуденным солнцем, при свете бодрствующего интеллекта. Эта другая душа — сестра-близнец Агата, с которой Ульрих, оставив общественную деятельность, встречается в доме умершего отца после того, как много лет брат и сестра ничего не знали друг о друге. Но то, что должно произойти — инцест, — так и не происходит, точнее, растворяется в бесконечном незавершенном сближении, в разговорах, в томительном бездействии летнего дня: Atemzüge eines Sommertages.

Над этой главой — ”Вздохи летнего дня” — Музиль сидел с утра 15 апреля 1942 года, в двадцать минут десятого зарегистрировал в тетрадке, заведенной по совету врача, первую сигарету, в одиннадцать часов — вторую. В час дня, собираясь принять ванну перед обедом, он умер. Могилы Музиля нет; пепел, по семейной традиции, жена развеяла в лесу под Женовой. ●

ОСНОВАН ФОНД ПАМЯТИ БОРИСА РАБИНОВИЧА
BORIS-RABINOVICH-WERKDOKUMENTATION

Задачи фонда: сохранение и популяризация творческого наследия безре-
менно умершего мастера, организация выставок, сбор документов, хране-
ние и репродуктивное работ Б.Рабиновича. Адрес фонда: Obere Amts-
hausgasse: 21/10, 1050 Wien, Österreich. Организаторы фонда будут благо-
дарны всем желающим оказать посильную помощь. Пожертвования про-
сят переводить на банковский счет фонда: Creditanstalt-Bankverein, Wien,
Zwggst. Stumpfergasse. Konto-Nr. 0157-34981/00, B.L.Z 11000.

Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым расторгнуть политические связи, соединяющие его с другим народом, и занять среди держав мира самостоятельное и независимое положение, на которое он имеет право согласно законам природы и ее Творца, то уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины, побуждающие его к отделению. Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа. Благоразумие, конечно, требует, чтобы давно сложившиеся формы правления не сменялись вследствие маловажных и преходящих причин, так как опыт прошлого показывает, что люди скорее склонны терпеть зло, пока оно еще переносимо, чем пользоваться своим правом упразднения привычных форм жизни. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности.

Декларация независимости Соединенных
Штатов Америки. 4 июля 1776 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СОЛОВКИ

III 1936

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ